

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

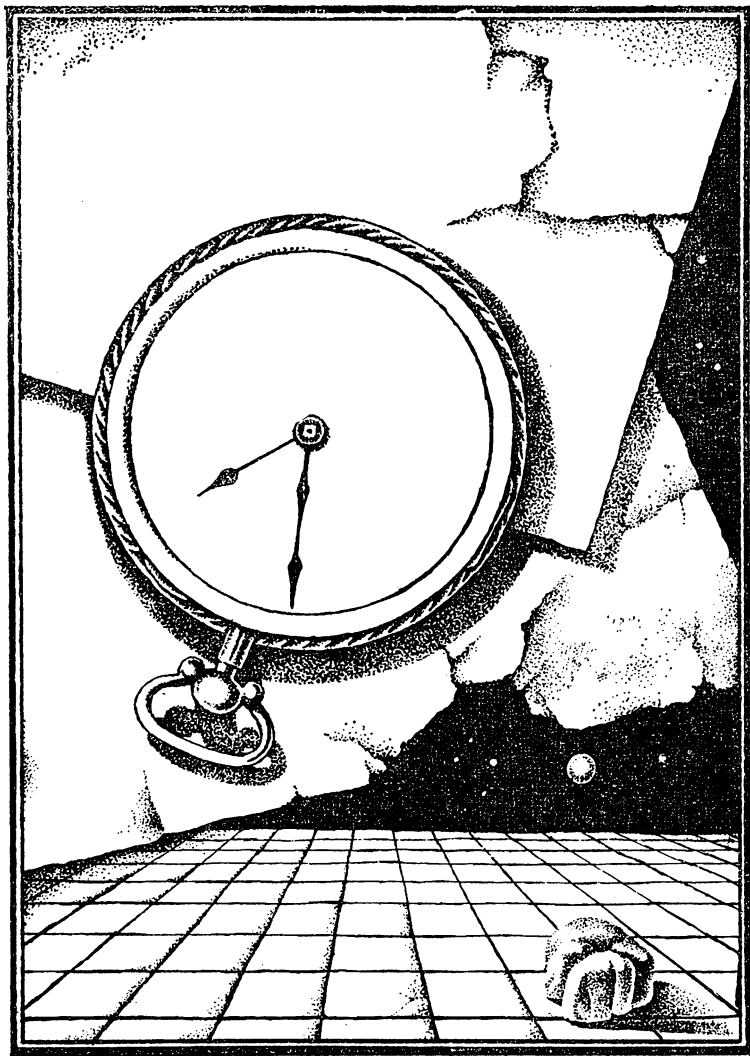
АЛЕКСАНДР ШАЛИМОВ

ЭСТАФЕТА РАЗУМА

**БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ**

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

АЛЕКСАНДР ШАЛИМОВ

ЭСТАФЕТА РАЗУМА

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1989

ББК 84Р7
Ш 18

Шалимов А. И.

Ш 18 Эстафета разума. — М. : Мол. гвардия, 1989.—
336 с., ил. — (Б-ка сов. фантастики).

ISBN 5-235-00507-4

Фантастика в повестях ленинградского ученого и писателя представлена в разных жанрах. Здесь и приключенческая повесть-предупреждение «Приобщение к большинству», и социально-фантастический памфлет, поднимающий наболевшие проблемы современного общества, и рассказ об освоении Марса, написанный в традиционной манере научной фантастики. Все произведения объединены гуманистической темой и заботой о будущем нашей планеты.

ББК 84Р7

Ш $\frac{4702010200-152}{078(02)-89}$ 149—89

ISBN 5-235-00507-4

© Издательство
«Молодая
гвардия»,
1989 г.

Некоторые буквы рукописного алфавита он вообще забыл.

Что, например, обозначают эти закорючки? Придется заглянуть в справочник. Сомнительное удовольствие — корпеть целое утро над расшифровкой чьих-то каракулей. Времени им тут девать некуда!..

Впрочем, и его время теперь текло без особой пользы. Впервые за десять лет... Ступив на бетон Центрального космодрома, он только и делал, что пожимал чьи-то руки, пил, ел, улыбался в ответ на просьбы: «Еще улыбку в эту сторону, дорогой мистер Рут!» Без конца ствечал на дурацкие вопросы... Теперь по утрам еще ворох корреспонденции. Ничего не поделаешь... «Через это надо пройти», — шепнул вчера кто-то из журналистов, подсовывая Руту под самый нос портативный экран видеопередатчика. «Два слова, капитан. Миллионы ваших соотечественников, прильнувшие сейчас к видеоэкранам, горят желанием услышать ваш голос и узнать об урановых месторождениях, которые вы открыли на Плутоне...» Очень нужны эти месторождения «миллионам соотечественников»! Тем более что большинство, конечно, догадывается, для каких целей будет использован уран...

Десять лет жизни — срок немалый! К тому же десять лет, прожитых им, Рутон Доррингтоном! Здесь, на Земле, стрелки часов бежали быстрее. И кое-что тут изменилось не в лучшую сторону. Он уже успел подметить. Да и на Плутон доходили вести...

Рут раздраженно отбросил очередное письмо. Одно и то же — приглашения на приемы, просьбы о «личных встречах», предложения рекламных бюро и фирм, краткие извещения («Имею удовольствие сообщить, что вы избраны почетным членом нашего клуба»), какие-то дипломы... Несколько гладких белых пластинок — видеозвуковые письма... Надо будет потом прослушать их на видеопроекторе.

Остается еще большой темный конверт. Может быть,

необычная форма и цвет на этот раз не обманут ожидание?

Рут заставил себя неторопливо вскрыть конверт. Изнутри выскользнула полоска темной ткани с несколькими строками печатного текста:

РУТУ ДОРРИНГТОНУ

космическому пилоту первого класса — капитану трансуранового планетолета «Метеор-3» — Командиру Второй экспедиции на Плутон

Отель «Парадиз»

Дорогой друг! Вам надлежит приобщиться к большинству не позднее чем через десять дней с момента получения нашего письма. Вы сами повинны в том, что обращаемся к Вам сразу же после Вашего триумфального возвращения. Однако надеемся, что Вы в полной мере оцените продолжительность предоставленного Вам срока. Вы первый, для кого делаем это исключение в признание выдающихся заслуг. Мы полагаем, что нет надобности объяснять Вам, что решение является окончательным и ни при каких обстоятельствах не может быть отменено или изменено. Попытка уклониться приведет к последствиям столь же нежелательным, сколь и страшным...

С уважением и восхищением по поручению Высшего Совета Равных...

Вместо подписи вилась длинная спираль, похожая на ползущую змею.

Рут пожал плечами. Милая Земля!.. Уже начали шантажировать... Дешевка! Интересно, что может означать «приобщение к большинству»? Что за большинство? Выжившие из ума старые психопатки или хулиганствующие молокососы?.. Надо будет при случае узнать, что это за Высший Совет Равных...

Рут взглянул на часы. Ого, уже восемь! Удивительно, что никто еще не беспокоил его сегодня. И переговорные экраны молчат... Что ж, тем лучше!.. Первая официальная встреча назначена на десять. Значит, в его распоряжении еще два часа, которые можно провести по своему усмотрению.

Насвистывая, он принял душ, оделся, вышел на балкон. Отсюда, с высоты сорок восьмого этажа отеля «Парадиз» — самого фешенебельного в Роктауне, окрестность просматривалась на десятки километров, до далекого подножия едва различимых синевато-фиолетовых гор. В голубоватой дымке раннего утра лежали внизу квадраты кварталов огромного города. Из разноцветной мозаики крыш, местами прорезанной полосками зелени, поднимались узкие стеклянные коробки многоэтажных зданий, подобные «Парадизу». На востоке, насквозь пронизываемые лучами утреннего солнца, они мутновато просвечивали, на западе ярко блестели, отражая застекленными стенами потоки солнечного света. Вдали, за чуть уловимой границей города, зеленели равнины в серебристой паутине дорог. В едва различимых узелках этой паутины еще что-то поблескивало, и так до самого горизонта.

Рут глубоко вздохнул. Оперся на балюстраду. Это была Земля, которую он не видел десять лет. Его Земля... Утренний ветер приятно охлаждал лицо, приносил какие-то странные запахи свежести и гнили, едва уловимый аромат цветов. А может быть, это только казалось... Ведь он забыл, как пахнут цветы, трава и лес, забыл прикосновения земного ветра. Он вообще многое позабыл за эти годы. Кондиционированный воздух в космическом корабле и на их базе на Плутоне был стерильно чист, подобно дистиллированной воде, лишен каких-либо свойств и признаков. Он просто не ощущался. Служил лишь для дыхания. И никогда ни о чем не напоминал. А утренний ветер и эти запахи сразу напомнили так много...

Рут прислушался. Было удивительно тихо. Внизу на улицах уже началось движение, но сюда ни единый звук не доносился. Да, многое тут изменилось, многое... Раньше не строили таких высоких зданий и городов таких не было. В сущности, Роктаун — один из множества обычных городов, выросших на Среднем Западе за последние десятилетия. Черт побери, десятилетия! Его десять лет, прожитые на космическом корабле и под черным небом Плутона, — это двадцать семь земных. Более четверти века! Он теперь на семнадцать лет моложе своих сверстников, с которыми вступал в жизнь. Понятно, что никто из старых друзей не встречал его. Ведь им уже давно за шестьдесят. Может быть, многих нет в живых...

Даже Рэгги теперь гораздо старше его. Рэгги... Почему сегодня он вдруг вспомнил о ней?.. Тогда, перед отлетом, десять лет или четверть века назад, он приказал себе забыть о ней навсегда. На Плутоне он не нарушал этого приказа. Только сегодня... Эх, Рэгги, Рэгги... Все могло бы быть иначе, если бы... Рут стиснул зубы и тряхнул головой. К чему эти воспоминания!.. Она не любила его. Даже не пришла проводить... У нее была какая-то своя цель в жизни, непонятная ему. Удалось ли ей достигнуть этой цели? Была ли она счастлива? Счастлива ли она сейчас? И главное, где она?..

Рут вдруг с необыкновенной ясностью понял, почему он так пристально всматривался в лица встречающих, почему внимательно просматривал утреннюю почту, почему так подбирал слова в бесконечных интервью. В сущности, он все время ждал только одной-единственной встречи, одного-единственного письма, и лишь к ней, единственной на Земле, он обращался, стоя перед видеокамерами. Знала ли она о его возвращении? Видела ли его? Слышала ли его слова? Поняла ли, что они обращены к ней одной? А вдруг и ее уже нет в живых? Нет, нет, быть не может. Если бы она ушла из жизни, он почувствовал бы это даже на Плутоне. И тогда...

Рут горько усмехнулся. Трижды на протяжении этой

бесконечной десятилетней ночи он побывал на пороге гибели. Правда, в одном случае он боролся за жизнь других. И совершил невозможное — спас их и себя вместе с ними. Он посадил продырявленный винтокрыл в узкой расщелине в трех часах пути от базы. И они дошли, дошли, несмотря на смертельную усталость, несмотря на удушье — кислородные баллоны их скафандров были почти пусты. Только у Джейн иссякли силы на последних сотнях метров. Но он донес ее до входного шлюза базы... Тогда он спасал товарищей... Ну, а потом — в Лабиринте Призраков и позднее, когда его свалила лучевая болезнь? Играть пришлось один на один... И все-таки он ухитрился выиграть обе «партии». Как — он не сумел бы объяснить. Просто заставил отступить смерть. Ведь не случайно оба раза его уже считали погибшим. Впрочем, как и при аварии винтокрыла...

Что же это — простое везение? Нет, конечно! Он знал, что должен вернуться на Землю. Должен, несмотря ни на что... Он сумел убедить себя в этом. И вот вернулся... Зачем — это уже другой вопрос... Не ради же всей этой кутерьмы, которая происходит сейчас вокруг него. И не ради земных ветров, о которых просто не вспоминал, пока находился там... Так зачем же, черт побери?!

Рут снова усмехнулся: «Уж коли разрешил себе думать об этом, не притворяйся, старина... Ты же знаешь, почему так яростно сражался со смертью один на один... Почему хотел вернуться. Она, только она... Она постоянно была с тобой, несмотря на все запреты. Даже когда ты целовал Джейн...»

Бедная Джейн... Она-то навсегда осталась там — в ледяной ночи Плутона. Она оказалась хорошей подругой — преданной и нежной. Их связь не была случайной. Кажется, она любила его. А он... Нет-нет, ему тоже бывало с ней хорошо. Но когда нелепый случай унес ее жизнь, он не испытал настоящего горя... Одиночество — да, горе — нет... Когда замуровывали штольню,

в которой был оставлен ледяной саркофаг Джейн, многие плакали, а он... Его глаза оставались сухими. Бедная маленькая Джейн! Она так мечтала о возвращении на Землю. Вместе с ним... Теперь на Земле он чаще вспоминает о ней, чем там в последние годы. Лаборант Джейн Верра... Ее имя навечно занесено в книгу Героев космоса. Так же, как и его собственное. Но он возвратился...

Странно, однако, что никто не тревожит его сегодня. Бестолковая суета первых четырех дней, последовавших за высадкой на космодроме Западной пустыни, не оставляла времени думать. Сегодняшний день — первый, когда он мог собраться с мыслями... Что же будет дальше, если свободного времени у него окажется больше? Нет-нет, довольно об этом. У него еще час до намеченной встречи. Надо спуститься вниз и посмотреть город.

Подойдя к двери, Рут вдруг вспомнил о странном конверте. Оглянулся. Раскрытый конверт лежал на столе, рядом темнела полоска ткани. Рут пожал плечами. Вернулся к столу. Взял темную полоску, еще раз перечитал ее, усмехнулся и сунул в карман.

Скоростной лифт за несколько секунд опустил Рута в просторный холл. Седоголовый портье вежливо поклонился ему из-за своей стойки. Рут кивнул и вышел наружу. После кондиционированной прохлады холла горячая влажная духота ошеломила. Дымился только что политый асфальт; пахло бензином. Узкая улица была запружена яркими машинами, медленно плывущими в двух противоположных направлениях. По тротуарам, обгоняя машины, торопливо шли люди. Кто-то сильно толкнул Рута, и он поспешно отступил к огромной зеркальной витрине ювелирного магазина, разместившегося по соседству с отелем. За стеклом на черном бархате лежали кольца, перстни и броши, искрящиеся бриллиантами. Рут вспомнил алмазные копи Плутона. В одной из них погибла Джейн... Может быть, некоторые алмазы были оттуда? Он вдруг почувствовал головокружение,

и ему захотелось вернуться в прохладный сумрак холла.

— Вздор, — сказал он вслух. — К этому надо привыкнуть.

Он заметил, что какая-то девушка внимательно взглянула на него. Кажется, она была недурна: овальное, почти детское личико, пышные темные волосы, стройные загорелые ноги. На ней было светлое, очень короткое платье и тонкая золотая цепочка на открытой шее. Цепочка заставила его сердце сжаться. Такую же носила Рэгги. На конце ее цепочки в тонком золотом обруче был миниатюрный силуэт старинного парусника. Рут готов был побежать вслед за девушкой, чтобы взглянуть еще раз на цепочку...

— Ну, возьми себя в руки, старина, — снова произнес он вслух, — что за мальчишество!

Он медленно пошел в противоположную сторону навстречу потоку прохожих.

Вдруг кто-то дернул его за рукав. Рут оглянулся. Молодой, нагловатого вида парень в мятом сером костюме и темных очках протягивал на грязной ладони маленький темный пакетик.

— Что это? — спросил Рут.

— Бери, не пожалеешь, — парень подмигнул.

— Наркотик?

— Вроде... Дает вечное забвение... Ты ведь Рут Доррингтон, не так ли?

— Откуда меня знаешь и кто ты такой?

— Неважно, для тебя неважно. Так берешь?

Рут покачал головой.

— Ну, как хочешь... Только зря отказываешься... Самый лучший способ, — парень хихикнул, — заснешь, и все...

Рут стремительно повернулся. Глянул на него в упор. Широкая, какая-то рыхлая, угреватая физиономия без бровей, глаз под темными очками не видно.

— Ты что плетешь? Откуда ты взялся?

Парень презрительно сплюнул:

— Подумай.. Догадаешься. — И, уже повернувшись, чтобы уйти, негромко бросил через плечо: — Зря ты вернулся... Зря...

Рут замер на месте. Первой мыслью было схватить и задержать наглеца. Потом вспомнилась полученная утром записка. Рут машинально сунул руку в карман, но там ничего не оказалось. Он растерянно обшарил все карманы. Полоски темной ткани нигде не было. Может, он опустил записку мимо кармана и она лежит теперь на полу в его номере? Рут огляделся по сторонам. Парня в сером костюме и темных очках уже не было видно. Некоторое время Рут стоял неподвижно, пытаясь сообразить, что, собственно, с ним происходит. Неужели ему почудилось?.. Нет, парень в темных очках не мог быть галлюцинацией. Рут еще ощущал кисловатый запах его давно немытого тела. Что же это означает?.. Неужели именно теперь, когда все позади, у него начинают сдавать нервы?

Рут внимательно посмотрел вокруг. Прохожие шли торопливо, безразличные ко всему. Несмотря на солнечный день, лица были хмуры и озабоченны. Непрерывными потоками плыли машины. На перекрестке автомат-полицейский поднял руку в белой перчатке, и потоки машин мгновенно застыли. Еще раз мелькнула белая перчатка — движение возобновилось. Рут решительно повернул к отелю. Город больше не интересовал его.

Первое, что бросилось в глаза Руту, когда он вошел в прохладный сумрачный холл, была та девушка в светлом платье. Она сидела в низком кресле, плотно сдвинув колени и положив подбородок на сплетенные пальцы. Теперь, в полумраке холла, она не показалась Руту красивой. Лицо, каких много, крупный рот с пухлыми губами, чуть вздернутый нос. На вид ей было лет восемнадцать. Смуглая кожа выдавала примесь африканской крови. «Южанка», — решил Рут. Девушка подняла на него глаза, их взгляды встретились. Рут слегка поклонился. Она не ответила, но и не выразила неудоволь-

ствия. Только чуть шевельнула бровью и медленно отвернулась.

Заметив Рута, портье заспешил навстречу.

— Просили передать вам тысячу извинений, капитан, — портье протягивал на блестящем подносе темный конверт, — встреча, назначенная на десять утра, откладывается. Позднее они позвонят еще раз.

— Благодарю, — Рут взял конверт. — Больше ничего?

— Больше пока ничего.

Открывая конверт, Рут поймал себя на мысли, что отмена встречи странно обеспокоила его. Сейчас ему меньше всего хотелось оставаться одному. Он медленно развернул полоску темной ткани, почти убежденный, что «Совет Равных» снова напоминает о себе. Так и было.

КАПИТАН!

Вы легкомысленно отказались от первого шанса, который мы любезно предоставили. Смотрите не ошибитесь вторично!

По поручению Высшего Совета Равных...

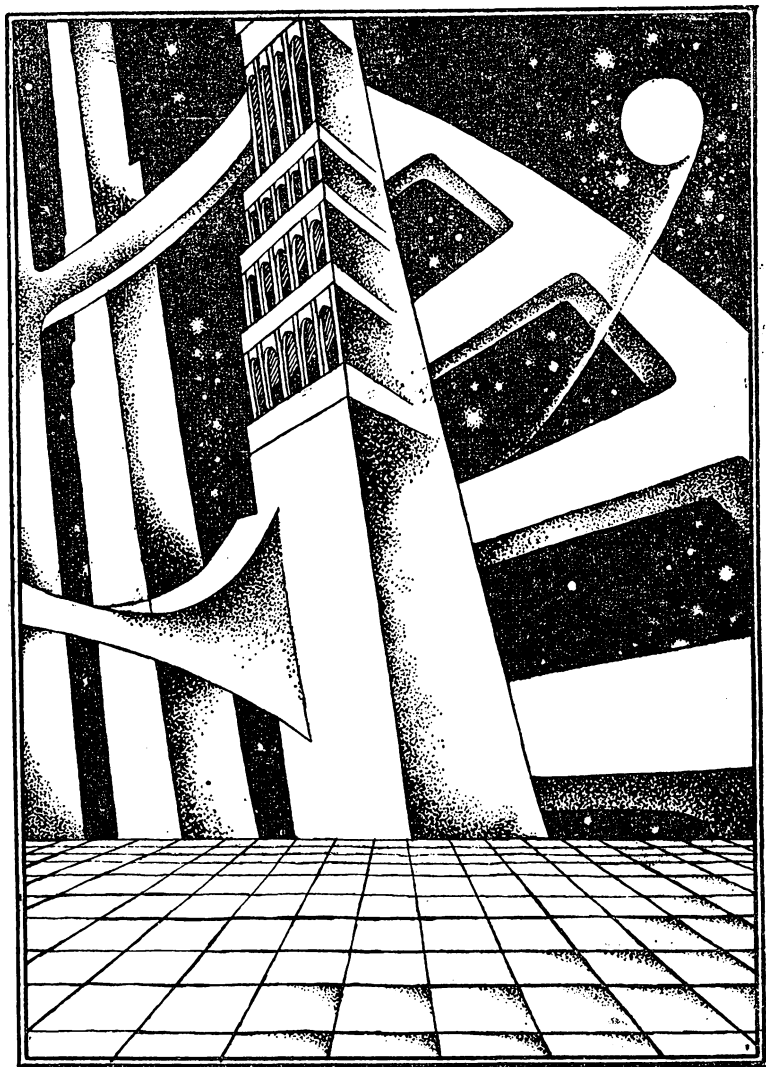
И та же подпись, похожая на змею.

Рут сосредоточенно потер лоб ладонью. Игра продолжалась и становилась все более забавной... Жаль, что он не задержал того парня в темных очках. В конце концов, достаточно было одного хорошего удара в челюсть. А в полиции можно было обратить это в шутку. Как-никак он все-таки Рут Доррингтон...

— Кто и когда принес конверт? — спросил он, подходя к стойке.

Портье пожал плечами:

— Доставлен пневмопочтой за несколько минут до вашего возвращения, капитан.

— А вы не знаете, что такое Высший Совет Равных? Лицо портье окаменело. Несколько мгновений он смотрел исподлобья на Рута, потом пробормотал, едва шевеля губами:

— Извините, никогда не слышал... о таком...

«Лжет, — решил Рут. — Лжет и чего-то боится».

— Благодарю, — сказал он, кладя на стойку золотую монету.

Портье низко поклонился.

Проходя через холл, Рут заметил, что девушка бросает на него любопытные взгляды.

В холле было довольно много народу, тем не менее Рут решился. Он подошел к креслу, в котором сидела девушка, поклонился и назвал себя. Она подняла на него удивленные, немного встревоженные глаза.

— Простите меня, — продолжал Рут, — всего лишь пятый день, как я возвратился на Землю. Меня поместили в этом отеле. В городе я почти никого не знаю. Боюсь, — он улыбнулся, — потеряться в этой сутолоке, от которой отвык. У меня есть несколько свободных часов — первые свободные часы с момента прилета. Не могли ли вы, не захотели бы стать моим гидом и наставником на это время?

Она смущенно молчала, опустив голову. Потом тихо сказала:

— Но вы меня совсем не знаете.

— Так же, как и вы меня.

— Ну, вас все знают. Только и разговоров о вас... Я тоже вас видела на экране... Но неужели вас не встречал никто из ваших близких?

Он покачал головой.

— А ваша жена... дети?

— У меня нет жены и детей.

— О, простите меня. Я с удовольствием помогу вам, если сумею. Я ждала здесь подругу, но она не пришла. Меня зовут Каридад; можете называть меня Кари...

— Чудесно, Кари. С чего же мы начнем?

Она улыбнулась:

— Не знаю.

— Я предлагаю позавтракать, а потом вы покажете мне самые интересные места в этом городе. Мы с вами возьмем машину и поедem по маршруту, который вы выберете.

— Самые интересные места? — Она задумалась. — Боюсь, в этом городе не найдется ничего интересного для вас, господин Доррингтон. Вы ведь видели столько...

— Называйте меня просто Рут, Кари.

— Хорошо. Днем это очень скучный город, Рут. Здесь нет ни старинных зданий, ни красивых памятников, ни тенистых садов. Есть Луна-парки, но... они открыты только по вечерам, когда большинство людей не работает. Вообще здесь можно повеселиться только вечером, но вечером вы снова будете выступать на каком-нибудь ученом собрании или банкете...

— Скорее всего, — кивнул Рут. — Однако я надеюсь, мы найдем способ не скучать и в первую половину дня. А пока, — он протянул ей руку, — завтракать, Кари.

* * *

После завтрака он уже знал о ней почти все. Она студентка университета: второй курс медицинского факультета... Отца не помнит, мать погибла несколько лет назад в авиационной катастрофе. Воспитала ее бабушка. У бабушки бензозаправочная станция на юге, но сейчас, с переходом на новые виды горючего, дела у бабушки идут все хуже... Каридад вынуждена работать: надо платить за обучение. Все дорожает, и плата за обучение — тоже. Он, конечно, уже слышал об этом...

Нет, он об этом еще не слышал. Он вообще не представляет себе современных условий жизни. Старых цен он не помнит, а новые... В памяти всплыли слова его адвоката, сказанные при первой встрече: «Вы богаты,

капитан Доррингтон. Даже при нынешней нелегкой конъюнктуре очень богаты. Но ваш капитал надо быстрее определить в дело. Золото с каждым днем дешевеет...» Он сказал тогда, что подумает. Действительно, надо будет что-то сделать. Вот хотя бы эта девушка...

Она продолжала рассказывать, но Рут почти не слушал. Вероятно, даже в этом городе найдется немало людей, которые нуждаются в помощи. Может быть, и Рэгги — тоже... Эта мысль больно уколола. Рэгги в чем-то нуждается! Надо попробовать разыскать ее! Можно же найти человека, даже если он изменил фамилию... А если она покинула страну?

Кари перестала рассказывать, и он почувствовал на себе ее серьезный, внимательный взгляд.

— Вы чем-то озабочены, Рут?

— Нет... А впрочем, быть может. Я совсем не представлял, что за эти годы жизнь в нашей стране стала такой трудной.

— Стала трудной? Разве для большинства жизнь не была трудной всегда?

Он подумал, что, пожалуй, она права. В молодости и ему приходилось нелегко... И все-таки ему не хотелось соглашаться.

— Знаете, Кари, когда я впервые увидел этот город и вошел в этот отель, мне представилось, что теперь в нашей стране людям живется неплохо... Я имею в виду большинство... Люди на улицах красиво одеты, я нигде не заметил трущоб...

— Лохмотья и трущобы теперь в человеческих душах, Рут... А то, что вы видели... Эти дома и красивые машины, и все остальное — почти все взято в кредит, в долг. За это надо платить всю жизнь. И если кто-то не сможет сделать очередного взноса — у него отбирают все и... высылают из города... Если, конечно, у него не найдется защитников.

Она вздрогнула, испуганно оглянувшись по сторонам и замолчала.

— Значит, здесь, в городе...

— Здесь, в городе, могут жить только те, кто в состоянии платить... А чтобы платить, надо много и тяжело работать. Работать всю жизнь.

— Что же происходит с теми, кого высылают?

Ее губы задрожали:

— Не знаю... Не спрашивайте меня об этом, Рут... Вообще никогда никого не спрашивайте об этом... Пожалуйста...

Он с удивлением увидел, что она плачет:

— Кари, дорогая, что с вами? Успокойтесь!.. Ну...

Он протянул ей свой носовой платок.

Прижимая платок к глазам, она пыталась улыбнуться сквозь слезы:

— Простите меня, Рут... Это сейчас пройдет...

Но спазм плача снова сотряс ее худенькие плечи.

Он плеснул в бокал вина и заставил ее сделать несколько глотков. Услышал, как застучали ее зубы о край бокала, когда она пила вино.

Рут взял сигарету. Тотчас подкатил робот-официант, ловким движением протянул палец. На конце пальца блеснула красноватая искра. Рут прикурил от протянутого пальца и глубоко затянулся.

Кари сидела, низко опустив голову. Пряди темных волос свесились ей на грудь и закрывали лицо. Конец золотой цепочки выскользнул из-за кружев в вырезе платья. Нет, на конце цепочки не было силуэта старинного парусника... Там был маленький золотой крестик.

Затягиваясь крепким ароматным дымом, Рут попытался сообразить, что, собственно, произошло. Она не похожа на наркоманку... Может быть, просто истеричка? Тоже маловероятно. Кари выглядела совершенно нормальной девушкой и рассуждала вполне здраво, пока он не спросил ее о тех, кого высылают... У нее неплохая фигура, красивые ноги; вероятно, она отличная спортсменка. В чем же дело, черт побери?.. Незажившая рана недавнего тяжкого переживания? Он разбередил ее сво-

им вопросом?.. Рут почувствовал, что все больше теряется в окружающей обстановке. Одно непонятное nagромждалось на другое...

Впервые где-то в глубинах сознания родилась мысль, что там — в безмерных далях космоса — все было гораздо проще и яснее. Была напряженная работа, которая постоянно заставляла держать себя в руках, и была мечта, светившая сквозь мрак вечной ночи. Здесь все выглядело гораздо сложнее... Этот странный город, в котором никто не уверен в завтрашнем дне, эта девочка, с ее невыплаканным горем, Совет Равных...

Кари шевельнулась. Потом подняла голову, отбросила назад волосы и взглянула на него. Ее лицо было уже спокойным, только большие темные глаза утратили прежний блеск и глядели куда-то в глубь себя.

— Плохой из меня наставник и гид, не правда ли? — Она печально улыбнулась. — Вам придется поискать kго-нибудь другого, Рут.

Она хотела встать из-за стола, но Рут поспешно удержал ее за руку. Ему вдруг стало страшно, что она сейчас уйдет и он опять останется один со своими мыслями.

— Не меняйте так быстро ваших решений, Кари, — попросил он не очень уверенно.

Она внимательно посмотрела на него:

— Мне показалось, что изменили решение вы, Рут. Я испортила вам такой прекрасный завтрак.

У него отлегло от сердца:

— Значит, вы остаетесь?

— Если не прогоните меня.

Рут громко рассмеялся.

— Если бы вы знали, Кари, как для меня важно, чтобы вы остались...

Она тоже улыбнулась кокетливо и чуть насмешливо:

— Эти слова следует принять всерьез?

— Безусловно, — горячо заверил он.

Они вышли из ресторана и на скоростном лифте

съехали в холл. На месте старого портье уже дежурил молодой огненноголовый парень с голубыми глазами навывкате. Он склонился в почтительном поклоне, когда они подошли к стойке.

— Ну, куда мы направимся? — спросил Рут.

Она закусила губы:

— Право, не знаю. Здесь, в центре, сейчас повсюду такие пробки.

Рут глянул сквозь стеклянные двери холла. Потoki разноцветных машин едва двигались в противоположных направлениях.

— А если взять винтокрыл?

Ее глаза заблестели:

— О, это было бы замечательно. Знаете, Рут, я никогда не летала на нем.

— Решено. Винтокрыл! — бросил Рут, обращаясь к рыжеволосому портье.

— Слушаюсь, капитан! С пилотом? — Портье замер в ожидании ответа.

— Поведу машину сам.

— Есть, капитан! — Толстые пальцы портье пробежали по цветным кнопкам панели, вмонтированной в крышку бюро. — Винтокрыл номер сто двенадцать ждет вас на крыше отеля, капитан. Желаю приятной прогулки!

Через минуту они уже были на плоской крыше отеля. Кари оглянулась и ахнула:

— Что за красота! Никогда не думала, что сверху город так прекрасен.

— Разве вы не видели его сверху?

— С такой высоты — нет.

— А с авиона?

— Я не летала на авионе. Я вообще никогда не поднималась в воздух, Рут. Не удивляйтесь... Большинство тех, что живут там, внизу, тоже не летали на авионах.

— Возможно ли? В век космических перелетов...

— Космические перелеты — удел немногих избран-

ников. Таких, как вы, Рут. Но вас всего сотни, а там, внизу, миллионы. Подавляющее большинство живущих внизу не может позволить себе далеких путешествий. Лишь некоторые выезжают во время отпуска в горы или на берег моря...

— Но мне казалось, что в дни моей молодости...

Она быстро прервала его:

— Наверно, было то же самое, Рут. Просто вы рано попали в число избранных...

Он усмехнулся, вспомнив свою молодость.

Они подошли к винтокрылу. Это была новая модель, и Рут подумал, не ошибся ли, отказавшись от услуг робота-пилота. Впрочем, бросив беглый взгляд на панель управления, он успокоился. Обойдется!.. Во всяком случае, это проще, чем вести «Метеор».

— Он немного похож на прозрачную стрекозу, не правда ли? — заметила Кари.

— Или на мыльный пузырь на конце соломинки.

Кари захлопала в ладоши:

— Это просто чудо — лететь в мыльном пузыре!

Прозрачная кабина винтокрыла действительно напоминала удлинённый мыльный пузырь. Сзади располагался полупрозрачный корпус. В нем помещались баки с горючим и двигатель. Вдоль корпуса покоились сложенные косым треугольником серебристые лопасти крылья. Внизу — две пары небольших колес на надувных шинах.

Рут толкнул рукой прозрачную кабину, и все сооружение затрепетало, словно оно было нарисовано на голубом полотнище небесного свода.

— Ой, а достаточно ли он прочен? — усомнилась Кари.

— Это хорошая машина, — заверил Рут, — удобная и надежная. На подобных летают даже на Плутоне.

В кабине было четыре места. Рут сел в кресло пилота и посадил Кари рядом с собой. Бесшумно задвинулась прозрачная дверь. Кари подалась вперед и вцепи-

лась обеими руками в поручни кресла. Лицо ее побледнело от напряжения.

Рут искося глянул на нее и усмехнулся.

— Не надо так напрягаться, Кари. Свободно откиньтесь в кресле. Сейчас я научу вас управлять этой стрекозой. Вот смотрите: поднимаем крылья...

Он нажал ногой красную педаль в полу. Послышался тихий шелест, и Кари, взглянув вверх, увидела, как над кабиной возникла блестящая мачта, а на конце ее развернулись и стремительно закрутились лопасти-крылья.

— Ну, вот и все, — сказал Рут, — полетели?

Винтокрыл дрогнул и побежал к краю площадки-крыши. Еще мгновение — и под ногами у них открылась бездна, а в этой бездне бесконечно далеко внизу — в дымной знойной мгле — квадраты городских кварталов.

Кари ахнула и, поджав ноги на сиденье, судорожно вцепилась побелевшими пальцами в рукав куртки Рута. Винтокрыл резко накренился и широким виражом пошел вниз. Кари закричала от ужаса и, зажмурившись, спрятала лицо на груди у Рута. Он, улыбаясь, выровнял машину; левой рукой обнял девушку за талию, а правой нашел ее маленькую руку и, положив на штурвал, прикрыл своей широкой ладонью.

— Следить за полетом. Ведем машину вместе...

Кари приоткрыла глаза. Винтокрыл, набирая скорость, стремительно рвался вперед. Внизу все быстрее проплывали разноцветные квадраты кварталов, похожие на коробочки башни высотных зданий. Контур далеких гор рисовался все четче на фоне голубого неба.

* * *

Они летали целый день... Вскоре Кари настолько освоилась с полетом, что уверенно вела машину сама. Она смотрела вперед широко раскрытыми глазами и радостно смеялась, когда винтокрыл, покорный каждо-

му движению ее пальцев, плавно разворачивался, описывал широкие круги, то ныряя далеко вниз, то уносясь к облакам. Рут лишь изредка подправлял ритм полета незаметным движением руки...

Кари опомнилась первая. Она глянула на часы и ахнула:

— Уже пять... Вы пропустили все ваши встречи, Рут.

Он засмеялся, махнул рукой:

— Обойдутся без меня. Ради них я потерял четыре дня. Вполне достаточно на первое время. Давайте сядем где-нибудь...

Она отодвинулась и удивленно взглянула на него:

— Вы хотите опуститься на землю?

— Конечно.

— Но зачем?

— Ну хотя бы затем, чтобы перекусить. Нам давно пора пообедать.

Она подумала немного:

— Надо разыскать какой-нибудь отель и опуститься возле него.

— Совсем не обязательно, — возразил Рут. — Мы можем сесть где-нибудь на опушке леса в горах. В холодильнике винтокрыла должны быть продукты и питье. Мы разведем костер.

Она испуганно замотала головой:

— Чтобы сесть в горах, надо иметь специальное разрешение. С этим очень строго... И, кроме того, трудно найти такое место, где только лес и ничего нет. Взгляните, внизу все застроено, все загорожено... Свободных мест нет.

Он присмотрелся и убедился, что она права.

— Тогда углубимся еще дальше в горы.

— Ой, нет-нет... Там то же самое, Рут. Видите — оранжевые изгороди? Это — земля корпораций, которым принадлежат рудники. Если мы спустимся там, нас могут просто застрелить...

— Полетим к самым ледникам.

— Нет-нет, туда тоже нельзя. Там какие-то запретные зоны.

— Кажется, Земля становится слишком тесной, — пробормотал Рут.

— Она давно стала тесной, — шепнула Кари. — Нас слишком много на ней...

— Так что же делать? Не возвращаться же в «Парадиз»...

Кари взглянула ему прямо в глаза.

— Вы хотите побыть где-нибудь вдвоем?.. И чтобы нам никто не мешал?

Вместо ответа он поцеловал ее в нежные дрогнувшие губы...

— Спустимся туда, — сказала Кари, поправляя волосы, — к тому прямоугольнику темной зелени. Это придорожный отель. Там может остановиться каждый...

Рут посадил винтокрыл на пустой зеленой лужайке. Вокруг росли старые вязы с густыми, раскидистыми кронами. В тени деревьев виднелись легкие разноцветные домики, окаймленные верандами. К домикам вели посыпанные белым песком дорожки. Вдоль дорожек — цветы, целые заросли ярких цветов. Теплый вечерний воздух был неподвижен и напоен их ароматом. Откуда-то издадала доносилась спокойная тихая музыка.

Бесшумно подкатил робот, похожий на Ио, в голубой униформе и круглой красной шапочке. На груди у него висел металлический ящичек с прорезью.

— Приветствую дорогих гостей, — прошепелявил робот. — Комнату или ранчо?

— Ранчо, — сказал Рут, закрывая кабину винтокрыла. — И хороший ужин.

Робот указал пальцем на прорезь металлического ящичка, и Рут опустил туда несколько монет.

— Мы останемся здесь только до ночи, — объяснила роботу Кари.

— А может быть... — начал Рут.

— Нет, нет, — решительно возразила она. — Только

до ночи, Рут. У меня сегодня ночное дежурство. Ради такого дня я могла пропустить все лекции, но на работе должна быть. Иначе... меня уволят. Только до ночи!

Робот кивнул. Внутри у него что-то щелкнуло, и из металлического ящичка выпала часть монет. Робот с поклоном вернул их Руту.

Потом он повел их по обсаженной розами дорожке мимо разноцветных домиков.

Возле каждого он останавливался и вопросительно глядел на Кари и Руту.

— Может быть, там?.. — Кари указала на розовый домик немного в стороне, окруженный кустами цветущего жасмина.

Робот подвел их к этому домику и распахнул дверь.

Рут взглянул на Кари.

Она кивнула.

— Ужин приготовить на веранде? — спросил робот.

— Да, — Рут снова посмотрел на Кари.

Она улыбалась. Рут легко поднял ее на руки и шагнул в розовый домик.

* * *

В полночь они уже были над Роктауном. Кари показала квартал, где находился ее госпиталь, — несколько ярко освещенных кубических зданий с зеленовато фосфоресцирующими плоскими крышами. Рут посадил винтокрыл на одну из крыш. Здесь стоял еще один винтокрыл, поменьше.

— Это нашего шефа, — сказала Кари. — Только он прилетает в госпиталь на винтокрыле. Да еще один известный консультант. И вот теперь — я... Разговоры завтра будут! — Она засмеялась и поцеловала Руту.

— Где найду тебя завтра? — спросил Рут, обнимая ее.

— Я разыщу тебя сама. Мне это проще. — Она опять рассмеялась. — До завтра, Рут. Утром после дежурства я позвоню. Спасибо тебе за сегодняшний день.

Он хотел еще раз поцеловать ее, но она прижала палец к его губам и выпрыгнула из кабины.

— Счастливо, Кари! — крикнул он вслед.

Она кивнула и исчезла.

Рут не торопясь поднял машину в воздух. Огляделся. Расцветенная неонами, ярко освещенная коробка «Парадиза» вздымалась над центральными кварталами. До нее было несколько километров. Рут развернул винтокрыл и полетел к «Парадизу».

Поставив машину на прежнее место, Рут спустился на сорок восьмой этаж и прошел прямо в свои апартаменты. Ио приветствовал его бесстрастным поклоном.

— Ну, что нового? — спросил Рут.

— Ничего, — прошепелявил Ио.

— Как ничего? Совсем ничего?

Ио кивнул.

— Никто не приходил?

— Нет.

— И не вызывал меня? — Рут указал на видеоскрин.

— Нет.

— А письма?

— Тоже нет.

Это было по меньше мере странно. На сегодня они назначили четыре или пять встреч, на которые Рут не явился. Он решил уточнить.

— Так меня никто не разыскивал сегодня?

— Нет.

— Может быть, обращались к портье внизу?

— Нет. Вечером я узнавал.

— Спустись и спроси сейчас.

— Зачем спускаться? Можно отсюда. — Ио подкатился к одному из экранов. Нажал кнопку. На экране возникла часть холла со стойкой, за которой сидел портье. Портье поднял круглую бритую голову. Очевидно, еще раз произошла смена. Этого портье Рут еще не видел.

— Сами будете спрашивать? — Ио уставился на Рута немигающими красноватыми глазками-фотоэлементами.

— Спроси ты.

— Капитан Доррингтон хочет знать, не было ли каких-нибудь известий для него.

Портье покачал головой:

— Передайте капитану, ничего не было.

— Благодарю.

Экран погас.

«Просто непостижимо, — думал Рут. — Может быть, они обиделись, что я исчез, никого не предупредив? Предыдущий портье мог сказать, что я улетел на винтокрыле... Конечно, это нехорошо с моей стороны, но могли бы и они подать какой-то знак. Хотя бы выражение неудовольствия. Как будет завтра? Что-то, кажется, планировалось и на завтра... Ждать вестей от них или самому попытаться разыскать кого-нибудь? Черт бы их всех побрал с их фокусами!»

Тут Рут вспомнил исчезнувшую записку. Он оглядел комнату, пошарил на столе. Записки нигде не было. Не оказалось и большого темного конверта из полупрозрачного пластика. Рут пересмотрел весь ворох корреспонденции. Конверт исчез. Пришлось позвать Ио.

— Кто убирал в комнатах?

— Я.

— На полу ничего не лежало?

— Нет.

— На столе оставался большой темный конверт. — Рут показал, какой был конверт. — Где он?

— Все там, на столе.

— Ты ничего не выбрасывал в мусоропровод?

— Пустые бутылки и пустой тюбик из-под мыла.

— А большой конверт не выбрасывал?

— Нет.

Рут прошелся по комнате, размышляя. Может, не стоит придавать всему этому значения? Однако что-то

настораживало... Там, на Плутоне, Рут научился угадывать грозящую опасность. В такие мгновения словно электризовались мышцы и напрягалась воля. Подобное ощущение у него появилось и сегодня. Потом, во время полета с Кари, оно исчезло. И вот сейчас возвратилось. А может, просто сдают нервы? Что могло бы угрожать тут, на Земле?..

Рут взглянул на Ио. Робот продолжал стоять в дверях, очевидно ожидая дальнейших вопросов или распоряжений.

— Ты выходил сегодня?

— Да, на подзарядку.

— Когда это было?

— От четырнадцати до четырнадцати сорока.

— В твое отсутствие кто-нибудь мог войти сюда?

Ио беспокойно шевельнулся, его красноватые глазки замерцали. Рут решил, что он не понял, и хотел повторить вопрос, но Ио неожиданно прошепелявил:

— Я встретил его в коридоре.

— Кого?

— Кто мог войти.

— Но ты не видел, как он заходил?

— Нет.

— Почему же ты думаешь, что он заходил?

— Я не думаю. Робот моей системы не может думать.

— Черт побери, — не удержался Рут. — Почему же ты сказал, что он мог?

— Потому, что он спросил, не робот ли я капитана Доррингтона.

— Ну и что?

— Я не должен отвечать каждому. Я ему не ответил.

— Прекрасно, и что дальше?

— Он сказал, если я робот капитана Доррингтона и скажу капитану Доррингтону, что видел его, он велит послать меня в переплавку.

— Вот что... Но разве от него это зависит?

— Не знаю...

— А ты не хотел бы, конечно, чтобы тебя послали в переплавку?

— Никто из роботов моей системы не хотел бы этого.

— Прекрасно, Ио. Обещаю тебе, что, пока я жив и ты со мной, никто не посмеет послать тебя в переплавку.

— Благодарю, капитан Доррингтон, — прошепелявил Ио.

— Как же выглядел этот человек?!

— Это был не человек.

— Еще не легче. Что же это было такое?

— Это был робот системы «пять».

— Робот системы «пять»? Никогда не слышал о такой. Что это за система?

— Это плохие роботы, капитан Доррингтон. Самые плохие. Хуже нет. Они всё могут.

— Что — всё? Какая у них специализация?

— У них нет специализации. Они всё могут. Некоторые работают в полиции. Но этот в полиции не работает.

— Почему ты думаешь?

— Я не...

— Ладно, ладно... Почему ты сказал, что этот не из полиции?

— У него не было номера и палки.

— Ты раньше его не встречал?

— Нет.

— Спасибо, Ио... Теперь принеси мне, пожалуйста, стакан содовой.

— Ужин тоже?

— Нет, не хочу ужинать. Только стакан содовой.

— Сейчас, капитан.

Ио исчез. Рут вышел на балкон. Внизу раскинулось море огней ночного Роктауна. Ярko светились прямые как стрелы магистрали центра; пульсировали зелеными и красными огнями ленты реклам. Сверху казалось, что

центр города объят пестрым пламенем исполинского фантастического пожара. К окраинам света было меньше, но там возникали какие-то багровые и желтые сполохи, что-то сверкало, искрилось, рассыпалось огненными фейерверками. Видимо, часть заводов работала и ночью. Рут отыскал место, где находился госпиталь Кари. Это вот там — за последней лентой высотной дороги... Хорошая девушка... Он попытался представить себе ее лицо... Чем-то она напоминала Джейн... Может быть, тем, что сразу поверила в него... Что за тяжелую тайну она носит в сердце? Этот взрыв отчаяния во время завтрака... Да, много непонятного: хотя бы история с письмом, неизвестный робот, который появлялся днем. Похоже, что Совет Равных — не просто выдумка маньяков. Если в их распоряжении роботы самой совершенной конструкции, из тех, что используются в полиции, это уже сила. Что же они такое?.. Какой-нибудь могущественный ганг, держащий в страхе владельцев отелей, магазинов? Что им тогда нужно от него? Хотят запугать — это ясно. Но с какой целью?

На балкон выкатился Ио с подносом. Поднос был уставлен бутылками.

— Зачем? — удивился Рут. — Я ведь просил только содовую.

— Вчера вечером вы пили все это.

— Ну хорошо. Поставь в комнате на столе.

Ио выполнил распоряжение и снова появился на балконе:

— Приготовить кровать, капитан Доррингтон?

— Не надо. Я еще не ложусь. Ты иди, спи.

— Разрешите заметить, капитан, что роботы моей конструкции никогда не...

— Ах, извини, Ио. Я опять забыл... Иди занимайся своими делами. Если надо будет, позову.

Ио продолжал топтаться на месте.

— Что-нибудь еще? — спросил Рут, раскуривая сигарету.

— Да. Что сделать с-ужином: поставить в холодильник или бросить в мусоропровод?

— Сделай, что сочтешь более правильным.

Ио, не мигая, уставился на Рута, потом глазки его вспыхнули и он сказал:

— Поставлю в холодильник.

— Ну вот и прекрасно, — согласился Рут.

Следя за пляской реклам, Рут докурил сигарету и вернулся в комнату. Присев к столу, он задумался — какой коктейль приготовить. Он еще не успел прийти к окончательному решению, как ожил один из экранов. Сначала послышался стук метронома, затем на экране появился какой-то военный. Военный откашлялся и объявил, что город находится в угрожающем положении. Удар предполагаемого противника ожидается через двенадцать-тринадцать минут. Всем надлежит занять места в убежищах. Освещение будет выключено через четыре минуты. Военный исчез, и снова тревожно застучал метроном.

Рут покачал головой и принялся неторопливо составлять коктейль. В дверях возник Ио и уставился на него немигающими красноватыми глазками.

— Что скажешь? — поинтересовался Рут, добавляя в почти готовую смесь несколько капель мятного ликера.

— Объявлена тревога.

— Ну и прекрасно.

— Вам необходимо спуститься в убежище.

— А тебе?

— Мне не обязательно. Тревога учебная.

— А в случае настоящей тревоги?

— Будет особое распоряжение.

— Если мы с тобой доживем до настоящей тревоги, Ио, мы спустимся в убежище оба. А пока оба останемся здесь.

— Как вам будет угодно, капитан Доррингтон.

— Впрочем, я полагаю, — добавил Рут, отхлебывая

коктейль, — что и в случае настоящей тревоги не составит большой разницы, где мы с тобой окажемся в момент «ноль»...

Свет начал меркнуть и погас.

С бокалом в руке Рут вышел на балкон. Ио последовал за ним.

Город исчез. Внизу простирался непроглядный мрак. Черное небо искрилось звездами. Бледный свет доходил лишь откуда-то слева. Рут перегнулся через балюстраду и увидел слева над самым горизонтом тонкий серп ущербной луны.

— При учебных тревогах ее не выключают, — пояснил Ио.

Рут кивнул и сделал еще глоток коктейля. Несмотря на тревогу, коктейль получился отличный.

Свет дали только через полчаса. Перед этим тот же военный опять появился на экране и, объявив, что тревога была учебной, разрешил жителям Роктауна покинуть убежища и вернуться в постели.

Рут еще не успел допить второго коктейля, как раздался мелодичный звон: вспыхнул экран внутренней связи отеля. Лысый портье, извинившись, проинформировал, что на капитана Доррингтона решением военных властей города наложен штраф за нежелание воспользоваться убежищем во время учебной тревоги. Штраф будет включен в счет за отель.

— Я понял, — сказал Рут. — Благодарю.

Ио бесшумно приблизился, чтобы взять поднос.

— Как по-твоему, — спросил Рут, — больше сегодня тревог не будет?

— Нет, — прошепелявил робот, — следующая — через десять дней.

— Тогда — спать, — решительно сказал Рут. И вдруг почему-то вспомнил о десяти днях, предоставленных ему Высшим Советом Равных. Теперь их оставалось только девять...

Утро принесло новые неожиданности. Во-первых, прекратился поток писем. Ио с меланхолическим видом принес на подносе одно-единственное письмо. Какой-то тип предлагал организовать акционерное общество по производству дистиллированной воды из гренландского льда. От Рута требовались только деньги. Все остальное автор отважно брал на себя. Рут, не дочитав, скомкал письмо и швырнул в корзину для бумаг. Экраны продолжали молчать. Никто из «опекунов» Рута, не покидавших его ни на минуту в первые дни, теперь не отзывался.

«Точно умерли все сразу, — раздраженно подумал Рут, — или получили указание отступить от меня». Вторая мысль показалась ему заслуживающей внимания, и он почему-то опять вспомнил вчерашнее исчезнувшее письмо. Собственно, с письма-то все и началось... Но как бы там ни было, они обязаны известить его, если официальные торжества по какой-то причине сокращены и отныне он предоставлен самому себе.

Рут решил дожидаться звонка Кари и опять улететь с ней на целый день. В конце концов надо хорошенько проучить этих бюрократов. Как-никак он — Рут Доррингтон! Его имя навсегда останется в книге Героев космоса.

Хуже всего было то, что и Кари не отзывалась. Рут подождал до полудня и начал не на шутку тревожиться. Какая это была глупость — не спросить вчера ее адрес. Что адрес!.. Он не знал даже ее фамилии. В Роктауне, конечно, не один университет. Где теперь искать ее?

Потом его охватила злость. Вот легкомысленная девчонка! Кто поверит, будто она так занята; не найдет минуту, чтобы позвонить ему. Должна же она понимать, что он не может сидеть целый день как привязанный возле переговорных экранов в отеле.

В два часа дня, взбешенный на всех, а больше всего

на самого себя, Рут решил спуститься в ресторан. Он приказал Ио не отходить от экранов и запомнить все, что будут говорить. Если объявится красивая черноглазая девушка — сказать, что он в большом ресторане «Парадиза» и ждет ее там.

Когда час спустя Рут стремительно вошел в свой номер, он застал Ио в той же позе перед экранами, в какой оставил его.

— Звонил кто-нибудь?

— Нет.

Руту вдруг стало страшно. Что все это означает? Почему молчит Кари?..

Он решил, что подождет еще час и начнет действовать.

Однако не прошло и получаса, как он позвал Ио и потребовал найти «Справочник адресов». Ио не знал, что это такое. Рут принялся объяснять, но Ио, не дослушав, перебил его:

— Нужен человек или офис?

— Человек, но, может быть, сначала придется искать офис, много офисов. Собственно, даже не офис, а университет.

— Университет — тоже офис, — назидательно прошепелявил Ио.

— Пусть так... Может быть, ты знаешь, сколько в Роктауне университетов?

Вместо ответа Ио нажал кнопку возле одного из экранов, и на экране тотчас возникла похожая на куклу блондинка с ярко-красными губами и огромными голубыми глазами.

— Слушаю вас, — ласково сказала блондинка.

— Капитан Доррингтон хочет... — начал Ио, но Рут поспешно отстранил его.

— Вы не скажете, сколько университетов в Роктауне?

— Четырнадцать, — не задумываясь, ответила блондинка и улыбнулась.

— Благодарю. Во всех ли университетах есть медицинские отделения или факультеты?

— Нет, не во всех. Только в двенадцати.

«Тоже неплохо, — подумал Рут. — Задал себе работу».

— Вы можете сказать мне адреса этих двенадцати? — снова обратился он к блондинке.

— Конечно. — И она затараторила серии цифр.

Рут растерянно оглянулся на Ио.

— Я все запомнил, — заверил робот.

— Желаете узнать еще что-нибудь? — ласково спросила блондинка.

— Да... Собственно, мне надо разыскать в городе одного человека — одну девушку... Ее зовут Каридад. Как это сделать?

— Ничего нет проще, — ослепительно улыбнулась блондинка. — Назовите ее номер.

— Если бы я знал номер, я позвонил бы ей сам.

— Нет, не номер аппарата, — ее собственный номер, под которым она значится в реестре граждан Роктауна. Ее личный номер...

— Но я не знаю, — растерянно пробормотал Рут.

— Тогда ничем не могу вам помочь.

Она улыбнулась и исчезла. Экран погас.

Рут, обескураженный, опустился в кресло.

У них, оказывается, тут какие-то номера... Может, это и удобно, но как теперь быть ему? Идиот, ничего вчера не спросил! Кари тоже хороша! Могла бы догадаться, что он ничего этого не знает. А может, она просто не хотела с ним больше встречаться? Поэтому и не сказала ни фамилии, ни номера. Эта мысль ошеломила его... Как он раньше не подумал! Сидит, ждет целый день... Ну и поделом тебе, старый дурак! Он решил не вспоминать о ней больше. Легче от этого не стало. Пришла опустошенность и апатия. Ему все сделалось безразлично.

Рут долго сидел не шевелясь, устремив взгляд на

пустые экраны и стараясь ни о чем не думать. Потом поймал себя на мысли, что чего-то ждет, и вскочил. Ио, который все это время неподвижно стоял позади кресла, прошепелявил, указывая на экран:

— Не знает, как помочь. А еще система «пять».

Рут даже не удивился, когда сообразил, что Ио имел в виду блондинку. Тоже, значит, робот... Ну и пусть!.. Какая ему разница, где тут роботы, а где настоящие люди. Они теперь во многом сходны. Вот, например, Ио... Он даже лучше некоторых настоящих людей...

И вдруг Рута осенило. Госпиталь, куда он отвез ночью Кари, он разыщет без труда. Надо сейчас же туда лететь. Там он узнает о ней. К нему сразу вернулась энергия и жажда деятельности. Через полчаса он найдет эту легкомысленную девчонку.

Приказав Ио дежурить при экранах, Рут спустился в холл. Портье снова был новый — огромный детина мрачного вида, смуглый, черноволосый, с синеватым шрамом через все лицо. Выслушав Рута, он отрицательно покачал головой:

— Невозможно, капитан.

— Это еще почему? — искренне изумился Рут.

— Вы вчера несколько раз нарушили правила, пересекали границы запретных зон. Полиция наложила запрет на ваши права.

— Да вы знаете, кто я такой? — взорвался Рут.

Портье пожал плечами:

— Какое это имеет значение? Обращайтесь в полицию, если недовольны.

Рут почувствовал, что самообладание готово покинуть его.

Он крепко сжал кулаки, оперся ими о стойку перед носом портье и сказал возможно спокойнее:

— Слушайте. Мне необходимо срочно попасть сейчас в одно место в юго-западной части города. У меня нет времени ехать наземным транспортом. Дайте мне вин-

токрыл на полчаса. Дайте с пилотом, черт побери. Мне совсем не обязательно вести машину самому.

— Не могу. Меня завтра же уволят, если осмелюсь нарушить приказ шефа полиции.

— Повторяю, я не собираюсь вести машину сам. Шеф полиции мог наложить запрет на мои права пилота, но не имел права запретить мне пользоваться винтокрылом в качестве пассажира.

— Сейчас мы это проверим, — равнодушно пробормотал портье, нажимая какие-то кнопки.

— Из штаба полиции не отвечают, — объявил он через несколько минут. — Их часы работы уже кончились. Завтра я это выясню. А сейчас разговор беспредметен. В данный момент нет ни одного свободного винтокрыла.

— А когда будут?

— Не знаю...

Рут поспешно отошел от стойки. Он чувствовал — еще слово, и его терпению наступит конец. Стиснув зубы, он вышел на улицу. Придется ехать городским транспортом. Сумеет ли он объяснить водителю, куда ему надо попасть? День уже клонился к вечеру, но улицы, как и вчера, были плотно забиты машинами и пешеходами. Рут огляделся. Стоянка машин, кажется, должна находиться в соседнем квартале. Он торопливо направился в ту сторону. Вдруг кто-то осторожно потянул его за локоть. Он оглянулся. Это была Кари. Но в каком виде: яркие джинсы с золотистой бахромой, пестрая короткая блузка с большим вырезом на груди и на спине. Ковбойская шляпа с небольшой вуалеткой. Глаза ее были сильно подведены, на губах яркая помада. Тем не менее Рут даже по ее дыханию понял, что девушка очень взволнована и испугана, а когда она взяла его под руку, почувствовал, что она едва держится на ногах.

— Кари, что с тобой, дорогая, почему не звонила? — спросил Рут, наклоняясь к самому ее лицу.

— Молчи, — шепнула она прерывающимся голосом, — не говори ничего. Скорее уйдем отсюда. Какое счастье, что я дождалась тебя, Рут.

Она тянула его куда-то в сторону от отеля.

— Подожди, Кари, — он попытался остановить ее, — ты плохо выглядишь и, кажется, очень устала. Вернемся лучше в «Парадиз».

— Нет-нет, ни в коем случае. Идем со мной и молчи. Это недалеко. Пожалуйста, Рут... Я потом все объясню.

Рут решил не спорить. Они повернули в какую-то боковую улицу, потом еще в одну. Кари тяжело дышала, и видно было, что она идет из последних сил. Рут обнял ее, и она почти повисла у него на руке. Еще несколько поворотов. Какой-то узкий переулок с яркими вывесками маленьких лавчонок, баров, кафе. Тут машин уже почти не было, а толпа пешеходов заметно поредела. Наконец Кари толкнула застекленную дверь. Они спустились на несколько ступенек вниз. Это была небольшая закусочная, а может быть, просто пивная. Бар во всю стену со стойкой, обитой яркой медью, десяток простых маленьких столиков, игровой автомат в виде небольшого шкафа. У стойки и за столиками было несколько пестро одетых пар. Никто не обратил на Руту и Кари внимания. Кари провела Руту в дальний угол зала к свободному столику и заставила его сесть спиной к входной двери. Сама села рядом совсем близко, но так, чтобы видеть зал. Она не сняла своей ковбойской шляпы, даже опустила ниже вуаль. Глянув направо и налево, Рут заметил, что ближние столики свободны. Пожилой бармен вышел из-за стойки и приблизился к ним. Кари молча показала ему два пальца. Он принес две кружки холодного пива, поставил их на стол и, не сказав ни слова, удалился.

— Сделай вид, что пьешь пиво, — Кари коснулась губами края своей кружки. — Рут, дорогой, я все знаю... — Она перешла на чуть слышный шепот. — Ты

получил вчера письмо в большом темном конверте... Тебе надо немедленно уехать. Немедленно, Рут...

— Ты считаешь это таким серьезным, дорогая?

— Это смертный приговор, Рут. Приговор, от которого единственное спасение — бегство.

— Но что все это означает? Кто имел право выносить мне какой-то приговор? За что?

— Тише, Рут. Бесполезно говорить о правах. Ты просто не представляешь, как все переменялось в твоё отсутствие.

— Что такое Совет Равных?

— Тише... Это потом... У нас очень мало времени... Сколько дней они тебе дали?

— Десять... То есть теперь остается восемь...

— Тогда еще не все потеряно. Слушай меня внимательно. Уезжай отсюда сегодня же, в крайнем случае, завтра утром, пока они не установили за тобой непрерывной слежки. Уезжай в какой-нибудь большой город, в котором легче затеряться. Потом, при первой возможности — за границу. Это будет нелегко, Рут, но надеюсь... тебе удастся...

Он взял ее за руку:

— Кари, ты могла бы, ты хотела бы уехать со мной?

Ее губы дрогнули, и глаза под вуалькой налились слезами:

— Нет, Рут, к сожалению, это... совершенно невозможно. Может быть, позднее, когда ты будешь в безопасности и... позовешь меня...

— Но ты обещаешь?

— Я ничего не могу обещать, дорогой. Во всяком случае — сейчас...

Она отвернулась, но он не выпустил ее рук.

— Кари, ты не представляешь, чем ты стала для меня за эти два дня...

Она попыталась улыбнуться.

— Наверно, представляю... немного... Но, Рут, ты,

кажется, еще не осознал опасности, и это... самое страшное. Разве ты не почувствовал, как все вокруг тебя переменялось со вчерашнего дня?

— Разумеется, — кивнул он, покрывая поцелуями ее руки. — Ведь появилась ты...

— Не терзай меня, Рут! — Она попыталась высвободить руки. — Время уходит. Мы сейчас расстанемся, а я еще не успела ничего сказать.

— Расстанемся?..

— Это необходимо, Рут. Если нас теперь увидят вместе, плохо будет не только тебе, но и мне... Те, кто послал тебе письмо... они... способны на все. Они повсюду... Никто не осмелится помешать им...

— Кари, дорогая, поверь, я смогу...

— Ты ничего не сможешь, Рут.

— Если обратиться в полицию?

— О, как ты наивен!

— Или к самому министру космических исследований.

— Рут, ты ничего не хочешь понять. Все еще воображаешь себя в космосе, а ведь ты шестой день на Земле... Слушай, — она снова перешла на шепот, — я должна буду сейчас уйти. Вот здесь, — она сунула ему в руку маленький кусочек плотной бумаги, — написано, как разыскать меня. Но обещай не делать этого, пока сам не окажешься в безопасности. Обещаешь?

— Обещаю...

— А теперь прощай, Рут. Больше я ничего не смогла сделать.

— Подожди, Кари. Я все еще ничего не понимаю! Во-первых, как ты узнала?..

— Неважно, ой, все это неважно, Рут. Ну допустим, что это получилось случайно. Важно, чтобы ты мне поверил. Ты мне веришь, Рут?

— Верю... Верю и буду ждать! Но постой, Кари, тебе, наверно, нужны деньги?

— Ой, нет-нет-нет... Мне ничего не нужно... Я выйду

через комнату хозяина... Ты посиди немного, допей пиво и потом иди. До «Парадиза» не более десяти минут хода... Постарайся уехать сегодня же... — Она быстро поцеловала его, выскользнула из его рук и убежала.

Допить пиво он не успел. За окном послышался шум, топот бегущих ног, кто-то громко закричал. Руту показалось, что он узнал голос Қари. Опрокинув стул, Рут стремительно выбежал на улицу. У соседнего дома уже собралась толпа. Движимый непреодолимым предчувствием, Рут растолкал собравшихся и увидел Қари. Она лежала навзничь, запрокинув голову. Ее черные волосы разметались по тротуару, глаза были закрыты. С криком «Қари!» Рут бросился к ней, наклонился, хотел приподнять и замер, почувствовав, как что-то ледяное сдавило грудь. Из-под обнаженного плеча Қари на асфальт медленно выплывали темные струйки крови. Сзади кто-то сказал:

— Не трогай ее. Это конец...

И какая-то женщина прерывающимся голосом добавила:

— Ее ударили ножом. Парень в темных очках... Несколько раз...

Рут осторожно приподнял Қари и посадил. Легкий стон вырвался из ее плотно сжатых губ, и голова бесильно упала ему на грудь. Ее пестрая блузка сзади уже вся пропиталась кровью.

— Ну, что вы стоите! — крикнул Рут. — Найдите врача, позвоните в ближайший госпиталь...

Никто не шевельнулся, некоторые отвернулись.

— Сейчас придет полиция, — пробормотал кто-то.

Толпа вдруг расступилась, и вперед выступил пожилой человек в длинной темной сутане, с кружевной накидкой на плечах. Он опустил на колени рядом с Рут и, воздев руки, негромко сказал:

— Помолимся за нее, сын мой.

— Подите прочь! — крикнул Рут, отталкивая его. — А лучше помогите мне!..

Человек в сутане испуганно отполз в сторону, встал на ноги и исчез в толпе.

Рут осторожно прислонил Кари к теплой шершавой стене дома; не поднимаясь с колен, сбросил куртку и рубашку и, разорвав рубашку на длинные широкие полосы, обернул ими Кари поверх блузки. Потом, стянув концы, крепко завязал их на груди. Кари снова застонала, что-то попыталась сказать, не открывая глаз. Он склонился к самому ее лицу, пытаясь разобрать слова. Кажется, она узнала его, потому что ему послышалось его имя... Но она тут же снова потеряла сознание, и он с ужасом услышал, что дыхание ее прервалось.

— Кари, Кари! — в отчаянии зашептал он. — Подожди, Кари...

Послышалась сирена полицейской машины, толпа стремительно расступилась, какие-то люди оттеснили Рута. Над телом девушки склонился врач, но тотчас выпрямился и махнул рукой.

— Не может быть! — крикнул Рут. — Она только что дышала...

Врач мельком глянул в его сторону, что-то сказал полицейскому. Полицейский кивнул. Появились носилки, тело Кари довольно небрежно бросили на них и накрыли простыней.

— В комиссариат, — сказал полицейский, — а потом как обычно. Вы поедете с нами, — обратился он к Руту. — Еще кто-нибудь видел, как это произошло?

Но люди уже расходились.

Кто-то накинул на плечи Рута его куртку и подтолкнул к машине. Рут пригнулся, пролезая в низкий, длинный полицейский фургон. Справа там уже стояли носилки, на которых лежало тело Кари. Ему указали место на скамейке слева. Рядом сели врач и полицейские. Дверцы захлопнулись, взвыла сирена, и машина стремительно сорвалась с места.

На одном из крутых поворотов рука Кари выскользнула из-под простыни и свесилась на пол к ногам Рута.

Никто из сопровождавших не обратил на это внимания. Рут нагнулся, нашел тонкие пальцы. Они были холодны как лед. Ощущение холода показалось ему знакомым... Ну да, конечно, такими же холодными и безжизненными были пальцы Джейн, когда ее привезли на базу... Как давно это было... Рут медленно поднял упавшую руку, прижал к губам и осторожно положил на край носилок, под простыню.

* * *

В комиссариате его заставили долго ждать. Он сидел недалеко от входа за барьером на жесткой неудобной скамье. Мимо сновали какие-то люди, громко разговаривали, смеялись. Носилки с телом Қари унесли куда-то в глубь длинного, сумрачного коридора. Дверь напротив без конца открывалась и закрывалась. Кто-то сидевший у переговорных экранов, спиной к двери, разговаривал с невидимыми собеседниками. До Рута доносились лишь отдельные слова, обрывки фраз. Кажется, это были сообщения о дорожных происшествиях. Смысл их не доходил до сознания Рута. Что-то где-то произошло и все... Думать ни о чем он не мог... Внутри были пустота, горечь и холод. Окружающее казалось однообразно-серым, как в бесконечно затянувшемся сне. Только однажды слова, доносившиеся из комнаты напротив, привлекли внимание Рута. Он даже поднялся со скамьи и сделал шаг к барьеру, чтобы лучше слышать.

Полицейский, сидящий спиной к двери, кричал кому-то:

— Да, приобщили еще одну в сороковом квартале... Нет — ножом... Какая-то студентка... Ну конечно...

Дверь захлопнулась, отрезав окончание фразы. Рут снова опустил на скамью и застыл без движения и мыслей.

Наконец его вызвали к комиссару. В кабинете было несколько полицейских чинов. Они разговаривали между собой вполголоса и не обратили на Рута никакого

внимания. Комиссар, пожилой полный человек в очках, сидя за столом, читал какую-то бумагу. Рут стоял у стола довольно долго, пока комиссар, даже не взглянув на него, начал допрос.

Однако едва Рут назвал себя, в комнате воцарилась тишина и все взгляды обратились в его сторону. Комиссар сделал знак рукой, и тотчас появилось кресло, Рута пригласили сесть.

Он кратко рассказал, что произошло, начав с того момента, когда услышал крик и выбежал на улицу.

Комиссар покачал головой:

— К сожалению, последнее время это случается все чаще... Мы практически бессильны. В Роктауне более восьми миллионов жителей.

— Вы попытаетесь найти преступника? — резко спросил Рут.

— Конечно, но я не могу обещать, что это удастся. Мы обычно раскрываем лишь часть преступлений. Не очень большую часть.

— В этом случае вы подозреваете кого-нибудь?

Рут заметил, что офицеры переглянулись.

Комиссар внимательно взглянул на него:

— И да и нет, господин капитан. В городе много всяких подонков. Особенно в центральных кварталах... Но я лично прослежу за этим делом и проинформирую вас о результатах. Вы ведь живете в «Парадизе», не так ли?

Рут подтвердил.

Комиссар объявил, что он свободен и сейчас его отвезут на полицейской машине в «Парадиз».

Рут поинтересовался, должен ли он оставаться какое-то время в городе в связи с тем, что произошло, или может уехать.

— Пожалуйста, когда угодно и куда угодно. Нам вы не нужны.

— И еще вопрос, господин комиссар, — Рут с трудом перевел дыхание. — Что сделают с телом девушки?

Комиссар глянул на часы:

— Сейчас кончается анатомическое исследование, а дальше как обычно.

— То есть?

— Ночью она будет кремирована. Прах перешлют родственникам... Вы ведь знали ее, не так ли, капитан?

— Со вчерашнего дня...

— Печально, конечно, — вздохнул комиссар. — Но там, — он почему-то указал пальцем вверх, — вы тоже видели не одну смерть.

Рут молча кивнул.

— Прощайте, господин капитан. Рад был с вами познакомиться.

У Рутахватило сил лишь на поклон...

* * *

Ио встретил его на пороге. Красноватые глазки робота вспыхнули и замерцали, когда он увидел, в каком беспорядке костюм Рута.

— Приготовлю ванну, — сказал Ио вместо обычного приветствия.

Рут молча опустился в кресло. Думать ни о чем не хотелось. Время от времени всплывала мысль, что надо что-то решить, но тотчас растекалась в пустоте. Ио появлялся то с одной стороны, то с другой, Рут не обращал на него внимания. Наконец в электронном мозгу Ио, видимо, сработал какой-то сигнал, и робот проявил инициативу.

— Звонила красивая черноглазая девушка, — отчетливо сказал Ио, остановившись перед креслом Рута и сверля патрона своими красноватыми глазками.

Рут вздрогнул, поднял голову:

— Какая девушка?

— Красивая черноглазая девушка, — повторил Ио. — Капитан, выходя, приказал ждать ее звонка. Она звонила.

— Ну и что?

— Она сказала, что не придет. И еще сказала, чтобы капитан не искал ее...

— Когда это было?

— В восемнадцать сорок.

В это время Кари умирала у него на руках... Рут потерял лоб. Тут у них что-то не получилось... Его хотят полностью изолировать, это ясно... Вчера их видели вместе. Сегодня утром кто-то говорил с Кари, конечно, угрожал ей... Поэтому она не решилась позвонить и ждала его около «Парадиза». Ее след они на какое-то время потеряли и были уверены, что Кари не посмеет ослушаться. Этот звонок, очевидно, должен был имитировать отказ Кари от дальнейших встреч. Они знали, что Рут вышел из отеля и что в номере остался Ио, который никогда Кари не видел. Они не предусмотрели одного — поведения Кари... Но если все это справедливо, Кари погибла только по его — Рута — вине... За ним следили от самого отеля... А она, конечно, знала, на какой риск идет...

— Кари, Кари, что ты наделала... — прошептал Рут, стиснув зубы, — я не заслужил этой жертвы. Я даже не в состоянии отомстить за твою смерть... Как сказал этот полицейский? «Приобщили»... «Приобщили еще одну»... У них это стало профессиональным термином. Приобщение к большинству! Вот что это означает...

— Капитан что-то говорил? — Ио пригнулся, стараясь заглянуть в глаза Рута.

— Разве? Нет... Это были мысли вслух. Ты знаешь, что такое мысли, Ио?

— Да. Непрерывные импульсы биотоков. У роботов моей системы импульсы прерывистые. Поэтому...

— Ты счастливое создание, Ио. Я начинаю думать, что лучше быть роботом твоей системы, чем человеком.

— Благодарю вас, капитан Доррингтон. Позвольте еще вам напомнить, что ванна готова.

— Сейчас отправлюсь туда... Но прежде скажи мне... Ты ведь все знаешь, не так ли?..

— Нет, не все. Программа роботов моей системы ограничена.

— И все-таки, может быть, знаешь. Кого больше в здешней полиции — людей или роботов?

— В полиции только роботы системы «пять». Их больше.

— Я так и предполагал... Обращаться в полицию бесполезно. Тем более что у меня нет никаких доказательств. Кари, конечно, была права...

— Чтобы вызвать полицию, надо нажать эту кнопку. — Ио указал пальцем, какую кнопку надо нажать. На конце его пальца вспыхнула и погасла красная искра.

— От твоего пальца, Ио, тоже можно закуривать сигары, — заметил Рут, поднимаясь с кресла.

— От всех, — с оттенком гордости прошепелявил робот. Он растопырил пальцы рук, и на концах пальцев засверкали яркие искры. — Но так делать не следует, — добавил Ио. — Большой расход энергии, и может быть пожар.

— А ты, оказывается, неплохо вооружен. Если на тебя нападут гангстеры, ты отлично дашь им прикурить...

— Нет, — сказал Ио, — гангстерам я не буду давать прикурить. Буду обороняться.

— Это я и имел в виду, — заверил Рут. — Огненные пальцы — неплохое оборонительное оружие.

— Нет, — снова возразил Ио. — Для обороны — особая программа. Но, чтобы ее включить, надо вынуть предохранитель.

— Предохранитель?

— Да. Вот тут. — Ио ткнул себя пальцем примерно в то место, где у человека помещается сердце. — Если его вынуть, робот моей системы может обороняться до полного разрушения.

— Другими словами — без страха и до победы.

— Но потом работа моей системы надо будет послать в переплавку. Поэтому предохранитель вынимать нельзя.

— Ну что ж, все ясно, — сказал Рут и отправился в ванную.

* * *

Этой ночью Рут не спал. Даже не пробовал ложиться. Он устроился в кресле у стола, на котором Ио поставил поднос с бутылками. Заставить себя готовить коктейль Рут не смог. Он пил рюмку за рюмкой, наливая прямо из бутылок, что покрепче. Он не пьянел, даже наоборот — в голове прояснялось, исчезало чувство пустоты и бессилия, возвращались спокойствие, уверенность в себе. К утру программа действий вчерне была готова...

Он, конечно, выполнит обещание, данное Кари, и уедет из Роктауна, но немного позже. Его обязанность — найти убийц и отдать в руки правосудия, если оно здесь существует. В противном случае он покарает их сам... Он еще не знал, как это сделает, но ясно отдавал себе отчет, что, не выполнив этого, он не имеет права думать о чем-либо другом. Соображения собственной безопасности отодвигались теперь на второй план. Прежде всего — его долг перед памятью Кари. Плохо, конечно, что он совсем один. Даже на помощь Ио рассчитывать почти не приходилось... И все же кое-какие шансы у него есть... В его распоряжении семь дней, а это срок немалый. Когда потребовалось разгадать тайну Лабиринта Призраков, у него было вдвое меньше времени. И противник едва ли был менее опасный и коварный... Но он разгадал тайну и нашел путь к спасению.

Рассвет застал его на балконе. Рут всматривался в контуры кварталов спящего города. Где-то там, внизу,

гнезятся чудовища, по вине которых прекрасное тело Кари этой ночью стало горсткой пепла. Он должен разыскать их... Или — он усмехнулся — приобщиться к большинству... К миллиардам умерших, среди которых находились уже и Джейн, и Кари, и, может быть, даже Рэгги... Странно, на этот раз воспоминание о ней не отозвалось глухой болью в сердце.

Его вдруг охватила уверенность, что в этой последней битве, которую он начинает, Рэгги, если бы оказалась рядом, обязательно встала бы на его сторону. И он почувствовал себя еще сильнее.

Заря в просветах облаков разгоралась все ярче. Бледнели звезды, светлело небо над головой. Только внизу, у подножия «Парадиза», лежала мгла. Сквозь нее чуть просвечивали нити уличных светильников, редкие всплески еще не погашенных реклам, пятна света от проходящих машин. На юге и юго-востоке громоздились тучи. Они приближались. Их тень постепенно окутывала пробуждающийся город...

Утром Ио вернулся снизу с пустым подносом. Почты не было. Рут и не ждал ничего. Его интересовало лишь, напомним ли о себе Совет Равных. Но они пока тоже молчали. Видимо, выжидают, полагая, что он еще не оправился от вчерашнего... Тем лучше! Может, на сегодня они вообще оставят его в покое.

Среди немногих вещей, которые Рут захватил с собой с «Метеора», был небольшой автоматический пистолет — оружие безотказное и обладающее огромной разрушительной силой. У него было два ствола: верхний стрелял обычными пулями, нижний — урановыми. Одной такой пули было достаточно, чтобы уничтожить автомашину или авион. Человек, в которого попадала такая пуля, попросту испарялся... Рут взял пистолет как сувенир, но теперь он мог пригодиться. Он лежал на самом дне чемодана вместе с несколькими образцами урановой руды и маленькой пушистой обезьянкой — любимой маскоткой Джейн. Рут достал чемодан из

стенного шкафа, открыл его и запустил руку на самое дно. Пошарил... Пистолета не было. Еще не веря, Рут высыпал содержимое чемодана на пол. Пистолета не оказалось.

Рут потер лоб тыльной стороной ладони. Опять определили... Еще очко в их пользу!..

На шум вышел Ио и молча уставился на беспорядок.

— Убери, — коротко приказал Рут.

Ио присел возле чемодана.

«Не исключено, конечно, что это проделки Ио», — думал Рут, наблюдая, как аккуратно Ио складывает в чемодан вещи. Пушистая обезьянка чем-то привлекла внимание робота. Он повертел ее в металлических пальцах и оглянулся на Рута.

— Это воспоминание, — сказал Рут. — Ты знаешь, что такое воспоминание, Ио?

— Биоэлектрический импульс, обращенный в прошлое, — отчеканил Ио, не сводя с Рута своих круглых глаз.

— Можно, пожалуй, и так, — кивнул Рут, — хотя иногда это гораздо сложнее...

— Я знаю, — сказал робот, осторожно укладывая обезьянку в чемодан.

— Что ты знаешь? — поинтересовался Рут.

— Что все гораздо сложнее, чем это записано в электронной памяти роботов моей системы.

Рут покачал головой. Если Ио работает на них, уличить его будет нелегко... Отказаться от его услуг? Тогда придется остаться совсем одному... Попросить замену? Но где гарантия, что новому роботу можно доверять больше? Нет, пусть уж лучше Ио, тем более что с Ио у него установилось кое-какое взаимопонимание. Надо только быть более осторожным и при случае проверить его лояльность.

— Я сейчас спущусь в нижний ресторан на завтрак, — сказал Рут. — Возвращусь через час-полтора.

Если за это время кто-нибудь придет сюда и будет меня спрашивать, ты попросишь подождать... Попросишь, — повторил Рут, — и не выпустишь отсюда, даже если для этого придется... применить силу; в разумных пределах, конечно... Ты понял, Ио?

— Понял, — ответил робот. — Я не должен применять силу к людям, но сделаю это, раз вы приказали.

— Только не причиняя задержанному никаких увечий. Понял?

— Понял.

Рут спустился в ресторан. Здесь было довольно много посетителей, и Рут, потолкавшись у бара, вышел через другую дверь. Узкая лестница привела его к выходу из «Парадиза», расположенному с противоположной стороны от главного холла. Здесь у выхода находился только робот-швейцар. Он приветствовал Рута поклоном и нажал кнопку выходных дверей. Двери раздвинулись, Рут вышел на улицу. Если кто-то следит за ним, его скорее всего должны ждать со стороны главного холла. Здесь же были шансы проскользнуть незамеченным. На ближайшем углу Рут взял свободную машину и приказал роботу-шоферу везти себя в Управление космическими полетами.

Рут был там в первый день после возвращения на торжественном приеме, устроенном в его честь. Он смутно помнил, что Управление должно находиться не очень далеко от «Парадиза». Так и оказалось.

Несколько минут спустя Рут уже входил в приемную Генерального директора. Увы, Генеральный директор отсутствовал.

Девушка-секретарь с мраморным личиком очаровательной куколки — Рут без труда угадал в ней робота системы 5, — чуть повернув голову в его сторону, равнодушно чирикнула, что господин Генеральный директор выехал на несколько дней.

— Когда же он вернется? — поинтересовался Рут.

— Позвоните через неделю.

— Мне необходимо лично видеть Генерального директора. — Рут назвал себя. — У нас была назначена встреча...

— Позвоните через неделю.

— Могу ли я сейчас увидеть кого-либо из вице-директоров?

— Не знаю. Обратитесь в их офисы. Это этажи седьмой, одиннадцатый и четвертый.

— Вы не могли бы узнать, кто из них сейчас на месте?

— Это не входит в мои обязанности, господин Доррингтон.

«Однако! В первый день со мной здесь так не разговаривали ни люди, ни роботы», — подумал Рут.

Он поклонился и вышел.

Дверь, ведущая в офис вице-директора на одиннадцатом этаже, была закрыта. Рут постучал, но никто не отозвался. Рут прошелся по коридорам и не встретил на одиннадцатом этаже ни одной живой души. На десятом этаже какой-то служащий, может быть, тоже робот системы 5, проинформировал Рута, что на одиннадцатом этаже никто не работает. Там будут устанавливать новое электронное оборудование для прямой связи с космическими кораблями, находящимися в полете. Где искать вице-директора, служащий тоже не знал. Кажется, вице-директор находится сейчас на одном из орбитальных спутников. Рут спустился на седьмой этаж. Здесь он застал только секретаря, правда, уже не робота. Надменная седая дама, даже не взглянув на него, коротко отрезала, что господина вице-директора сегодня на месте нет и не будет.

— Когда же он будет?

— Не знаю.

Рут испытал острое желание треснуть по столу кулаком и сказать седой даме, что он думает о ней, о вице-директоре и порядках в Управлении космическими полетами. Однако он заставил себя сдержаться. Ведь ни-

чего особенного от этих встреч он и не ждал. Кроме того, не исключено, что и здесь уже известно о письме, которое он получил... Может быть, те, к кому он шел, просто боялись встречи с ним?.. Впрочем, последнее предположение ему самому тотчас же показалось фантастическим. Что такое любой ганг, даже международный, для Главного управления космонавтики, генералы и офицеры которого занимали положение совершенно исключительное. Они всегда были элитой, стоящей над обществом и правительствами. И ведь он — Рут Доррингтон — теперь принадлежит к этой элите. Нет, просто он попал в неудачный момент, а всё остальное — обычная бюрократия. Где ее нет!..

Надо еще попробовать на четвертом этаже. Без особой надежды Рут приоткрыл дверь в офис вице-директора на четвертом этаже. Как гласила надпись на двери, этот вице-директор занимался персональными делами, то есть был как раз тем человеком, с которым Руту следовало встретиться прежде всего. Оказалось, что вице-директор на месте. Девушка-секретарь — Рут так и не успел решить, робот она или нет, — попросила его подождать. Не прошло и минуты, как двери кабинета раздвинулись и на пороге появился сам вице-директор — полный, еще сравнительно молодой человек в мундире космического пилота с погонами полковника астронавтики. У него была круглая бритая голова и румяное розовое лицо с жирными щеками и тройным подбородком. Брови его находились где-то очень высоко, а в глазах, загороженных стеклами очков, застыло выражение приятного изумления.

При виде Рута вице-директор изумился еще больше, его брови убежали куда-то выше лба. Он схватил руку Рута своими розовыми пухлыми ручками и принялся трясти, уверяя, что он так рад, так рад... Он уже давно ждет капитана Доррингтона, а сегодня даже пытался лично связаться с «Парадизом». Капитан Доррингтон, конечно, его не помнит. Он, правда, был на встрече

и на банкетах, но не имел возможности представиться и поговорить — ведь к капитану невозможно было протолкаться. Продолжая тараторить, толстяк пропустил Рута в свой кабинет и сам вошел следом. Двери бесшумно задвинулись.

Кабинет оказался огромным и очень светлым. Одна его сторона представляла собой сплошное гигантское окно, задернутое кремовыми шторами, на остальных висели навигационные карты, голограммы инопланетных ландшафтов, портреты известных астронавтов. На одном портрете Рут заметил себя в рабочем комбинезоне космического пилота. Вдоль стен на специальных постаментах стояли макеты космических кораблей. По углам — большие глобусы планет, на которых в настоящее время велись исследования. В дальнем конце кабинета находился монументальный черный письменный стол, возле него — глубокие черные кресла. Справа и слева от стола поднимались высокие панели со множеством экранов видеосвязи. Пол был устлан светлым, очень мягким ковром.

Толстяк полковник не позвал Рута к своему письменному столу. Они присели у небольшого столика, стоящего возле окна в средней части кабинета. Ни на секунду не прерывая болтовни — он говорил теперь о трудностях отбора пилотов для дальних рейсов, — толстяк сделал знак розовым пальцем. Тотчас стена напротив раздвинулась, образовав узкий проход, и оттуда вышел робот такой же системы, как Ио, в белом кителе и белой шапочке. В руках у робота был большой поднос с закусками и целой батареей бутылок. Золотыми пирамидами на подносе лежали фрукты, дымились чашки с ароматным кофе.

Робот торжественно водрузил поднос на столик и удалился. Стена задвинулась. Толстяк сделал приглашающий жест пухлой ручкой. Теперь он рассказывал Руту о планах создания учебного центра пилотов на Марсе...

— Правда, наши друзья в том полушарии, — он под-

черкнул слово «друзья», — пока возражают, но не можем же мы вечно считаться с их прихотями... Прошу вас, угощайтесь, капитан, как раз время второго завтрака.

Рут вспомнил, что сегодня не ел и первого.

Продолжая болтать, толстяк налил себе и Руту какой-то янтарной жидкости в хрустальные бокалы и принялся уписывать бутерброды. Рут решил последовать его примеру.

— Ваше здоровье, капитан, — провозгласил толстяк, поднимая бокал.

Рут поклонился, подняв свой. Они чокнулись и выпили. Это был напиток богов!.. Даже на банкетах в его честь Руту не довелось пить ничего подобного.

— Неплохо, не правда ли? — спросил толстяк и, не дожидаясь ответа, снова наполнил бокалы янтарной жидкостью. — Это всего-навсего ром, настоящий на плодах гюль-гюль, — пояснил он, поднося к губам свой бокал. — Это растение несколько лет назад нашли на Марсе и понемногу начинают там культивировать. Ну разумеется, тут, у нас, это пока большая редкость... Напиток бессмертных, напиток долголетия, капитан! У него совершенно целебные свойства.

И он принялся рассказывать о целебных свойствах гюль-гюля.

Рут почувствовал себя обескураженным. Он пришел сюда совсем не за тем, чтобы слушать, он хотел говорить сам, задать вопросы, много вопросов... А ему буквально не давали открыть рта. Придется прервать этого болтуна...

— За долголетие, — сказал Рут, поднимая свой бокал.

— Ха-ха, за долголетие! Прекрасный тост, капитан. — Толстяк радостно захихикал, словно услышал что-то очень остроумное. Он стремительно опорожнил свой бокал и приготовился налить снова.

Рут медленно допил свой, смакуя каждый глоток. Потом решительно отодвинул бокал в сторону.

— Капитан? — Изумление на лице толстяка достигло высшего предела. — Вы отказываетесь? Не верю, нет-нет, не могу поверить! Это же гюль-гюль! Где вы еще найдете подобное?! Человеку свойственно ошибаться, но не в этой ситуации. — Он решительно придвинул бокал Рута и наполнил до краев. Потом налил себе.

— Мы пили за долголетие. Я позволю себе продолжить ваш тост: за бессмертие, капитан.

Рут почувствовал, что в голове у него начинает шуметь. Приятная истома разливалась по всему телу. Руки и ноги становились какими-то ватными. Может быть, это действие гюль-гюля, вероятно заключающего в себе какой-то наркотик, или — результат бессонной ночи... Рут сделал еще несколько глотков. Голос полковника уже не раздражал, наоборот, журчал дружески, успокоительно... О чем он сейчас говорит? Рут напрягся, стараясь сбросить охватившую его сонливость. Это удалось... Голос полковника зазвучал явственно:

— Мы с вами пили за бессмертие, капитан. А в сущности, что такое бессмертие? Вот они, — толстяк махнул ручкой в сторону портретов на противоположной стене, — все они заслужили право на бессмертие, но ведь они мертвы, все мертвы... Одних уничтожил космос, другие — здесь... Под каждым портретом две даты — год рождения и год смерти. Какое же это бессмертие, капитан! Оно должно быть иным. Бессмертие, вытекающее из долголетия! Бессмертие живого существа — мое, ваше... Вы согласны со мной?

— Нет, — сказал Рут.

Сковавшая его слабость постепенно проходила. Голова снова стала ясной.

— Не согласны? — изумился толстяк. — Но почему?

— Во-первых, там на стене я вижу и свой портрет. Значит, они умерли не все... Во-вторых, бессмертно

лишь свершение, подвиг... Все остальное неминуемо превратится в прах, наши с вами оболочки тоже, полковник. А вот память о делах может сохраниться...

Удивление на лице толстяка на мгновение сменилось каким-то иным выражением. Рут не успел расшифровать его, однако оно что-то напомнило ему, что-то хорошо знакомое... Неожиданно полковник расхохотался.

— Разумеется, вы правы, капитан, тысячу раз правы! Вы единственный живой бессмертный в этом собрании. — Он снова указал на портрет. — Так сказать, бессмертный в квадрате! Но ведь вы пили гюль-гюль, а это что-нибудь да значит. — Он снова захохотал. — Простите меня, пожалуйста, запомятовал, что уже повесили ваш портрет. Здесь портреты всех пилотов, внесенных навечно в книгу Героев космоса... А относительно бессмертия подвига — согласен... Но все-таки пейте гюль-гюль...

— Однако... — начал Рут.

— Да-да, вы совершенно правы, дорогой капитан, и вам, и мне приходится торопиться. Столько дел ждет нас. Я велел отключить все экраны на время нашей беседы. Иначе нас уже давно прервали бы. Я был бесконечно рад познакомиться с вами. Заходите ко мне когда угодно. Я, правда, исчезну на несколько дней, но потом — в любое время.

— Но я... — снова начал Рут.

— О делах потом. Куда нам торопиться? Отдыхайте! Знакомьтесь с Землей. Здесь ведь не все так, как было при вашем отъезде. Вот и привыкайте... Желаю вам приятных развлечений.

Он настойчиво подталкивал Рута к дверям.

— Я все-таки хотел бы знать, — сказал Рут, — на что могу рассчитывать в дальнейшем. И когда я должен вернуться на службу? Я не собираюсь...

Полковник не дал ему кончить:

— Разумеется, разумеется... Мы тут посоветуемся и подберем что-нибудь достойное вас. А пока отдыхай-

те, только отдыхайте... Ну-с, до встречи, надеюсь, скорой...

Они уже были возле дверей.

Выходя, Рут еще раз бросил взгляд на свой портрет, теперь ему показалось, что внизу под изображением тоже чернеют две даты.

* * *

Недоумевающий и раздосадованный, Рут вышел на улицу из сверкающего стеклом, титаном и полированным камнем «Дворца космонавтики» — так называли пилоты Управление космическими полетами. В ушах еще звучал голос полковника...

Ну и тип! Откуда такие берутся в Управлении? Интересно, где он летал и летал ли вообще?.. А ведь звание полковника астронавтики ко многому обязывало... Может, просто обюрократился, сидя в кресле вице-директора? С некоторыми это происходит быстро. Первый капитан-наставник Рута — старый космический волк Бьерн — еще сорок лет назад твердил, что чиновников Управления надо менять два раза в год. Портрет Бьерна не висел в кабинете вице-директора, а ведь Бьерн в свое время был знаменитым пилотом — он первый проложил опаснейшие космические трассы в пояс астероидов и дальше, к большим планетам.

А что за странная история с его собственным портретом?.. Эта вторая дата... Или ему только почудилось? Рут теперь жалел, что чувство неловкости мешало ему подойти к своему портрету и убедиться точно. Интересно, как повел бы себя в этом случае полковник? Тоже обратил бы все в шутку?.. Говорить о дальнейшей службе Рута он определенно не хотел, несмотря на то, что такой разговор с глазу на глаз ни к чему не обязывал. Непонятно, снова многое непонятно... Единственное, чего он добился своим визитом в Управление, — выяснил, что еще не все от него отступились...

Тут Рут спохватился, что шагает куда-то не задумываясь о направлении. На ближайшем перекрестке он огляделся. Нет, интуиция пилота и на этот раз не подвела его. Гигантская башня «Парадиза» маячила невдалеке в просвете одной из улиц.

Рут повернул к «Парадизу». Неожиданно пришлось остановиться. Толпа загрохотала тротуар. Люди стояли молча, окружив что-то. Рут попытался заглянуть поверх плеч и голов, но ничего не увидел. Человек, которого он нечаянно толкнул, обернулся и проворчал:

— Ничего особенного. Опять выбросился один, — и указал на открытое окно в одном из верхних этажей.

— Выбросился, как же! — негромко сказала какая-то женщина. — Выбросили...

Заметив внимательный взгляд Рута, она быстро отошла.

Невдалеке послышалась сирена полицейской машины, и толпа шарахнулась в сторону, увлекая за собой Рута. Все это удивительно напоминало случившееся вчера...

Чтобы миновать скопление людей на тротуаре, Рут зашел в большой универсальный магазин. Проходя вдоль отделов в первом этаже, он заметил, что одна из зеркальных витрин снаружи забрызгана чем-то темным: как раз в этом месте виднелись головы столпившихся людей и голубая крыша полицейской машины. Посетители, заполнившие магазин, были заняты своими делами. На инцидент у входа никто не обращал внимания. Такие происшествия, видимо, не являлись здесь редкостью...

У второго выхода из магазина Рут увидел отдел, где продавалось оружие. В этом отделе посетителей было немного. Рут подошел и стал осматривать витрины, где были выставлены пистолеты различных систем, револьверы, карабины, охотничьи ножи, кинжалы, перчатки с металлическими шипами и множество самого разнообраз-

разного старинного оружия, вероятно, рассчитанного на вкусы коллекционеров.

Пожилой продавец с лицом средневекового странствующего рыцаря — аскетически запавшие щеки, тонкий с горбинкой нос, седые усы, бородка клинышком — подошел и приветствовал Рута вежливым поклоном:

— Сеньору что-нибудь угодно?

И обращение, и акцент указывали на иностранца. «Первый иностранец, встреченный после возвращения, — отметил про себя Рут. — Раньше их было гораздо больше...» Вслух он сказал:

— Еще не решил... Может, и возьму что-нибудь интересное...

— Старинные вещи у нас здесь...

Рут еще раз прошелся вдоль витрин антиквариата.

— Вот не угодно ли, алебарда эпохи Карла Великого, а это, — продавец с ликом странствующего рыцаря указал в угол одной из витрин, — топор лондонского палача. Семнадцатый век. Превосходная вещь. А это...

Внимание Рута привлекла трость из полированного дерева с изогнутой костяной рукоятью. Дерево было инкрустировано тончайшим металлическим узором.

— А она почему здесь?

— О-о! — лик «странствующего рыцаря» просветлел. — Узнаю знатока. Это великолепная вещь, сеньор. Эпоха Наполеона. Деятнадцатый век. Внутри — рапира. На клинке — монограмма N с короной. Не смею утверждать, но не исключено, что эта трость принадлежала самому Наполеону. Между прочим, он был императором Франции.

— Слышал, — кивнул Рут. — Разрешите взглянуть.

«Странствующий рыцарь» открыл витрину и вынул трость. Едва заметный поворот рукоятки — и перед глазами Рута сверкнуло длинное синеватое лезвие, тонкое, как жало змеи, и, по-видимому, не менее опасное.

— Вот монограмма, — «рыцарь» указал на основание трехгранного клинка; потом он с силой оперся о

клинок. Лезвие согнулось дугой и со свистом распря-
милось.

— Пожалуй, возьму эту игрушку, — решил Рут.

— И не пожалеете... Не угодно ли еще что-нибудь?

— Нет... А впрочем, я, может быть, купил бы еще
хороший автоматический пистолет.

— Разрешение при вас?

— Разрешение?

— Да. От полиции. Как вам должно быть известно,
все нарезное огнестрельное оружие мы продаем только
при предъявлении разрешения.

— Я недавно возвратился... из-за границы...

— В таком случае заходите с разрешением на буду-
щей неделе.

— Почему именно на будущей?

— Ну... Обычно на оформление разрешения уходит
неделя.

— А сейчас вы ничего не могли бы мне предложить?

— Разумеется, могу. Из старинного: кремневые ду-
эльные пистолеты — восемнадцатый век, кольты ков-
бойские — конец девятнадцатого, дамские салонные
пистолеты — двадцатый век. Кроме того, охотничьи ру-
жья и, конечно, пэвээсы.

— Простите мою неграмотность, — Рут смущенно
улыбнулся. — Последние годы я жил за границей... Что
такое пэвээсы? Никогда не слышал о них.

— О?! — изумился «странствующий рыцарь». — Вы
не знаете? Это тоже неплохая штука — пистолет ближ-
него боя. Специально для самоубийц: п... в... с... — по-
следний вздох самоубийцы.

Теперь пришла очередь изумиться Руту.

— Специально для самоубийц? — повторил он, еще
не будучи уверен, не шутит ли «рыцарь». — Но я пола-
гал, что если из чего-то можно застрелиться, то... из
него можно и застрелить.

«Странствующий рыцарь» захихикал, показывая ис-
порченные желтые зубы:

— Не совсем, молодой человек, не совсем... Пэвэ-эс — пистолет специального назначения. Его пуля теряет убийную силу на расстоянии вытянутой руки. Если вы выстрелите в кого-то, кто находится в метре от вас, эффект будет, как от горошины. Из него надо бить только в упор. Но если вы не самоубийца и собираетесь поразить кого-то другого, то гораздо надежнее и удобнее воспользоваться кинжалом или этой шпагой. Я не рекомендовал бы вам применять пэвээс ни для нападения, ни для обороны.

— Благодарю за консультацию, — сказал Рут, — и все-таки заверните мне парочку.

— Как вам будет угодно, — поклонился «странствующий рыцарь».

— Вы, вероятно, не здешний? — спросил Рут, принимая покупки.

— Нет. Впрочем, живу здесь давно. Я — испанец. Мне пришлось покинуть мою страну после революции...

От сдачи Рут отказался, и «странствующий рыцарь» с поклонами проводил его до самой двери.

Когда Рут вышел на улицу, полицейской машины уже не было и толпа разошлась. Две девушки в белых комбинезонах мыли швабрами тротуар и витрину.

Рут повернулся и пошел к «Парадизу», помахивая только что купленной тростью.

«Многого я все-таки не знаю, — думал он по дороге. — Вот, оказывается, и в Испании произошла еще одна революция...»

* * *

В «Парадизе» ждал сюрприз... Когда Рут вошел в свои апартаменты, Ио на обычном месте не оказалось. Робот стоял в глубине салона, растопырив руки, и заклонял выход из кабинета. Услышав шаги, он оглянулся и отступил в сторону, освобождая путь Руту. Еще из салона Рут заметил, что в кабинете кто-то есть.

— Приказ выполнен, капитан Доррингтон, — прошепелявил Ио. — Он ждет. Я просил подождать, и он ждет...

Рут быстро прошел в кабинет. Навстречу с дивана сорвался краснолицый плотный человек. Костюм его был в беспорядке, галстук перекручен на спину, левый лацкан куртки до половины оторван. Седые волосы незнакомца были взлохмачены, во взгляде — страх и негодование.

— Надеюсь, капитан Доррингтон? — завопил он, близоруко шурясь, и в упор уставился на Рута.

Голос показался знакомым. Приглядевшись внимательнее, Рут узнал своего адвоката Гемфри Кокса.

— Господин Кокс? — Рут все еще не мог поверить глазам. — Что все это означает? Что с вами?! И где ваши очки?

— Так это вы, — снова завопил адвокат. — Наконец-то! Вы еще имеете наглость спрашивать, что это означает?.. Где мои очки? Вот мои очки, милостивый государь. Вот что от них осталось! Полюбуйтесь. — Он выгреб из кармана и сунул под нос Руту горстку битого стекла и обломков оправы. — Вы забыли, что вы не в космосе и не на Нептуне, где могли заниматься всякими безобразиями.

— Вы хотите сказать, на Плутоне? — мягко поправил Рут.

— Какое это имеет значение! Вы ответите! Вы... вы приказали вашему роботу напасть на меня. Я не хочу иметь с вами никакого дела. Я отказываюсь вести ваши дела. Я официально извещаю вас об этом. На столе лежит мое письменное уведомление...

— Успокойтесь, господин Кокс. Это какое-то недоразумение. Объясните, что произошло.

— Бандитизм! — снова крикнул адвокат, шаря за спиной в поисках галстука.

— Позвольте, я вам помогу, — предложил Рут, протягивая руку.

— Не прикасайтесь ко мне! Вы гангстер, а не астронавт.

— Да объясните, в чем дело!

— Спрашивайте у вашего робота, которому приказали убить меня.

— Какая ерунда, господин Кокс! Вы сами не верите в то, что говорите. Я не вижу на вас ни единой царапины, а стоимость очков и вашего костюма я, разумеется, компенсирую.

— Еще бы! Вы компенсируете и моральный ущерб, который причинили мне?

— С удовольствием. Сколько вы желаете?

— Ничего мне сейчас не надо. Только выпустите меня отсюда.

— Но вас никто не держит.

— Он! — прерывающимся голосом воскликнул адвокат, указывая на Ио. — Он продержал меня здесь три часа, не давая выйти, не позволяя приблизиться к видеофонам. Вы не станете отрицать, что это сделано по вашему приказанию?

— Действительно, я просил его передать моим возможным гостям просьбу подождать моего возвращения. Но я не предполагал...

— О-хо-хо, просьбу! — снова взорвался адвокат, воздев руки к потолку. — Ничего себе просьба! Это покушение на неприкосновенность личности. Если я подам на вас в суд...

— Вы не станете подавать на меня в суд, господин Кокс, — спокойно прервал Рут, — не станете... по многим причинам... А что касается неприкосновенности личности в нашей стране, то вчера вечером в центре города почти на моих глазах убили человека — женщину, а сегодня, полчаса назад, выбросили другого человека из окна. Примерно с двадцатого этажа... И кажется, никого это особенно не удивило...

Адвокат испуганно покосился на открытую балкон-

ную дверь и поспешно отступил к противоположной стене кабинета.

— Я сказал это не для того, чтобы испугать вас, господин Кокс, — продолжал Рут, — но мне показалось, что именно с неприкосновенностью личности здесь не все благополучно... Поэтому — лучше без демагогии... За прискорбное недоразумение прошу меня извинить. Я совсем не ждал вас сегодня. Кроме того, рассчитывал вернуться много раньше.

— Тем не менее я категорически отказываюсь от ведения ваших дел.

— Он сказал это сразу, как вошел, — послышался вдруг шепелявый голос Ио.

Рут обернулся. Красноватые глазки робота были устремлены на адвоката. Их выражение не будило сомнений. Во взгляде Ио читалась ненависть.

— О чем ты говоришь, Ио? — спросил Рут, отстраняя робота подальше от адвоката.

— Он пришел сразу после вашего ухода, капитан Доррингтон. Он сказал, что не будет больше вести ваши дела. Просил сказать это вам. Потом дал письмо и хотел идти. Я просил подождать. Он не хотел. Я еще просил. Он не хотел; кричал разные слова: некоторые я знаю — это плохие слова; другие — не знаю, но я их запомнил...

— Где это письмо? — спросил Рут, обращаясь к адвокату.

— У вашего робота что-то не в порядке с программой, — пробормотал адвокат после довольно долгого молчания, — советую вам заменить его.

— Где это письмо?

— Письмо, которое я написал здесь... Оно на вашем столе...

— Это то письмо, Ио? — спросил Рут, указывая на конверт, лежавший на письменном столе.

— Нет, — отрезал робот. — То письмо он схватил, когда я не хотел, чтобы он ушел...

— Где первое письмо, господин Кокс? — повторил Рут тоном, не предвещающим ничего хорошего.

— Уверяю, капитан, у вашего робота не в порядке тут, — адвокат повертел пальцем у своего виска, — или в другом месте. Сдайте его в переплавку. Иначе он натворит бед. Никакого другого письма не было, клянусь вам...

Ио беспокойно шевельнулся.

— Скажи, Ио! — кивнул Рут.

— Он разорвал письмо и положил туда. — Ио указал пальцем на правый карман куртки адвоката.

— Дайте то, что осталось, Кокс. — Рут протянул руку. — Ну, живо! Не советую дальше разыгрывать комедию.

Адвокат молча бросил на стол разорванный надвое конверт.

— Интересно, сами вы это придумали или вас надумил кто-то? — задумчиво проговорил Рут, складывая половинки письма. — Нет-нет, вы можете не отвечать, — продолжал он, заметив, что адвокат испуганно отшатнулся. — Два письма об одном и том же... Отказ в квадрате... В этом вы отказываетесь вести мои дела, ссылаясь на обстоятельства; во втором, которого я еще не читал, конечно, мотивируете отказ покушением на неприкосновенность вашей личности. Поздравляю вас, господин Кокс, вы вовремя отключаетесь... Не позднее завтрашнего утра капитан Доррингтон появился бы в вашем офисе с целой кучей вопросов: о неприкосновенности личности в этой прекрасной стране, о Совете Равных, об остракизме, которому подвергают человека, только что вернувшегося на Землю после четвертьвекового отсутствия, и еще кое о чем... И вам пришлось бы что-то отвечать вашему клиенту. Не исключено даже, что упомянутый капитан Доррингтон попросил бы вас оформить для него выездную визу куда-нибудь в Австралию или... на Канарские острова. А теперь все про-

сто: ваше дело сторона. Опасный клиент перестал быть клиентом. Пусть сам выкручивается, как сумеет...

— Не понимаю, о чем вы... — пробормотал адвокат, отирая рукавом пот со лба.

— Конечно, конечно, — кивнул Рут, — это трудно понять... Я тоже понял бы вас лишь при одном-единственном условии, что кто-то заставляет вас так поступить. Тогда я, несмотря на все сложности, которые возникают для меня в связи с вашим отказом, продолжал бы считать вас более или менее порядочным человеком. Я даже не вспомнил бы о деньгах, которые платил вам все эти годы. Но если это ваша собственная инициатива, Кокс... — Рут покачал головой.

— Клянусь вам...

— Не клянитесь... Я давно перестал верить клятвам. Кому вы сможете передать мои дела?

— Кого вы... подберете... капитан.

— Вероятно, бесполезно просить ваш офис указать мне надежного адвоката?

— Да, сейчас... это было бы... затруднительно... Масса дел... Может быть, позднее...

— Я так и думал.

— Могу я... идти?

— Конечно. Ио, проводи господина Кокса.

— Не надо! Я сам, я сам, я сам... — Подслеповато щурясь, адвокат пулей вылетел в салон. Стук поспешно захлопнутой двери заставил Рута невесело рассмеяться.

Теперь он остался совсем один, если, конечно, не считать Ио...

* * *

Прошло три дня. Никто не тревожил Рута, но никто и не обращался к нему больше. Молчали экраны в кабинете. Портье внизу старался не замечать его, когда Рут проходил через холл. Почты тоже не было. Каза-

лось, он уже перестал существовать для окружающих. Правда, иногда на улице он еще ловил любопытные взгляды — чаще это были взгляды женщин, — но стоило ему обратиться к кому-нибудь, и тотчас вырастала невидимая стена: лаконичные уклончивые ответы, испуганные глаза, откровенное желание побыстрее отделаться от него. Случалось, что ему вообще не отвечали: взглянув на него, спрошенный отшатывался и торопливо бежал дальше. В «Парадизе» в своих роскошных апартаментах, оставаясь один, Рут теперь подолгу изучал свое собственное изображение в зеркале. Может быть, на нем уже есть какой-то знак?.. Знак близкого приобщения к большинству... Ведь не могли же все, с кем он пытался заговорить, знать его в лицо; знать, что он и есть тот самый Рут Доррингтон...

Но изображение в зеркале ничего не раскрывало. Знакомое сухоощавое лицо с резковатыми чертами, высокий лоб, пересеченный чуть заметным шрамом, внимательные спокойные глаза в сетке тонких морщин, седина на висках, сильно поредевшие, гладко зачесанные назад волосы. Нет, он не носил на себе никакого отличительного знака. Скорее наоборот, выглядел более спокойным и уверенным, чем большинство жителей Роктуна, вечно куда-то спешащих, озабоченных, нервных...

Теперь его единственным собеседником был Йо. В их отношениях появилось что-то похожее на дружбу. Робот постоянно ждал его возвращения возле самой двери, старался предупредить каждое желание, угадывал, когда Руту становилось особенно скверно, и всегда находил способ отвлечь его от мрачных мыслей.

А мрачные мысли возвращались все чаще. Визит в Главный штаб полиции, конечно, ни к чему не привел. С генералом Руту встретиться не удалось. Майор, который принял его, был толст, косноязычен и глуп или прикидывался глупым. На все вопросы Рута он недоуменно пожимал плечами, твердил, что ни о чем подобном не слышал... В городе много всякого сброда... По-

немногу его ликвидируют, но ряды преступников постоянно пополняются. «Мы не исключение, — повторил майор, пожимая плечами, — в некоторых городах еще хуже»...

История с письмом Совета Равных не произвела на майора никакого впечатления. Он только спросил, не сохранилось ли у Рута это письмо, и, узнав, что оно исчезло, снова пожал плечами: «Вульгарная попытка шантажа; строго говоря, подобный шантаж сейчас даже не квалифицируется как уголовное преступление. Скорее мелкое хулиганство...» Он, конечно, распорядится, чтобы начали расследование, если капитан Доррингтон на этом настаивает; но... Капитан Доррингтон не настаивал, и майор успокоился. Об убийстве студентки в сороковом квартале майор не слышал. «Иногда эти сведения поступают в штаб с опозданием», — заметил он, как бы оправдываясь. Только один раз на протяжении всего разговора майор встрепенулся и проявил подобие интереса к словам Рута. Это произошло, когда Рут упомянул о пропаже пистолета, взятого им с «Метеора».

«Урановые пули, — майор задумался. — Скверно, если эта «спринцовка» попадет не в те руки... Пожалуй, мы расследуем это. Капитан никого не подозревает?»

Нет, Рут никого не подозревал. Майор черкнул что-то на одной из карточек, лежавших у него на столе, и снова сделался сонно-равнодушным. Услышав, что Рут хотел бы приобрести другой пистолет, майор благодушно кивнул. Он распорядился, чтобы подготовили соответствующее разрешение; формальности обычно занимают неделю, но для капитана Доррингтона сделают исключение. Капитан может зайти за разрешением дней через пять. Рут вежливо поблагодарил; в его распоряжении оставалось именно пять дней... Половина срока, предоставленного ему Советом Равных, уже минула.

Беседа в полиции убедила Рута лишь в одном — в действительности все обстояло совершенно иначе, чем

пытался представить майор. Единственным реальным достижением явилось лишь обещание майора распорядиться, чтобы Руту вернули права вождения винтокрыла. Как выяснилось на следующий день, это обещание майор выполнил.

Рут побывал еще раз в Управлении космическими полетами. Однако офис знакомого вице-директора на четвертом этаже оказался закрытым: полковник отбыл в служебную командировку... Подниматься в верхние этажи Рут не стал.

Большую часть дня, а иногда и вечерами Рут бесцельно бродил по улицам Роктауна. Впрочем, не совсем бесцельно... Он рассчитывал, что кто-нибудь из банды Совета Равных зацепит его на улице, как тогда утром, после получения первого письма. Без сомнения, за ним следили, и Руту важно было подметить — кто. Если бы удалось задержать этого человека, можно было бы попробовать еще раз обратиться в полицию или... Во всяком случае, появилась бы хоть какая-то нить. Небрежно поигрывая тростью, Рут шагал и шагал по незнакомым улицам, иногда выпивал чашечку кофе где-нибудь в маленькой кофейной на углу, спускался в погребки и пивные бары. За кофе или за кружкой пива он бросал внимательные быстрые взгляды по сторонам. Нет, ничего подозрительного он не замечал. Люди вокруг были заняты своими делами и заботами. Никто не следил за ним, либо преследователи сменялись так часто, что Рут не успевал их разгадать. Теперь он уже хорошо знал ближайшие окрестности «Парадиза», и постепенно его пешие маршруты становились все более дальними. Несколько раз за эти дни он стал невольным свидетелем гибели людей на улицах Роктауна. Машина, неожиданно вырвавшаяся на тротуар, придавила кого-то к стене и стремительно умчалась. Никто не пытался ее преследовать... Полиция явилась через несколько минут только затем, чтобы забрать тело. Женщина выбросилась из окна небоскреба (а может, и ее выбро-

силы?..). Люди внизу на тротуаре увидели, как она летит вниз головой, и поспешно расступились. Рут услышал удар, треск раскалывающихся костей. Подходить туда он не стал... Кто-то был убит ножом, как Кари, прямо в толпе, на перекрестке двух оживленных улиц. Убийцу, вероятно, видели, но никто не пробовал задержать. Все это выглядело так, словно человеческая жизнь в Роктауне ровно ничего не стоила, а убийство не считалось преступлением... Рут решил заглянуть в местные газеты — их издавалось множество. Ни в одной он не нашел сообщений о происшествиях такого рода. Реклама развлечений, фельетоны, чаще порнографического содержания, немного зарубежной хроники, цветные фото, карикатуры, множество цветных комиксов с продолжением... На предпоследних полосах попадались объявления в траурных рамках, но это были обычные сообщения о смерти без указания ее причин или с коротким упоминанием «после продолжительной тяжелой болезни». Возраст умерших обычно не указывался.

Поздно вечером в конце шестого дня — он теперь почти непроизвольно вел счет времени от момента получения первого письма Совета Равных — после долгой пешей прогулки по улицам и площадям Роктауна Рут возвращался в свой «Парадиз». Путь его шел через небольшой, плохо освещенный сквер, расположенный на одной из сравнительно тихих площадей недалеко от центра. Приближаясь к скверу, Рут обратил внимание, что редкие прохожие обходят сквер стороной, держась поближе к ярко освещенным витринам магазинов и кафе. Путь через сквер был для Рута самым коротким, и он не задумываясь углубился в сумрак деревьев, сквозь листву которых лишь местами пробивался свет реклам и уличных светильников. В сквере никого не было, белели пустые скамейки и бесформенные глыбы каких-то скульптур.

Рут шел не торопясь, погруженный в свои мысли. Он думал о Кари, пытался представить ее живой и не

мог... Облик живой Кари постоянно заслоняла другая Кари — без движения лежащая на асфальте.

Вдруг какая-то темная фигура вывернулась из боковой дорожки и замерла без движения при виде Рута. Луч света, пробившийся сквозь листву, упал на лицо незнакомца. Широкая рыхлая физиономия без бровей, темные очки — Рут сразу узнал парня, который в первый день предлагал ему яд и, по-видимому, вытащил из кармана то письмо...

— Ага, это ты, — спокойно сказал Рут.

Он сделал шаг вперед и тоже попал в полосу света.

— Капитан... Доррингтон! — ахнул парень.

По его изумлению и испугу Рут понял, что встреча была случайной.

— Поговорим? — предложил Рут.

Вместо ответа парень отступил, очевидно готовясь удрать. Рут успел поймать его за рукав. В правой руке парня что-то сверкнуло, но Рут опередил... Короткий сильный удар в челюсть и еще один — слева в солнечное сплетение. Сложившись вдвое, парень без звука рухнул к ногам Рута. Пружинный нож звякнул о металлическое ограждение газона. Рут нагнулся, поднял нож, закрыл лезвие и опустил нож в карман. Парень лежал без движения лицом вниз. Темные очки отлетели в сторону. Рут приподнял голову за сальные волосы. Глаза парня открылись. Бессмысленное выражение в них постепенно исчезло, уступая место животному страху и боли.

— Ничего, — сказал Рут. — Поговорим.

Он легко поднял пленника за воротник и толкнул к ближайшей скамье. Парень со стоном рухнул на нее.

— Говори, — приказал Рут. — Живо! Даю три секунды. Или «приобшущу» тебя более ловко, чем это делаешь ты. Раз, два...

Короткий взмах трости — и перед глазами пленника сверкнуло синеватое жало рапиры.

— Не моя вина, капитан, клянусь, — хрипло зашеп-

тал парень, пытаясь отодвинуться от острия, приставленного к горлу. — Они приказали убрать девчонку... Клянусь, я не мог иначе... Клянусь. Пощадите... Капитан...

В расширенных глазах Рута он прочитал что-то, что лишило его последней надежды.

— А-а! — пронзительно закричал он, стараясь поймать руками лезвие. — А-а!..

Крик прервался так же резко, как и возник. Рут отер лоб тыльной стороной ладони, потом брезгливо вытер рапиру о пиджак парня, прикорнувшего к спинке скамьи... Казалось, он дремлет...

Рут огляделся. Вокруг по-прежнему никого не было. Крик в сквере не привлек внимания. Рут прерывисто вздохнул, сложил трость и неторопливо зашагал по дорожке. Когда через несколько минут он вышел из сквера на улицу, никто из немногочисленных прохожих даже не оглянулся на него.

* * *

«Случайность? — думал Рут, подходя к дверям своих апартаментов. — По-видимому, да... Ни один из нас не ждал этой встречи... Хотя, впрочем, его-то я искал... Но не там — не в этом сквере... А он, ошеломленный встречей и ударом, ни секунды не сомневался, что вопрос касается самого главного — смерти Кари... Какое совпадение! Нет, в этом нагромождении случайностей я не мог, не имел права поступить иначе. Он потом, сообразив, от всего отказался бы... Я должен был поступить так, как поступил, хотя сам и разорвал ухваченную нить. Банда, конечно, догадается, в чем дело, но не сразу... А если его раньше подберет полиция, то, пожалуй, и не очень скоро... Как бы там ни было, первый ход сделан. Что же дальше, капитан Доррингтон?»

Дверь отворил Ио, по-видимому, узнавший его шаги. — Привет, — сказал Рут, — что нового?

— Звонили из полиции.

— Когда?

— Пять минут назад.

Первая мысль была, что в полиции уже все знают... Впрочем, он тотчас же отбросил ее. Если за ним следили, то арестовали бы на улице, вблизи того места... Здесь другое...

— Что сказали? — спросил Рут.

— Просили капитана Доррингтона связаться с ними.

— Соедини.

Пока Ио копался возле видеозэкранов, Рут мысленно окинул взглядом события последних дней. Может быть, это тот майор из Главного штаба? Оказалось — что комиссар сорокового участка. Когда он появился на экране, сомнения Рута окончательно рассеялись. Сквер находился в другой части города и к сороковому участку не мог иметь отношения.

После обычных приветствий комиссар сказал:

— Вы просили сообщить о результатах следствия, капитан. Девушку убил ее любовник. Причина — ревность.

— Арестовали его? — поинтересовался Рут.

Комиссар замаялся:

— Еще нет... Ему удалось скрыться. Мы объявили розыск.

— Кто такой?

— Тоже студент. Они учились вместе.

— Все ясно, — сказал Рут. — Благодарю вас, комиссар.

— Не стоит благодарности. Когда думаете ехать?

— Через несколько дней.

— Позволю себе рекомендовать Лонг-Найс на западном берегу. Самые лучшие пляжи, самые красивые женщины. Разумеется, дороговато, но для вас это, по-видимому, не имеет значения...

— Что ж, подумаю, — сказал Рут.

— Приятного путешествия, капитан.

— Счастливо оставаться, комиссар.

Когда изображение исчезло, Рут задумчиво потер лоб. Зачем им понадобилась эта ложь? Хотят выяснить его намерения? И все-таки в чем же суть главного? Почему он вдруг оказался лишним?..

Рут позвал Ио, и робот тотчас появился в дверях кабинета.

— Ио, завтра утром надо заказать билеты в Европу на ближайший авион.

— Сколько?

— Два: для меня и для тебя.

— Маршрут?

— Париж или Рим, а потом посмотрим.

— Будет сделано, капитан.

«После того, что произошло сегодня, — думал Рут, — бессмысленно продолжать оставаться в Роктауне. Полиция в мои отношения с Советом Равных вмешиваться не хочет. А я сам перерезал единственную реальную нить, которая могла вывести меня на руководителей ганга. Значит... Значит, пришло время выполнить обещание, данное Кари. Если, конечно, Совет Равных не помешает... Остается еще четыре дня... Как это все-таки плохо, что я совсем один. Даже адвокат отказался от меня; адвокат, который мог столько на мне заработать».

Утром, едва Рут открыл глаза, Ио появился в спальне.

— Билеты заказаны, капитан Доррингтон.

— Превосходно, Ио, когда и куда мы летим?

— Рейс на Париж поздно вечером, рейс на Рим — ночью. Места и номер рейса сообщат в полдень.

— А сейчас они не могли сказать?

— Нет, рейсы в Европу через Роктаун транзитные.

— Ну что ж, подождем до полудня. А как мы доберемся в аэропорт? Кажется, это довольно далеко от города?

— Двести километров. Можно взять винтокрыл.

Внизу сказали: капитан Доррингтон, если хочет, может вести винтокрыл сам.

— Превосходно, Ио, ты великолепно справился с задачей. Есть что-нибудь еще?

— Да, письмо.

— Давай скорее.

Это был опять большой конверт из темного шелковистого пластика. Совет Равных делал очередной ход. Рут не торопясь вскрыл конверт и развернул полоску темной ткани.

Руту Доррингтону — бывшему космическому пилоту первого класса.

Рут усмехнулся: «бывшему» — он уже «бывший»; неплохое начало.

Нам стало известно о покупках, сделанных вами третьего дня в оружейном отделе универсального магазина «Все для всех». Мы расцениваем ваш шаг как молчаливое согласие с нашим требованием и надеемся, что никакие обстоятельства не помешают вам выполнить вашу обязанность не позднее полночи указанного срока. Напоминаем, что до конца его остается неполных четыре дня.

Подпись прежняя — ползущая змея.

«Записку надо сохранить во что бы то ни стало», — решил Рут. Он поднялся с постели и прежде всего спрятал полоску темной ткани в секретное отделение бумажника. Потом позвал Ио.

— Это письмо, — Рут взял со стола большой темный конверт, — без обратного адреса. Ты не знаешь, кто может присылать письма вот в таких конвертах?

— Письма без обратного адреса присылает крематорий, — без колебаний ответил Ио.

— Крематорий?! — Руту показалось, что он ослышался.

— Это такой концерн, где людей переделывают в серый порошок, — объяснил робот. — Из порошка по-

том изготавливают другие полезные вещи: удобрения для садов, разные вещества, много разных веществ...

— Ты имеешь в виду настоящих умерших людей?

— Умерших и некондиционных: с отклонением от нормы, с неправильной программой, отслуживших свой срок — разные устаревшие экземпляры, которые трудно использовать и нельзя отремонтировать. Роботов, негодных для капитального ремонта, отправляют в переплавку, а людей — в крематорий. Это почти одно и то же.

— Почти, — согласился Рут. — Так ты думаешь, что это письмо из крематория?

— Обязан напомнить, что роботы моей системы не могут...

— Опять забыл, — спохватился Рут. — Извини меня, Ио. Я спрошу иначе: какие признаки указывают, что это письмо отправлено из крематория?

Ио внимательно обследовал конверт:

— Таких признаков нет, капитан Доррингтон.

— Но ты мне только что сказал, что письма в подобных конвертах присылает крематорий.

— Позвольте повторить, капитан, как я сказал: письмо без обратного адреса присылает крематорий.

— И если на письме нет обратного адреса, значит... — Рут сделал долгую паузу. — Что это значит, Ио?

— Значит, — медленно начал Ио, и его красноватые глазки замерцали, — значит... это письмо могло быть послано из крематория... Да, могло. А могло быть послано из другого офиса.

Ио не мигая уставился на своего патрона, и Руту показалось, что во взгляде робота он уловил легкую иронию.

— Тебя не поймает, Ио, — Рут покачал головой, — у тебя железная логика.

— Не железная, — возразил робот, — на транзис-

торах. Двадцать четыре тысячи восемьсот сорок шесть транзисторов.

— Неплохо, — прищурился Рут, — ты должен стоить дороже любого человека.

— А сколько стоит человек? — поинтересовался Ио.

— Как тебе сказать... По-разному. Иногда очень немного, но случается и обратное...

— При сравнениях следует оперировать средними цифрами, — назидательно заметил Ио.

— И снова ты прав, — согласился Рут, — но боюсь, что по отношению к человечеству и даже к одному человеку метод средних цифр не совсем подходит. Личность трудно вычислить. Каждый человек — бесконечность. Как ее выразишь средними цифрами? Ты знаешь, что такое бесконечность, Ио?

— Конечно. То, что не имеет конца. Например, время. С точки зрения времени человек конечен. Его время ограничено: от рождения до крематория.

— У одного человека — да, но у всего человечества — нет. И, кроме того, человека нельзя рассматривать только с точки зрения продолжительности его жизни. Бесконечность в нем самом, в его внутреннем содержании.

— Внутреннее содержание тоже конечно, — возразил робот. — Девяносто шесть процентов воды, немного углерода, железа, кальция, фосфора, остальное бактерии; в виде исключения — несколько граммов золота и отдельные транзисторы для обострения восприятия окружающей среды.

— Ты хочешь сказать, что сам устроен сложнее?

— Не утверждаю этого. Человека тоже сделали не сразу.

— Бесспорно... И я полагаю, — очень серьезно добавил Рут, — что на изготовление человека пришлось затратить времени намного больше, чем на изготовление любого робота. Даже робота системы «пять»...

Отношение Ио к роботам системы 5, по-видимому,

было сложным. Глазки его померкли, и он ничего не ответил. Рут почувствовал, что допустил бестактность. Ему захотелось нейтрализовать отрицательные эмоции своего верного помощника.

— Роботы системы «пять», — сказал Рут, — при всей их универсальности и сложности конструкции обладают одним существенным недостатком — они слишком напоминают людей...

Ио промолчал. Возможно, он не считал это качеством роботов системы 5 недостатком.

— Напоминают людей в их наиболее отрицательных свойствах, — пояснил Рут. — Это, конечно, особенность их программы. Мне лично гораздо больше нравится программа роботов твоей системы, Ио. Это прекрасная, надежная программа, на которую почти всегда можно положиться.

— Всегда! — поправил Ио, и глазки его снова замерцали.

Рут вспомнил о предохранителе, вмонтированном у Ио на месте сердца, но спорить не стал.

— И еще мне нравится способность роботов твоей системы к быстрому самосовершенствованию, Ио, — продолжал Рут. — За те несколько дней, что мы находимся вместе, ты сделал заметный шаг вперед; ты более правильно говоришь, почти не шепелявишь, твой словарный запас непрерывно растет, и мне даже кажется, что круг твоих интересов постепенно расширяется...

— Благодарю вас, капитан Доррингтон, — очень серьезно сказал Ио, — все это — результат общения с вами.

— Каким образом?

— У роботов моей системы есть особое реле.

— Реле самосовершенствования?

— Да.

— Интересно! На каком же принципе основано его действие?

— Принцип прямого копирования, — отчеканил Ио, и Руту снова показалось, что он уловил в красноватых глазках робота оттенок иронии.

* * *

После завтрака Рут спустился в холл и, выходя из лифта, нос к носу столкнулся с корреспондентом, который брал у него одно из первых интервью. Этот корреспондент, маленький, рыжий, отвратительно назойливый, запомнился, и Рут мгновенно узнал его. Корреспондент тоже, конечно, узнал капитана, но на этот раз попытался избежать встречи. Испуганно скосив глаза, он шмыгнул в лифт, сделав вид, что очень торопится. Однако Рут поймал его за рукав и успел вытащить из лифта, прежде чем двери задвинулись.

— Ах, это вы, капитан Доррингтон, — растерянно пробормотал корреспондент, стараясь не глядеть на Рута. — Очень рад, но, простите, я безумно занят. Тороплюсь...

— Успеете, — сказал Рут, беря его под руку. — У меня для вас кое-что интересное. Пожалуй, даже... сенсационное. Не пройти ли нам в бар?

— В другой раз, капитан. Ей-богу, я очень тороплюсь. Я вам позвоню попозже...

Он сделал попытку освободиться, но Рут не отпустил его локтя.

— Вас больше не интересуют сенсации?

При слове «сенсации» корреспондент искоса глянул на Рута:

— Какие еще сенсации, капитан... Если что-нибудь об экспедиции на Плутон...

— Нет. Отойдем в сторону, я расскажу.

Не выпуская локтя корреспондента, Рут отвел своего пленника в дальний угол холла и усадил в кресло.

— Выпьете что-нибудь? — Рут кивнул на стойку бара, возле которой застыли наготове роботы-официанты.

— Нет, благодарю. Говорите скорее, в чем дело, капитан. У меня действительно мало времени.

— При нашей первой встрече вы были более разговорчивы, любознательны, даже назойливы.

Корреспондент настороженно огляделся по сторонам:

— Что делать, капитан. В наше время все быстро меняется. Несколько дней назад вы сами были сенсацией. А сейчас...

— Сейчас?

— Сейчас я догоняю следующую сенсацию.

— Можно узнать, какую именно?

— О, с той, вашей, она не может идти ни в какое сравнение...

— Значит, сегодняшняя встреча со мной — удача для вас. Материал на первую полосу, как говорили в мое время. Хотите получить его?

— Смотря, что такое.

— Преступление века!

— Э-э, этим сейчас не удивишь публику. Простите, я должен...

— Не отпущу, пока вы не выпьете со мной... Эй там, — Рут махнул рукой в сторону бара, — два крепких коктейля для меня и моего друга... — Он вопросительно глянул на собеседника.

— Меня зовут Бедж, — пробормотал корреспондент, беспокойно ерзая в кресле.

— Для моего друга Беджа. Быстро!.. — Рут повернул свое кресло и придвинул его вплотную против кресла корреспондента, отрезав тому все пути для бегства. Бедж понял это и, видимо, смирился. Он довольно спокойно взял бокал с коктейлем, принесенный роботом-официантом, откинулся в кресле и, сделав несколько глотков, вопросительно уставился на Рута.

— В Роктауне есть один ганг... — начал Рут.

— В Роктауне множество гангов, — поправил Бедж, отхлебывая коктейль.

— Я имею в виду ганг, который называет себя... —

Рут сделал многозначительную паузу, — Высшим Советом Равных...

Бедж поперхнулся коктейлем и выплеснул часть содержимого бокала на свои светлые брюки.

— Бросьте эти шутки, капитан, — пробормотал он в промежутке между приступами кашля.

— А я не шучу, — возразил Рут. — Вы что, никогда не слышали о такой организации?

— Не слышал и не хочу слышать, пустите меня, — он попытался встать, но Рут не позволил. — Это дурацкая болтовня, капитан. И не советую вам начинать с кем-либо разговор на эту тему. Ей-богу, не советую...

— Но почему, Бедж?

— Все это чушь; ничего такого нет. — Он испуганно оглянулся по сторонам. — Кто-то распускает дурацкие слухи... За это преследуют, капитан.

— Кто преследует?

— Власти... полиция...

— А почему вы так испугались?

— Я не испугался...

— Испугались, Бедж. Допивайте ваш коктейль! Допивайте и сматывайтесь... Я думал, вы честный журналист. Хотел дать вам в руки... сенсацию... А вы или притворяетесь, или ведете себя как страус... Не знаю, сохранились еще эти птицы на Земле?

— Страусы?.. Кажется... В зоологических музеях...

— Раньше они жили на воле в степях и в пустынях. Охотники их быстро истребили, потому что страусы были глупы: при опасности прятали голову в песок... Как вы сейчас, Бедж. Вы и большинство ваших соотечественников. Вас убивают среди бела дня, а вы делаете вид, что ничего не происходит, и... ждете своей очереди.

— В больших городах преступность всегда была высока... Просто вы отвыкли, капитан, за те годы, что провели на Плутоне.

— Возможно. Я действительно отвык от многого. Но сейчас я говорю не о той преступности, с которой обя-

зана бороться и в меру своих сил, вероятно, борется полиция. Я говорю о том, что незримо висит тут над всеми вами. Я еще не понял, что это такое, но ведь вы-то, кто прожил тут целую жизнь, должны знать... Что-то — перед чем бессильна полиция, официальные власти, может быть, даже само правительство. Если не хотите воспользоваться моим материалом, если боитесь, объясните мне по крайней мере, что это такое.

— Не знаю, о чем вы говорите, клянусь вам.

— Лжете, Бедж. Лжете, потому что трусили. Я-то вижу. Вы тут почти все стали трусами. Намекните по крайней мере, где найти смелого человека, смелого и честного, который мог бы мне объяснить.

— Что объяснить, капитан?

— То, что здесь происходит. Ну хотя бы — что такое Высший Совет Равных.

— Тс, — Бедж снова оглянулся. — Я же предупреждал... О некоторых вещах нельзя говорить и писать, чтобы... не возбуждать... паники. Ничего такого нет, уверяю вас... Какие-то дурацкие слухи. Кто-то пробовал пугать... Если хотите, это особый вид мистификации... Чтобы не возник массовый психоз, не разрешают говорить.

— Значит, вы не верите, что такая организация существует? И не только существует; она сильна, и от нее, может быть, зависит многое, очень многое и в этом городе, и в целой стране?

— Я... н-нет.

— И никогда не слышали о ее делах ничего конкретного?

— Ну, вам могу сказать... Слышал кое-что... Наверно, все слышали... Но ведь это слухи, только слухи, ничего больше... Вот, чтобы их прекратить...

— А чтобы жертвами этой организации были конкретные живые люди?..

— Только слухи, капитан... Когда кого-то убивают в таком городе, как Роктаун, убийце выгоднее сослать-

ся на некую мистическую организацию и отвести вину от себя... Знаю, как журналист, документально подтвердить существование подобной организации никогда не удавалось.

— А такие попытки были?

— Были... Вероятно, были... Раньше; до того, как запретили об этом говорить, писать.

— Неужели вы не слышали, что некая организация осуждает без всякого повода людей сначала на ostracism и забвение, а потом на смерть?

— Слухи разные... циркулировали... Раньше... Но только слухи, ничего, кроме слухов.

— Ничего, кроме слухов! Не могу поверить, будто вы, корреспондент публичных средств информации, никогда не видели хотя бы документов, рассылаемых от имени этой организации.

— Документов?

— Ну, писем, записок?

— Никогда, — в голосе Беджа прозвучала такая твердость и уверенность, что Рут внимательно посмотрел на своего собеседника. — Не верите мне? — Бедж в первый раз взглянул прямо в глаза Рута.

— Не знаю, — задумчиво сказал Рут. — Сейчас уже не знаю... До этого не верил... Но если действительно не видели, хотите посмотреть?

— Что именно?

— Письмо Совета Равных.

В глазах Беджа мелькнуло какое-то странное выражение: смесь страха, сомнения, подозрительности, острого любопытства — профессионального любопытства журналиста.

— У вас это с собой? — тихо спросил он и опять быстро оглянулся.

— Да.

— Действительно, похоже на сенсацию, — прошептал Бедж. — Покажите-ка...

— Вот, — сказал Рут, открывая бумажник. —

Вот, — повторил он, запуская палец в секретное отделение. — Сейчас...

Бедж напряженно ждал, вытянув шею. На лице Рута появилось недоумение. Палец нащупал лишь эластичную поверхность кожи. Он заглянул в бумажник. В секретном отделении бумажника ничего не было.

— Не понимаю... — начал Рут, выворачивая наизнанку бумажник. — Я положил его сюда, и никто не мог...

— Зато я все понял, — кивнул Бедж, вставая. — У тех, кто возвращается оттуда, — он указал пальцем вверх, — это бывает, капитан... Советую обратиться к психиатру... Ну, я побежал... Спасибо за коктейль.

Бедж уже давно исчез в лифте, а Рут все еще сидел с раскрытым бумажником на коленях.

Может, он действительно заболевает?.. Галлюцинации?.. Он слышал об этом от старых пилотов... Но там было другое... Что же — явь, а что — игра расстроенного воображения в событиях последних дней? Кари — существовала ли она?..

Воспоминание о Кари пронзило такой болью, что он со стоном закрыл глаза.

Нет-нет, он мог бы секунда за секундой восстановить в памяти весь тот день от первой встречи в толпе до момента, когда он высадил ее на крыше госпиталя. Тепло ее тела, прикосновение нежных рук, запах волос — удивительно свежий и чуть горьковатый, ее губы... И та, другая Кари, распростертая на грязном асфальте... О нет... Если он и сойдет когда-нибудь с ума, то только от этих воспоминаний... А сейчас...

Все надо принимать так, как оно есть... Все это было, а исчезнувшее письмо — еще один загадочный эпизод непонятной летли, которая постепенно стягивается вокруг него... За годы, проведенные на Плутоне, он научился предугадывать неведомую опасность. Вот и сейчас — ошибки быть не может...

Ну что ж, в безмерной дали пространства он в та-

кие минуты полагался лишь на себя, на свою интуицию, свои нервы, свои силы. Теперь он поступит так же... Помощи ему, по-видимому, ждать неоткуда. Значит... Все зависит только от него. А ставкой в этом последнем испытании, как и там, будет лишь жизнь. Здесь даже легче... Там его гибель ставила под угрозу судьбу всей экспедиции. А здесь — Рут усмехнулся — он теперь ни за кого не ответствен... Вот только Рэгги?.. Но может, и ее уже давно нет... Его же собственная жизнь... Рут на мгновение вообразил пустоту космических далей, пронизанных лишь холодным блеском бесконечно далеких звезд, и снова усмехнулся горько и примиренно.

Потом он встал, сложил бумажник, опустил его в карман куртки и неторопливо вышел из прохладного холла в горячий зной заполненной людьми улицы.

* * *

В полдень Рут возвратился в «Парадиз». Ио ждал его на обычном месте у дверей.

— Какие новости? — спросил Рут, проходя в кабинет.

— Оставлены места на парижский рейс. Вылет из аэропорта Роктауна в двадцать два ноль-ноль. Надо быть в аэропорту на полчаса раньше.

— Значит, летим, Ио. Готовь багаж. Кстати, ты не узнавал: это прямой рейс?

— Есть посадка в Джонстауне.

— Так... — Рут задумался. Значит, еще одна посадка в этой милой стране. Если Совет Равных захочет помешать, это можно без труда устроить и в сутолоке Джонстауна — одного из самых больших аэропортов планеты... Если ему позволят вылететь отсюда, его приключения еще не кончатся со стартом в Роктауне. Что ж, остается вооружиться терпением и ждать.

На всякий случай Рут обыскал кабинет. Письма, ко-

нечно, нигде не было, да Рут и не надеялся найти его: он отлично помнил, что положил полоску темной ткани в бумажник и с бумажником не расставался... Однако осмотр кабинета напомнил о конверте. Конверта, который Рут оставил на столе, тоже нигде не было видно. Рут позвал Ио.

— Большой темный конверт? — Ио вопросительно уставился на патрона. — Разве капитан не взял его с собой?

— Я взял только письмо. Конверт остался на столе.

— Конверт на столе не лежал, — возразил Ио.

— Ты убирал здесь?

— Да. Конверт не лежал.

— Значит, ты не выбросил его в мусоропровод?

— Как можно выбросить то, чего не было? — в тоне робота прозвучало удивление.

Руту снова пришла в голову мысль, что Ио дурачит его. А впрочем, с какой целью? Ведь речь шла о пустом конверте...

Ио продолжал стоять в дверях; его неподвижный взгляд был прикован к лицу Рута.

— Извини, Ио, — усмехнулся Рут, — вероятно, я сам куда-нибудь засунул этот проклятый конверт.

— А какова вероятность? — поинтересовался Ио.

Рут пожал плечами:

— Скорее всего не очень большая.

Ио повернулся и медленно вышел из кабинета. Руту показалось, что робот чем-то озадачен.

* * *

До аэропорта они добрались без приключений. Рут решил не испытывать судьбу без крайней необходимости... Винтокрыл вел пилот «Парадиза» — кажется, робот системы 5. Рут и Ио летели в качестве пассажиров. Пилот оказался на редкость молчаливым. За весь полет он не произнес ни слова. Только посадив винтокрыл на

крыше здания аэропорта, пилот, не взглянув на Рута, бросил:

— Все. Прощайте, уважаемый господин Доррингтон.

— До свидания, — медленно произнес Рут, вылезая из кабины винтокрыла. — До свидания... Ведь мы еще можем встретиться, не так ли?

Пилот не ответил.

Не успели Рут и Ио сделать несколько шагов, как серебристая прозрачная стрекоза взмыла в воздух и растворилась в темном небе.

Сутолока аэропорта, одного из крупнейших на континенте, вначале ошеломила Рута. Потоки людей текли по всем направлениям, спускались и поднимались вместе с бесшумно ползущими лентами пандусов и эскалаторов. Люди заполняли огромные залы, теснились у выходов и сверкающих металлом и хрусталем баров. Шорох тысяч шагов и приглушенных голосов, громкие объявления об отправке и прибытии очередных авионов и межконтинентальных ракетных лайнеров, рокот мощных моторов, плывущий от посадочных полос, музыка, доносящаяся с видеоэкранов, вспышки и переливы разноцветных неоновых реклам — все это сливалось в грандиозную светозвуковую симфонию, в скрытом ритме которой Рут вдруг явственно ощутил угрозу. Да, опасность была где-то совсем близко, он теперь твердо знал это. Пробираясь вслед за Ио в сутолоке переходов и холлов, Рут, напряженный до предела, бросал быстрые взгляды по сторонам. Однако люди, мимо которых он проходил, были заняты своими делами и своими мыслями. Никто не обращал на него внимания...

Ио вскоре разыскал стойку регистрации парижского рейса. Формальности заняли несколько секунд; минуту спустя Рут и Ио очутились в небольшом салоне со стеклянными стенами. Посредине стояли большие вазы с красивыми яркими цветами, а вдоль стен — низкие кресла, обитые темно-вишневой кожей. В креслах сидели и полулежали пассажиры, ожидавшие париж-

ского рейса. С некоторыми были роботы той же системы, что и Ио:

— Присядьте, капитан, — предложил Ио.

Но Рут отказался. Устроившись в углу салона, он принялся изучать своих будущих спутников, вместе с которыми предстояло пересечь океан. Большинство напоминало бизнесменов и чиновников. Один, помоложе, с тупым лицом и самоуверенным взглядом, был в мундире космического пилота. Ироническая усмешка промелькнула по лицу Рута. Никто из находящихся в салоне, конечно, не догадывается, какой опасности они все подвергаются, летя вместе с ним. Впрочем, полет на ракетном лайнере — всегда немного риск... В этом случае риск возрастал неимоверно. Отъезд Рута был бегством, и Совет Равных, конечно, уже знал обо всем...

В дальнем углу салона сидело несколько женщин в элегантных дорожных костюмах. Оценивающий взгляд Рута задержался на них. Без сомнения, все они принадлежали к состоятельному кругу, но привлекательных среди них не было. Салон постепенно заполнялся. Теперь все кресла были уже заняты, и вновь прибывающие ждали стоя, заполнив свободное пространство между вазонами и креслами. Вспыхнула надпись: «Посадка»; тотчас раздвинулись двери, ведущие в ярко освещенный, уходящий куда-то вниз коридор. В дверях появилась черноволосая девушка в голубой униформе служащих аэропорта. Рут стиснул зубы... Девушка чем-то напомнила ему Кари.

Толпа шевельнулась и медленно потекла в коридор. Сидевшие вставали со своих мест. Салон начал быстро пустеть.

И тогда появилась она... Рут мгновенно узнал ее, лишь только она вошла. Он словно окаменел в своем углу — ошеломленный, растерянный, неимоверно вдруг ослабевший. Сердце сначала подскочило, а потом словно остановилось...

Она прошла совсем близко с высоко поднятой го-

ловой. Пышные золотистые волосы были стянуты сзади узкой черной ленточкой, как и тогда — в день их последней встречи. Знакомый до боли профиль с высоким прекрасным лбом. Маленькие яркие губы, тени от длинных ресниц. Она все еще была прелестна осенней красотой. Строгий дорожный костюм подчеркивал контуры стройной фигуры, делая ее похожей на совсем юную девушку. Над широким отложным воротником коричневой замшевой куртки поблескивала тончайшая золотая цепочка — та самая...

Она прошла через салон легко и быстро, дробно постукивая тонкими каблучками по мраморному полу. Двое высоких мужчин следовали за ней. В руках одного из них был большой кожаный портфель.

Уже перед самым выходом из салона, на мгновение задержавшись перед девушкой в голубой униформе, она полуобернулась к одному из своих спутников и что-то сказала. Тот быстро ответил, и она улыбнулась.

Если бы в душе Рута еще и оставались какие-нибудь сомнения, эта улыбка окончательно перечеркнула бы их — неповторимая, единственная в мире улыбка... Так улыбалась только она — его Рэгги...

Они исчезли в глубине коридора, и давно затих стук ее каблучков, а Рут все еще стоял неподвижно в своем углу. Теперь только он один оставался в салоне. Впрочем, нет — рядом невозмутимо замер Ио... Девушка у выхода вопросительно глядела на них.

Пора было принимать решение. Рут глубоко вздохнул, словно пробуждаясь после долгого сна. В общем-то, все было ясно... Теперь он не имел права лететь. Даже если она летит только до Джонстауна, он не должен рисковать ее безопасностью. И, кроме того, если она была все это время здесь, она не могла не знать о его возвращении, значит... Впрочем, какое это может теперь иметь значение? Она жива, и, кажется, ее жизнь сложилась удачно. Это главное... «Глав-

ное!» — мысленно повторил Рут, и тут ему показалось, что он хочет в чем-то убедить самого себя...

Ио беспокойно шевельнулся.

«Да-да, конечно, — подумал Рут. — Надо быстрее заявить об отказе от полета, чтобы они успели принять меры, если что-то было задумано в связи с этим рейсом».

Рут сделал несколько шагов. Ноги казались ватными, Рут с трудом переставлял их.

«Сдаешь, старина, — мысленно заметил он самому себе. — Одна мимолетная встреча, и совсем раскис... А еще собирався бороться с гангом Совета Равных. Она же никогда не любила тебя, и ты превосходно знал об этом... А ну, нервы в кулак! Ведь ты еще не думаешь капитулировать...»

— Я — Рут Доррингтон, — громко твердым голосом объявил он, подходя к девушке в голубой униформе. — Я хотел лететь этим парижским рейсом, но сейчас раздумал. Я остаюсь в Роктауне еще на несколько дней. Могу я изменить дату вылета?

— Пожалуйста, — сказала девушка, не выразив ни малейшего удивления. — Обратитесь в окно регистрации, и вам назначат другую дату.

Она нажала кнопку, и двери, ведущие к выходу на перрон, задвинулись. Рут повернулся к Ио. Красноватые глазки робота вспыхивали и угасали. Ио явно был удивлен, а может быть, и расстроен решением Рута.

* * *

В полночь они снова были в «Парадизе». При виде Рута портье молча протянул ключ. «Словно ждали», — отметил про себя Рут. В сопровождении Ио он поднялся в свои апартаменты. Все было на месте. Видимо, за время их короткого отсутствия никто не заходил в номер.

Ио еще не кончил распаковывать чемоданы, когда в дверь тихо постучали.

Робот выпрямился и вопросительно взглянул на патрона.

— Открой, — приказал Рут.

Ощущение близкой опасности, охватившее его в аэропорту и сохранившееся даже после того, как он увидел Рэгги, сейчас подсказывало, что наступил решающий момент. Что ж, он не станет прятаться. Он привык встречать любую опасность лицом к лицу. Это основное правило космической навигации. И оно никогда не подводило его. Кроме того, в его распоряжении еще три дня...

Ио приоткрыл дверь в коридор. Тотчас, отстранив робота, вошли трое. Обычные костюмы, обычные лица. Один постарше в темных очках, седоватый, двое других совсем юные, круглолицые, розовощекие. Не задерживаясь, они прошли прямо в кабинет. Один из юнцов остался у двери, двое сделали несколько шагов вперед и молча поклонились.

— Вы, конечно, ждали нас? — спросил старший, внимательно глядя на Рута.

— Нет, — сказал Рут, — и потому вам придется объяснить причину столь позднего визита. Прошу садиться.

Старший чуть заметно пожал плечами, но сел в низкое кресло у стола, сделав знак молодому, который стоял рядом. Тот тоже опустился в кресло, не сводя глаз с Рута.

— И он, — сказал Рут, указывая на третьего, который продолжал стоять у двери.

— А он постоит, — улыбнулся старший, — он привык стоять.

— Как угодно, — заметил Рут. — Итак?

— Мы от шефа, — начал старший, — шеф поручил передать вам...

— Вы имеете в виду кого-то из Совета Равных? — перебил Рут. — Я всегда предпочитаю точность.

— Мы от шефа, — повторил старший, делая ударение на слове «шеф», — не воображаете же вы, капитан

Доррингтон, что вашей персоной будет заниматься целый Совет? Даже при вашей громкой славе это было бы нескромно...

— Принимаю ваше замечание, — сказал Рут. — Действительно, я, кажется, кое-что преувеличивал... Однако вы меня знаете, а я вас нет. Не следовало ли бы вам представиться?

— В данной ситуации это не обязательно, — возразил старший, — но, принимая во внимание ваши исключительные заслуги, капитан, я с удовольствием представляюсь. Меня зовут Рональд, можете называть меня просто Ронни. Его, — он указал на молодого, сидевшего рядом, — Иона, а у того, — он кивнул в сторону двери, — только номер — тридцать три.

— Понимаю и ценю эту деликатную интимность, — поклонился Рут, — меня тоже можете называть просто по имени — Рут.

— Благодарю, — сказал тот, который назывался Рональдом. — Однако присядьте и вы, Рут.

— Разумеется, но прежде я хочу кое-что организовать. Что вы предпочли бы выпить, Ронни?

— Это тоже совсем не обязательно, но уж если вы так любезны, мы не отказались бы от крепкого коктейля.

— Превосходно. — Рут хлопнул в ладоши. — Ио!

Робот тотчас же появился в дверях, но парень, стоящий у входа в кабинет, протянул руку и преградил путь.

Рут удивленно поднял брови, и тогда Ронни, не оборачиваясь, бросил:

— Пропусти.

Рука опустилась. Ио шагнул в кабинет, бросив по дороге весьма недвусмысленный взгляд на парня, стоящего у двери.

— Поднос с напитками, — сказал Рут, — и бокалы. Захвати все, что покрепче, Ио. И конечно, соки и лед...

Через несколько секунд стол в кабинете был уставлен бутылками.

Рут задумчиво приглядывался к этикеткам:

— Пожалуй, я сделаю вам космический коктейль. Мы его предпочитали на Плутоне. Рецепт довольно сложный, но зато на вкус... — Рут прищелкнул языком. — Вы не возражаете, Ронни?

— Целиком полагаюсь на вас, Рут.

— А вы, Иона? — Рут мельком взглянул на молодого.

— Я тоже, — сказал парень, с интересом следя за Рутом.

— Он, насколько я понимаю, вообще не пьет. — Рут указал глазами на третьего, продолжающего занимать позицию у двери.

Ронни отрицательно покачал головой.

Рут молча принялся составлять коктейль. Он открывал одну за другой бутылки и критически проверял на свет составляемые смеси. Гости выжидающе молчали, следя за каждым его движением.

— А вы не стесняйтесь, — заметил Рут, опуская щипцами кусочки льда в бокалы, — рассказывайте пока, что вас привело.

Ронни беспокойно откашлялся, а Иона глупо хихикнул.

— А мы не торопимся, — заметил наконец Ронни.

— Ну, как угодно...

— Впрочем, — Ронни снял очки и принялся протирать их салфеткой, — зачем играть в прятки. К тому же я убежден, вы уже обо всем догадались, капитан. Мы пришли известить вас, что срок сокращен. Вы должны... приобщиться сегодня ночью.

— Гм, — сказал Рут, — кажется, я перелил этого ликера. Боюсь, вкус будет слишком приторным. Уже начал забывать нужные пропорции... Кажется, вы сказали, Ронни, что срок сокращен. А собственно, почему? Я твердо рассчитывал на остающиеся три дня. Неужели ваши

шефы не выполняют своих же джентльменских условий и гарантий?

— Виноваты вы сами, Рут. Эта попытка отъезда... Кое-кого она заставила призадуматься. Так же, как и ваше неожиданное возвращение... Когда другая сторона начинает предпринимать необъяснимые шаги, безопаснее сократить игру.

— Ах, вот что... Значит, я не имел права провести остающиеся дни, например, во Франции?

— Разумеется, нет. Вы вообще не можете теперь покинуть нашу страну. Ведь сразу после возвращения вы были объявлены национальным памятником. А вывоз за рубеж национальных памятников, как известно, запрещен. Ну разумеется, и выезд тоже, если памятники могут передвигаться самостоятельно.

— Подумать только! — изумился Рут. — А я и не предполагал. Значит...

— Вас, вероятнее всего, сняли бы с рейса в Джонстауне, если бы вы прибыли туда благополучно.

— А мог и не прибыть?

— Такой полет — всегда риск, Рут.

— Однако надеюсь, после моего отказа лететь риск этого рейса заметно уменьшился, не так ли, Ронни?

— Боюсь утверждать, но не исключаю такой возможности.

— Ну вот и превосходно, — с видимым облегчением заметил Рут. — Кажется, коктейль получился неплохой. Прошу. — Он протянул бокалы своим гостям.

— Вы на редкость отважный человек, капитан Доррингтон, — с уважением сказал Ронни, принимая бокал. — Я еще не встречал такого на своем веку. Поскольку тост за долголетие был бы неуместным, предлагаю выпить за отвагу.

— Пустяки, — сказал Рут, делая глоток коктейля. — Это чисто профессиональное. Итак, что вы можете мне предложить?

— Вариантов несколько. — Ронни задумался. — Бы-

стродействующий яд, пуля, прыжок с балкона... Я лично голосовал бы за последнее из предложений. Яд — это не для такого человека, как вы, а пуля...

— Это надо спокойно обдумать, — заметил Рут. — Надеюсь, вы не станете особенно торопить меня.

— Пока нет, но все должно завершиться сегодня ночью.

— Значит, у нас есть время не торопясь допить этот коктейль и даже соорудить еще один, если вы не станете возражать.

— Я не пью на ночь больше одного крепкого коктейля, — покачал головой Ронни. — В противном случае потом плохо сплю, а мне надо хорошенько отдохнуть перед завтрашним днем.

— Как угодно... Но пока мы пьем этот коктейль, не согласитесь ли вы, Ронни, ответить на один вопрос. Он давно интригует меня...

— С удовольствием, если сумею, Рут.

— Зачем вы... ликвидируете такое количество людей? Я, конечно, не имею в виду себя лично... Бессмысленное расточительство. Люди — это капитал...

— Только до определенного предела, — усмехнулся Ронни. — Когда их становится слишком много, это создает определенные хлопоты для государства, особенно в нашу эпоху неограниченной техники и ограниченных сырьевых возможностей. Те, кто не в состоянии обеспечить себе уровня жизни в соответствии со средним стандартом, должны исчезнуть...

— Понимаю... Но разве государство не в состоянии помочь хотя бы некоторым? Без сомнения, среди них встречаются полезные личности... Немало гениев минувших эпох были в обыденной жизни людьми непрактичными.

— А гении теперь тоже ни к чему. Все, что необходимо для дальнейшего процветания, создано. Нужен лишь определенный уровень производства и соответствующее ему количество населения, живущего по общепри-

нятому среднему стандарту. Все, что выходит за рамки среднего, должно отсекается. Как сверху, так и снизу. Это и гарантирует нам сохранение всех стандартов.

— Значит: «Да процветает средний обыватель!»?

— Именно, Рут. И мы гордимся тем, что мы — край средних людей, среднего большинства, среднеобразованных, среднеинтеллигентных, среднесчастливых...

— И никто не протестует?

— А протесты всегда исходили именно от тех крайних групп, которых сейчас практически не существует. Именно там, в тех слоях, и возникали проклятые вопросы, подобные тем, которые задаете сейчас вы. Вот именно поэтому, Рут, и вы должны уйти, хотя мне лично вы очень симпатичны.

— Благодарю, — Рут отхлебнул глоток коктейля. — Что ж, почти все ясно... Мне, вероятно, не следовало возвращаться, хотя, впрочем, это почти одно — там ли, или тут...

— Ну что вы, — оживился Ронни. — Триумф вашего возвращения — разве не достойная плата за все? Уверяю вас, многие в нашей стране охотно поменялись бы с вами судьбой. Вы занесены навечно в книгу Героев космоса, вам будут воздвигнуты памятники, вы станете героем школьных хрестоматий, о вас будут слагать стихи...

— Значит, не всех среднесчастливых удовлетворяет официальный стандарт счастья? — прищурился Рут. — Кое-кто мог бы и поменяться?

— Конечно, не теперь, — рассмеялся Ронни. — Чуть-чуть раньше...

— Конечно, — Рут задумался. — И все-таки оппозиция должна существовать. Должна... Природа человека такова, что он не может удовлетвориться средним уровнем, даже если это уровень среднесчастливых. Тут действует страх, средний страх, если угодно, но существует и предел страха. Вы не думали об этом, Ронни?

— Думать об этом не входит в мои обязанности.

Этим заняты другие. Но производительность крематориев может быть и увеличена...

— Ну что же, если так... — Рут прервался, заметив, что за спиной парня, стоящего в дверях, появился Ио, глазки которого мерцали как-то необычно. — Если так, — продолжал Рут, — пришло время решить. И я решил...

Ронни, держа в руках бокал с недопитым коктейлем, с интересом ждал.

— Я решил, — повторил Рут, приподнимаясь со своего места.

Молниеносный удар левой в подбородок Ионы и прыжок на неувсехшего вскочить Ронни. Опрокинулся стол, зазвенели осколки стекла. Парень у двери бросился к ним, но, схваченный сзади Ио, с грохотом отлетел к экранам. Пока Рут и глава банды барахтались на полу, Ио мощными ударами своих рук-клешней превратил голову тридцать третьего в нечто совершенно бесформенное. Рут начал одолевать, но в этот момент получил такой удар сзади, что на мгновение потерял сознание. Падая навзничь, он успел разглядеть Иону с залитым кровью лицом, который готовился нанести второй удар. Откуда-то издалека донесся голос Ронни:

— Хватит с него, тащи за ноги на балкон.

Иона нагнулся и схватил Рута за ноги, но в тот же момент его лицо дико перекошилось; он попятился и громко завыл от боли, пытаясь освободиться от металлических пальцев Ио, который крепко держал свою жертву. Этого было достаточно, чтобы Рут успел вскочить. Но поднялся и Ронни. В его руках что-то блеснуло. Рут узнал свой исчезнувший пистолет.

— Спокойно, капитан. Руки! Быстро! — Ронни направил черные отверстия стволов в грудь Руту. — Здесь урановая пуля, не так ли? Ну!

Рут медленно поднял руки.

— А теперь на балкон шагом марш. Ну!

Рут сделал шаг, потом другой.

— Живее, капитан!

Снова раздался пронзительный вопль Ионы.

— В чем там дело? — спросил Ронни, не поворачивая головы.

— Он жжет меня своими пальцами, — задыхаясь, прохрипел Иона.

— Так скажи ему, дурак, что ты человек, у него же есть реле...

— Больше нет, — услышал Рут знакомый голос Ио. — Я вынул...

Хрип за спиной заставил Ронни стремительно обернуться. Он успел выстрелить, но только один раз. Ослепленный вспышкой разрыва, он отступил. Рут прыгнул и бросился на него снизу. Одного удара было достаточно, чтобы выбить из рук пистолет. Другим Рут приобщи́л главу банды к большинству...

Тяжело дыша, Рут оглядел поле боя. От верного Ио осталось лишь несколько кусков дымящегося металла, от Ионы, который так и не вырвался из цепких объятий робота, ровно ничего не осталось. Робот системы 5, вдавленный Ио внутрь изуродованных переговорных экранов, тоже больше не существовал. Рут склонился над неподвижным телом Ронни. И здесь все было кончено. Этот удар не подводил никогда. Рут поднял пистолет и сунул его в карман. Что-то, а эта штука еще могла пригодиться.

Потом он не торопясь привел в порядок костюм, умылся, надел шляпу и куртку и, набив карманы деньгами, приготовился выйти. Еще раз оглядев кабинет, он плотно закрыл балконную дверь и, соединив разорванные провода в переговорных устройствах накоротко, бросил на них диванные подушки и занавес, который сорвал с окна. Пожар начнется минут через пять; пока спохватятся и найдут источник дыма, огонь уничтожит большинство следов. Во всяком случае, пройдет некоторое время, прежде чем точно установят, кто же погиб в огне. Рут закрыл дверь своих апартаментов, бросил ключ

в мусоропровод и спустился в холл. Портье за стойкой даже не поднял на него глаз. Портье, конечно, знал, что кто-то должен пройти через холл... Он не мог не видеть ночных гостей Рута.

Выйдя во влажную духоту ночи, Рут облегченно вздохнул. Первая часть задачи была решена.

Невдалеке от входа в гостиницу стояла большая черная машина. В ней никого не было, и никого не было видно поблизости.

«Скорее всего это их машина», — решил Рут. Он без колебаний подошел, открыл дверцу и сел за руль. Включенный мотор чуть слышно заработал. Откинувшись в эластичном кресле, Рут нажал на педаль. Машина легко тронулась с места и понеслась по ярко освещенным пустым улицам...

Мотор отказал неожиданно перед въездом на мост. Выяснять причину было некогда. Вдали появилась группа людей, которые быстро приближались. Рут вышел из машины и по каменным ступеням спустился к самой воде. Отсюда вдоль узкой каменной кромки берега он пробрался под мост и присел во мраке на влажном теплом камне. Совсем рядом бесшумно струилась черная вода. От нее пахло нефтью, сыростью и еще чем-то непонятным. Громко разговаривая, по мосту прошли люди. Их голоса звучали тревожно и отрывисто.

— Это там...

— Нет, быть не может...

— Смотрите, их машина...

— Но, кажется, пустая?

— Пуста... Проклятие! Эти дряни заметили нас и сбежали!

Теперь голоса доносились из одного места. Люди, по видимому, остановились возле брошенной Рутым машины.

— Странно, что они не пытались уехать.

— Очень странно!

— И похоже, ехали оттуда...

— Неужели мы опоздали!

— Проклятие! Надо было раньше. Я ведь говорил вам...

— Нет, друзья... Что-то не то... Это их машина... Вот... Мотор не включается... Значит, отключили из цент-
рали...

— Да, непонятно...

— Скорее пошли туда. Может, еще успеем.

— А ты останься поблизости. Последи за машиной. Если они вернутся...

— Знаю.

Звук шагов затих в отдалении. Некоторое время Рут прислушивался.

Наверху было тихо. Тот, что остался, ничем не выдавал своего присутствия.

«Интересно, что за люди? Похоже, знают Ронни и его помощников. Даже следили за ними. Может, конкурирующая банда? Что, если выйти и разговорить того, кто остался? — Рут покачал головой. — Нет, на сегодня хватит искушать судьбу. Надо подождать до утра, смешаться с толпой прохожих, и тогда...»

Он сидел довольно долго, ни о чем не думая. Что-то надо было решить, но он не мог сообразить, что именно. Потом он начал дремать.

Из дремоты его вырвал шорох и луч света небольшого фонарика.

Кто-то был рядом...

— Кто здесь? — спросил Рут, оборачиваясь.

— Друзья, — слышалось в ответ. — Ты оттуда?

— Да, я из города, — сказал Рут. — А вы?

— Мы тоже, но не те, что живут наверху.

— Понимаю, — сказал Рут. — Может быть, нам с вами по пути?

— Так это ты сделал? — продолжал невидимый голос.

— Что именно? — поинтересовался Рут.

— В «Парадизе»... Здорово горит. Весь центр в дыму.

— А, — сказал Рут, — это даже больше, чем я предполагал.

— Тогда нам действительно по пути.

— Я так и думал...

— А как тебя звали?

— Рут Доррингтон.

— Эге, так они не успели расправиться с тобой?

— Как видишь.

— Значит, нам повезло.

— Вероятно, мне тоже.

— Так пошли!

— Слушай, — Рут встал со своего камня, — скажи, кто вы?

— Те, кто не смирился.

— Значит, я был прав.

— В чем?

— Так... В одном споре. Я утверждал, что вы не можете не существовать... Вот только не знал, где вы...

— Да, пока мы вынуждены таиться. Но пройдет время, и скоро...

— Почему же вы не подаете знака тем, кто обречен?

— Это не так просто. У нас лишь те, кому нет пути назад. Кроме того, возможно предательство... Впрочем, ты вскоре убедишься, что мы не сидим сложа руки...

— Но каждый день там, наверху, гибнут люди.

— Гибнут слабые. Другие прозревают, уходят к нам. О нас ведь тоже многие знают... Только молчат, потому что боятся. Паутина страха и лжи ткалась десятилетиями. Освободиться от нее нелегко.

— Да, страх — сволочное чувство... Тем не менее большинство тех, кто наверху, будут с вами в решающий момент. Я там встретил одну девушку... — Рут тяжело вздохнул. — Ее уже нет, но таких, как она, там найдется немало. Уверен в этом.

— Ты прав. Они, когда создавали свою паутину, за-

были об одном... Человека нельзя лишать самого смысла существования... А смысл в том, чтобы как можно полнее выразить себя — в труде, подвиге, любви — во всем, что составляет суть разумной жизни. «Стандарты среднего счастья» закрыли пути самовыражения... Тогда они стали уничтожать подряд всех, кто не смирился.

— Они — это Совет Равных?

— Да... Они держат в руках всю страну. Правительство — тоже. И полицию... Их паутиной опутано все...

— Так я и думал. Мафия гангов?..

— Они выросли из мафии, которая контролировала игорные дома, торговлю наркотиками и крематории. Теперь они истинные хозяева. Все остальное — видимость. Пошли.

— Подожди, еще одно. Я вначале получал их письма, и они...

— Исчезали, не так ли?

— Да...

— Детский трюк... Вещество, которое, самораспадаясь, превращается в газ. Эти письма исчезают всегда. Тем не менее о них все знают.

— Значит, он лгал, — задумчиво произнес Рут.

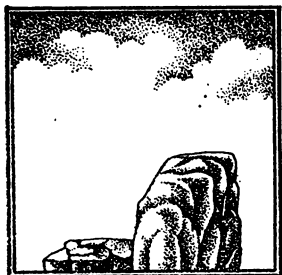
— Кто?

— Один журналист...

Невидимый собеседник тихо рассмеялся:

— Они там все лгут. Что им еще осталось. Пошли.

— Пошли, — сказал Рут.

*Улетали с Марса марсиане
В мир иной, куда глаза глядят,
И не в сказке, не в иносказанье...
Двести миллионов лет назад...*

С. Орлов

ЭСТАФЕТА РАЗУМА

Кирилл прилетел на станцию «Марс-1» с пятой сменой. Продолжительность марсовки — год Марса — два земных с хвостиком. И полгода на дорогу туда и обратно. Два с половиной года вдали от Земли...

Садясь в вездеход, он снова подумал об этом. Вездеход назывался «Черепашка». Так было написано белой краской на удлинённом голубом корпусе, который опирался на шесть коленчатых, обутых в гусеницы ног. Кирилл уже успел заметить, что конструкторы и монтажники предпочитали тут ярко-голубые цвета. Может быть, потому, что напоминали о земном небе, а скорее всего оттого, что резко выделялись на фоне ржавой окраски грунта, скал, осыпей. Здесь даже дневное небо было красновато-оранжевым. Пыль, поднимаемая ураганами, никогда не успевала осесть.

Мягко перебирая шестью ногами, «Черепашка» неторопливо бежала от космодрома, где опустился «Ветер времени», к станции. Ехали напрямик по ржаво-бурой каменистой поверхности, испещрённой оспинами небольших плоских кратеров. Справа то появлялся, то исчезал за ближними возвышениями фиолетово-красный обрыв. Слева каменистая равнина уходила на север и тонула в красноватой пыльной мгле.

В вездеходе их было четверо — все в легких голубых скафандрах с круглыми прозрачными шлемами. Пассажиры расположились впереди. Остальную часть просторной кабины занимал багаж — их личный, привезенный с Земли, и экспедиционный. Троице предстояло сменить часть персонала станции — тех, кто возвращался с «Ветром времени» на Землю. Четвертый — он вел вездеход — оставался тут на второй срок. Это был коренастый крепыш с коричневым от загара лицом и голубыми глазами. Шапка курчавых рыжих волос заполняла все свободное пространство шлема. Она напоминала нимб — обязательный атрибут экстрасенсов, а еще — «святых», как их некогда изображали на старых картинах и иконах. Водителя звали Мак, вероятно Максим, но он сказал просто «Мак», когда представлялся.

Кирилл знал, это в составе смены четырнадцать человек, причем каждый совмещает несколько профессий. В предыдущей смене, из которой десятеро через неделю покинут Марс, было два Максима — один врач, геолог-планетолог и художник, другой — астрофизик, энергетик и радист дальней связи. Кем был этот Мак, Кирилл не успел спросить, потому что при загрузке вездехода пришлось без конца отвечать на вопросы о земных новостях и делах.

Мак перестал задавать вопросы всего несколько минут назад, сосредоточившись на управлении «Черепашкой». Закусив губу, он лавировал между скоплениями каменных глыб и по каким-то одному ему ведомым признакам выбирал наиболее оптимальный вариант пути. «Черепашка» бежала, не сбавляя скорости, однако покачивалась в разных направлениях все ощутимее.

— Дальше дорога чуть похуже, — заметил Мак, внимательно глядя вперед, — но мы выгадаем километров сорок.

Кирилл удивился.

— Кажется, от космодрома до Базы всего сорок километров. Я читал в отчете...

— Было, — откликнулся Мак, — но вас посадили на запасном — в восточной части равнины Офир. Отсюда до базы двести с небольшим, если по прямой.

— А по дороге?

— А ее нет... В объезд этого массива все четыреста. Но я вас направляю...

Вездеход изрядно тряхнуло.

— Не надо волноваться, голубка, — заметил Мак, обращаясь скорее всего к «Черепашке». — Я же просил...

Снова сотрясение, от которого все подпрыгнули на эластичных сиденьях.

— Эй, левые ноги, будьте внимательнее, — Мак замедлил движение и занялся кнопками на панели управления, — так будет надежнее.

Он снова увеличил скорость.

— Почему мы сели далеко от станции? — спросил Кирилл.

Мак сосредоточенно покивал головой в прозрачном шлеме:

— Пришлось. На главном космодроме у нас, — он вздохнул, — неполадки объявились. Придется выяснять...

— Что именно?

— Пока толком никто не знает... Шефуня вам объяснит... Может, ничего важного. Но решили посадить «Ветер времени» подальше. Так безопаснее.

— Безопаснее?

— Вот именно, — Мак усмехнулся, — да вы не пугайтесь...

— Это у них такая игра, Кир, — заметил Геворг — физик новой смены, он сидел позади Кирилла. — Пугать новичков... Вот, мол, ко всем прочим загадкам Красной планеты еще одна из области «призраков»...

— «Призраки» Марса?

— А почему бы нет? Кстати, вода на твою мельницу, Кир. Ты ведь собираешься искать следы исчезнувшей цивилизации.

— Працивилизации нашей планетной системы, Геворг.

— Вот-вот... Следов жизни не нашли, а следы працивилизации будем искать... Естественно, они, — Геворг кивнул на Мака, — узнав, что в составе смены летит известный археолог — специалист по древнейшим цивилизациям Земли, приготовили сюрприз... Правильно я говорю, Мак?

Мак усмехнулся — загадочно и чуть смущенно, но промолчал. Все его внимание теперь было сосредоточено на местности впереди вездехода. «Черепашка», покачиваясь, преодолевала довольно крутой подъем вдоль скалистого, усыпанного красноватой щебенкой склона.

— Впечатление такое, будто едем по битому кирпичу, — пробормотал Сергей — энергетик, радист и радиоастроном новой смены, сидевший рядом с Геворгом. — Кирпич и ничего больше — кирпичные скалы, кирпичная щебенка, кирпичная пыль. И в небе — она же...

— Кислород, который когда-то был тут в атмосфере, пошел на окисление горных пород, — отозвался Мак. — Красный цвет — окислы железа. Железо вытянуло из атмосферы почти весь кислород.

— А удалось где-нибудь обнаружить неокисленные породы? — спросил Кирилл.

Мак отрицательно тряхнул головой:

— Пока нет. Слабее измененные попадались. Выветривание тут чертовски древнее, проникает глубоко. Неизмененных пород мы не встретили даже в буровых скважинах.

— Вы геолог, Мак?

Он кивнул и, немного помолчав, добавил:

— Геолог тоже...

Вездеход достиг вершины скалистого гребня. Впереди открылся обширный кратер с плоским красноватым дном,

которое лежало в нескольких сотнях метров ниже. В центре круглой плоской равнины громоздилась группа красно-бурых скал, похожих на руины древнего замка. Дальний гребень кратера чуть проглядывал в красноватой мгле.

— Станция там. — Мак указал вперед. — Пересечем кратер и будем близко.

— А обрыв справа? — спросил Кирилл. — Мне сначала показалось, что он недалеко, но отсюда сверху это выглядит иначе.

— Ого! — воскликнул Мак. — Недалеко! Тут трудно оценивать расстояния на глаз. До обрыва около двухсот километров. Мы его видим так отчетливо потому, что там сейчас не очень много пыли в атмосфере. Последним ураганом ее согнало на север в равнины. Обрыв — южный край ущелья Копрат — скальная стена высотой больше пяти километров.

Все взгляды обратились в сторону знаменитого ущелья — гигантской трещины, некогда расколовшей древнюю кору Марса.

— Не предполагал, что его видно из окрестностей станции, — заметил Геворг. — Это местечко меня очень интересует...

— А обычно его и не видно, — возразил Мак, затормозив вездеход. — Просто вам повезло. Смотрите хорошенько.

— Вы были там? — спросил Кирилл.

— Еще бы... Не один раз. И американцы тоже. Но там, — Мак махнул рукой, — надо работать и работать. Пока сплошные загадки...

— А как у вас отношения с американцами? — поинтересовался Сергей.

— Как и на Земле. Сосуществуем...

— Были у них?

— Наши кое-кто были. Я — нет. Их мы тоже принимали. Тех, кто работал в ущелье Копрат. Даже помогли

немного. В общем-то, они неплохие парни. Кроме Гридли...

— А Гридли — кто?

— Есть такой один. — Мак помрачнел. — Познакомьтесь... Ну ладно, полюбовались Копратом и поехали дальше.

«Черепашка» тронулась с места и, увеличивая скорость, побежала вниз по крутому каменистому склону. Когда достигли плоского дна кратера, Мак еще увеличил скорость. Кратер пересекли за полчаса, оставив справа по борту скопление похожих на исполинские колонны красноватых скал.

— Остатки некка — на месте жерла вулкана, — лаконично пояснил Мак.

— Что, вулканический кратер? — спросил Геворг. В его голосе прозвучало сомнение.

Мак кивнул:

— По-моему, да... Кое-кто, правда, не согласен. — Он покачал головой. — Мы тут спорим по каждому поводу. Спорим и спорим... И многого не можем понять. Сплошные загадки. Чем дальше, тем больше...

— Но такие широкие кратеры с плоским дном, кажется, принято считать метеоритными, — заметил Кирилл. — Как, например, Аризонский или Попигай у нас в Сибири. Поперечник этого кратера километров сорок. Ничего себе вулкан.

Мак пожал плечами:

— Тут есть вулканы и побольше. А этот — скорее всего кальдера — остатки вулкана, разрушенного взрывом. Потом в центре кальдеры образовался еще вулкан поменьше. Мы только что миновали центральную горку — это и есть остатки более позднего вулкана. Тут сложность в другом...

— В чем именно?

— Лед... Ископаемый лед... Повсюду. Мы с ним столкнулись, как только начали бурение. Я из-за него на вторую смену остался. Только из-за него одного...

— Не понимаю. — сказал Геворг. — Какой лед? Где? В полярных областях?

— Если бы! — усмехнулся Мак. — Везде, понимаете, везде. Тут и возле нашей базы... Скалы, вот как гребень этого кратера и его центральная горка — они торчат из-под льда. Вы думаете, мы сейчас катим по каменному грунту? Черта с два! Под нами лед, присыпанный песком и щебенкой. И сколько его, никогда не знаешь.

— Так что у вас получается? — Кирилл удивленно взглянул на водителя. — Марс — планета-океан, замерзший океан?

— Почти, — кивнул Мак. — Почти... Впрочем, это пока моя — крайняя точка зрения. Далеко не все со мной согласны. Скважин еще мало.

— На сколько же удалось углубиться?

— Ненамного. Первые сотни метров. Но повсюду одно и то же... Десять, двадцать, тридцать метров «битого кирпича», как говорит ваш коллега. — Мак кивнул на Сергея. — Дальше сплошной лед.

— Сколько? — попытался уточнить Кирилл.

— Никто не знает. Все скважины пришлось останавливать во льду. Его толщина многие сотни метров, а возможно, и километры.

— Это на ровных участках, а на возвышенностях?

— Там песка и щебенки побольше. Но все это наносы, принесенные ветрами. Под ними тоже лед.

— А скальные участки, — спросил Геворг, — вот, например, гребень кратера, через который мы перевалили. Что под скалами?

— Там, конечно, коренные породы. — Мак бросил быстрый взгляд на Геворга, видимо удивленный его неосведомленностью. — Выходы каменной коры Марса. Они торчат сквозь лед. До того, как океаны Марса промерзли насквозь, такие гребни могли быть островами.

— Ничего себе открытие! — воскликнул Геворг. — Замерзшие и похороненные песками океаны Марса.

Вы моим глупым вопросам не удивляйтесь, — добавил он, — моя специальность физика атмосферы. В геологии я профан.

— У нас тут геологию называют ареологией, — заметил Мак, — хотя, может, это и не совсем правильно. Ареология — наука о Марсе в целом, включая и его кору, и льды, и атмосферу. Ареолог широкого профиля у нас один — шефуня.

— Ваш начальник?

— Он теперь и ваш тоже. Остается на пятую марсовку... А здешние ископаемые льды, промерзшие до дна океаны — открытие последних месяцев. Еще не успело попасть ни в какие отчеты.

— Вы это разгрызли, когда мы летели?

— В общем, да, — кивнул Мак. — Ну вот и наша станция... С благополучным прибытием на «Марс-1», коллеги!

Вездеход затормозил. За цепочкой красноватых дюн, которые они только что миновали, открылась обширная котловина с плоским коричневато-бурым дном. В центре котловины голубыми полушариями поднимались купола Базы. Возле самого большого купола на высокой мачте трепетал на ветру красный с золотым гербом флаг.

* * *

— Загадки, сплошные загадки, — сказал профессор Никита Бардов — «шефуня», как его называли меж собой сотрудники станции.

Шефуня был нетороплив, массивен, краснолиц, бородат. Говорил густым басом с металлически-колокольным оттенком. Его невозмутимость и спокойствие в самых трудных, даже экстремальных ситуациях считались образцовыми. На станции существовал неофициальный, но всеми признаваемый эталон стойкости и выдержки — «одна шефуня» — величина, близкая к бесконечности, в малых долях которой оценивалась выдержка остальных участников марсовки.

Шефуню отличали еще исключительная корректность, железная логика, негибаемая воля и апостольская доброта. При необходимости распесть кого-нибудь он всегда переходил на уменьшительные и ласкательные формы речи.

По специальности он был планетологом. Несколько лет работал на лунной базе. Его кандидатская диссертация, посвященная исторической селенологии *, сразу принесла ему докторскую степень. Шефуня был автором всех марсианских программ, начальником первой и четвертой марсовок. Теперь он оставался еще и на пятую...

Только что он сжато и лаконично рассказал новой смене о главных итогах работы четвертой марсовки.

— Что касается задач пятой, — он сделал долгую паузу, — привезенную программу придется кое в чем изменить. Будем продолжать бурение, атмосферные наблюдения, геофизику... Биологические исследования надо сократить, потому что они ровно ничего не дали.

— А лед? — быстро спросил Мак.

— Биологи сосредоточат внимание на вашем ледяном керне **. Им этого вполне достаточно.

— Будет еще лед из шахты, — сказал Кирилл. — Проходка шахты заложена в проекте, и я теперь думаю, что шахту следует проходить сквозь покровный лед. Надо только выбрать подходящее место...

— Это очень хорошо, что вы так думаете, — ласково кивнул шефуня. — И местечко надо выбрать... А вот с самой проходкой, может, повременим? А?

— Но как же так! — воскликнул Кирилл. — Шахта это своего рода гвоздь...

— Э-э, дорогуша, — загудел шефуня, — «гвоздей» в наших марсианских программах целые бочки. — Он вздохнул. — Дело в том, что я еще не сказал вам,

* Историческая селенология — история развития Луны (в настоящее время существует в зачаточном состоянии).

** Керн — столбик породы, в данном случае льда, извлеченный из буровой скважины.

может быть, самого главного. Предстоит заниматься одной внеплановой... проблемой. Тут у нас обнаружили места, в которых у людей возникают, — шефуня прищурился и сделал долгую паузу, — ну, скажем, пока... галлюцинации... Даже массовые, если посчитаем «массой» трех человек. Все наличные средства индивидуальной защиты — вездеходы, скафандры, в том числе тяжелые ночные, пригодные, как вы знаете, для открытого космоса, не помогают. Не помогают и защитные поля. Если «галлюцинация» оказывается длительной — в пределах часа или более того, — он кашлянул и снова сделал паузу, — может наступить беспамятство, после которого человек длительное время пребывает в состоянии крайней психической депрессии. Возможны и более тяжелые последствия.

— Похоже на заболевание, — осторожно заметил Кирилл.

— Мы вначале так и думали. Но главный медик, — шефуня указал на Мака, — считает иначе... О своей точке зрения он потом сам расскажет. Первый раз это случилось... — Шефуня обвел вопросительным взглядом присутствующих.

— Три месяца назад, — быстро подсказал Мак.

«Сразу после нашего отлета с Земли», — подумал Кирилл.

— Сегодня ровно восемьдесят шесть суток Марса с того дня, как это случилось впервые, — продолжал Бардов. — Первым был Азарий Горбунов — геофизик. Он потом по собственной инициативе еще дважды попал в это... приключение. Его пришлось... изолировать, и мы отправляем его отсюда... в довольно тяжелом состоянии.

— Психическом? — попробовал уточнить Кирилл.

— Крайняя депрессия, переходящая в бредовое состояние и паралич рук, — объяснил Мак.

— По-видимому, все-таки нервное заболевание, — заметил Кирилл.

Мак отрицательно тряхнул рыжей головой.

— Потерпите, коллеги, у вас будет время все обсудить, — мягко остановил их Бардов. — Итак, впервые мы с этим столкнулись восемьдесят шесть дней тому назад. И произошло это в каньоне Копрат...

— В пещере — в одном из северных ответвлений каньона, — добавил Мак. — Мы там были вместе с Азарием, но в пещеру он зашел один... — Мак умолк и смущенно взглянул на начальника.

— Продолжайте, голубчик, — прогудел шефуня, — у вас получается гораздо интереснее.

— Извините...

— Продолжайте, продолжайте, а я пока отдохну.

— Он долго не выходил обратно и не отвечал на мои радиосигналы. Пришлось идти за ним. Я нашел его в глубине пещеры без сознания. Мы вытащили его наружу. Мне помогал Атиф — он был третьим в нашей поездке. Мы с Атифом тогда ничего подозрительного в пещере не заметили... Когда мы привели Азария в чувство, он рассказал...

— Что он тогда рассказал, не столь важно, — заметил шефуня, — тем более что в дальнейшем повторялось примерно то же самое... Спасибо, Мак, вы очень помогли мне... Приключение в пещере Копрата так заинтересовало Азария, что он решил повторить его. Под предлогом еще каких-то геофизических наблюдений он отправился в Копрат со следующей исследовательской группой, забрался в ту пещеру и сидел в ней до тех пор, пока снова не потерял сознание. Правда, на этот раз он записал на диктофон свои... гм, наблюдения или... ощущения. На Базу его привезли в бессознательном состоянии, и он потом болел больше месяца.

Пещеру мы тщательно обследовали в скафандрах высшей защиты, но ничего интересного и тем более подозрительного не обнаружили. Азарию, когда он поправился, было запрещено участвовать в полевых поездках. Для себя я решил, что Азарий — натура увлекающаяся,

очень импульсивная: у него эмоции нередко опережали логику и трезвое суждение ученого — просто надорвался в здешних нелегких условиях, да и работал он очень много. Наш главный медик, — шефуня снова указал на Мака, — поначалу тоже соглашался со мной, объясняя «казус Азария» нервным перенапряжением. Однако вскоре, а точнее за тридцать три дня до прилета «Ветра времени», история повторилась.

На этот раз совершенно в ином месте — на главном нашем космодроме, где садились и откуда взлетали все земные корабли. Там жертвами, гм... галлюцинации... стали сразу трое участников нашей марсовки. Получилось так, что ни один из них не был в каньоне Копрат, и что произошло с Азарием, то есть о его... заболевании, как мы все полагали, слышали с его слов. Когда это началось, все находились в диспетчерском бункере и занимались регулировкой радиоаппаратуры для прямой связи с «Ветром времени». Они сразу поняли, в чем дело, но само явление так их заинтересовало, что вначале пренебрегли опасностью. Только когда один из них начал терять сознание, люди покинули бункер, однако галлюцинации не прекратились и снаружи. Фантом оказался в том же месте, где они увидели его через окно бункера. Я говорю «фантом», хотя все трое утверждают, что воспринималось *это* как вполне реальный объект... Их показания сходятся вплоть до мельчайших деталей... Они погрузились на вездеход и еще некоторое время продолжали наблюдение, пока один не потерял сознания.

Тогда двое остальных погнали вездеход сюда на Базу. Отъехав несколько километров, развернулись, чтобы оглянуться. Фантом уже исчез. Посадочная плита была пуста.

Профессор Бардов замолчал и задумчиво потер пеницилин.

— Значит, в этом случае фантом наблюдался на посадочной плите космодрома? — уточнил Геворг.

— В самом центре плиты, в полукилометре от бункера и вездехода.

— Так что все-таки это было?

— Как это ни покажется вам странным, во всех случаях *одно и то же*, — Бардов выделил последние слова. — Высочайший каменный портик с квадратными колоннами, поддерживающими массивный нависающий свод. В глубине за колоннами портика — ярко освещенный зал или какая-то площадь, заполненная множеством живых существ в ярких одеяниях. Между колоннами портика появлялась высокая фигура в длинном фиолетовом плаще или мантии и делала руками призывные знаки...

— Человеческая фигура? — снова уточнил Геворг.

— С того расстояния, на котором находились наблюдатели, она воспринималась как человеческая, так же, как и существа в глубине.

— А фантом в пещере?

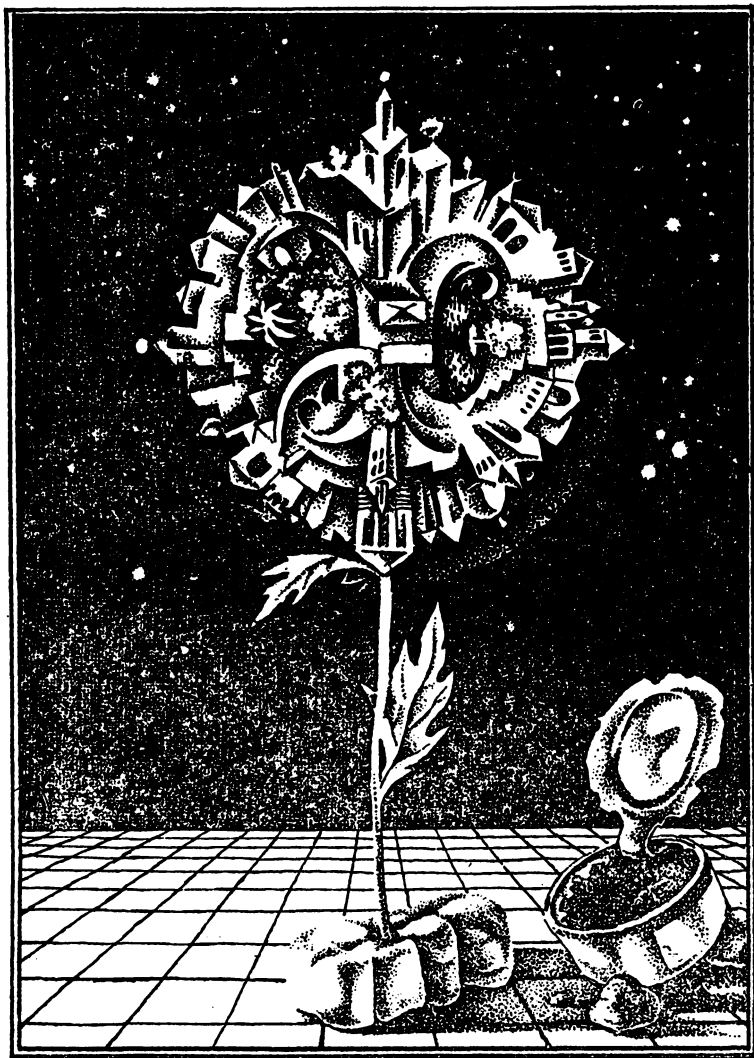
— Я же сказал: во всех случаях одно и то же.

— Не понимаю, — Геворг пожал плечами, — как в тесном пространстве пещеры?..

— В пещере словно бы приоткрывалось окно, — пояснил Мак, — Азарий говорил: «Как окно в иной мир...» Там тоже был портик с колоннами и все остальное... Азарий наблюдал это трижды. В редкие минуты просветления он несколько раз подробно пересказывал мне картину...

— Почему трижды? — спросил Кирилл. — Профессор говорил о двух... галлюцинациях Азария Горбунова.

— Три, — кивнул Бардов. — К сожалению, три. За ним не усмотрели. Узнав о фантоме на плите космодрома, Азарий, нарушив мой запрет, сбежал с Базы и один поехал на космодром. Мы спохватились слишком поздно... Погоня обнаружила вездеход в центре посадочной плиты космодрома. Передняя часть машины была расплющена, словно она врезалась в какое-то препятствие. Мотор не работал, а Азарий, сильно побитый, ле-

жал в глубине грузового отсека, видимо отброшенный при столкновении вездехода с «чем-то». Когда его удалось привести в сознание, он сказал, что на космодроме увидел то же, что и в пещере. Попытался проскочить на вездеходе между колоннами портика. Дальше ничего не помнит...

— Ну а еще ваши призраки появлялись? — поинтересовался Геворг. Кириллу показалось, что в вопросе физика прозвучала плохо скрываемая ирония.

Бардов задумчиво погладил пышную бороду:

— Больше нет... У нас их больше никто не видел. Тем не менее мы сочли необходимым посадить «Ветер времени» в другом месте.

— А на главном космодроме кто-нибудь еще бывал? — вопрос прозвучал невинно, но в глазах Геворга Кирилл прочитал откровенную насмешку.

— Бывали, — Бардов продолжал поглаживать бороду. — Там установлено регулярное наблюдение. Кроме того, из диспетчерского бункера автоматически велась кино съемка.

— И что же?

— Ничего. На кинокадрах посадочная плита пуста и в ее окрестностях ничего подозрительного не возникало.

— Вполне естественно, — усмехнулся Геворг, — давно известно, что призраки, привидения, вампиры и прочая нечисть на кино- и фотопленке не фиксируется.

— Относительно призраков не знаю, — спокойно заметил Бардов, — не приходилось ими заниматься. Но миражи, коллега, удается сфотографировать. Кстати, тут на Марсе миражи не редкость.

— Вы хотите сказать... — начал Геворг.

— Нет, я сказал все, что хотел. Прошу еще вопросы, если они есть.

— Остается ли на пятую смену кто-нибудь из числа наблюдавших... «фантом Азария»? — спросил Кирилл.

— «Фантом Азария», — задумчиво повторил Бардов. — Неплохо... Можно принять это в качестве рабо-

чего названия проблемы. Нет, коллега, никто не остается. Все-таки у нас нет стопроцентной уверенности, что это не заболевание.

— Интересно, а что думает по этому поводу главный медик четвертой смены? — спросил Геворг.

— Разрешите? — Мак взглянул на Бардова.

— Разумеется, коллега.

— Это не заболевание в общепринятом значении слова, — начал Мак, — это ранение... Если хотите — травма, наносимая мозгу каким-то еще неизвестным нам явлением, скорее всего неизвестным излучением, связанным с возникновением фантома. Думаю, даже уверен, что мы еще столкнемся с ним. Среди многих загадок Красной планеты эта представляется одной из наиболее интересных и, пожалуй, наиболее опасных... Я полностью согласен с нашим шефом, ей следует посвятить максимум внимания.

— Можно еще один вопросик? — поднял руку Геворг.

— Пожалуйста, — кивнул Бардов.

— А о наших соседях из западного полушария Земли никто не думал?

— Нет, почему же, думали, — сказал Бардов. — Они просили захватить на Землю одного парня из их смены. Он болен два месяца, а их корабль появится тут через год... Судя по тому, что сказал мне профессор Джикс, их босс, у парня, которого завтра привезут к нам, те же симптомы, что у Азария...

* * *

На следующее утро в кабине Кирилла раздался мелодичный сигнал внутреннего телефона. Личные помещения марсовщиков на главной Базе назывались кабинами. Размер кабин был стандартный — два с половиной метра на три с половиной, при двух с четвертью метрах высоты. Рядом — туалет и душевая — одна на

две кабины. Соседом Кирилла, с кем предстояло делить душевую, оказался Сергей — радист и радиоастроном новой смены; он с момента их прибытия на Базу не вылезал из центральной радиорубки. В каждой кабине имелась койка, днем превращаемая в диван, стол для работы, кресло, стенной шкаф и стеллаж для книг. Над столом — телевизионный экран, телефон и небольшой пульт управления с регулятором кондиционера, пылесоса, освещающих устройств, часами и указателем внутренней и наружной температур, силы и направления ветра, уровня радиации.

Кирилл услышал сигнал телефона, находясь в душевой. Пока он набросил халат и прошел в свою кабину, сигнал повторился дважды.

Он торопливо взял трубку.

— Кирилл Волин слушает.

— Доброе утро, коллега, — загудело в трубке. — Надеюсь, не разбудил. Это Бардов.

— Доброе утро, профессор. Слушаю вас.

— Оставьте вы этого профессора, коллега. Меня зовут Никита, для краткости Ник. Вы не очень заняты?

— Нет.

— Могли бы заглянуть ко мне?

— Прямо сейчас?

— Ну, скажем, в пределах десяти минут.

— Хорошо, буду.

Быстро одевшись и захватив папку со своей программой, Кирилл направился к шефу. Когда он поднялся в коридор, где рядом с кают-компанией находилась кабина начальника марсовки, навстречу ему вышел Геворг. При виде Кирилла на узком худом лице геофизика, обрамленном щеголеватой бородкой стилиги-сатира, появилась усмешка.

— Ну, держись, спец по привидениям, — шепнул Геворг, ткнув Кирилла пальцем в живот.

Кирилл постучал и приоткрыл дверь.

— Прошу, — пробасил шефуня, поднимаясь ему навстречу.

Кабина начальника отличалась лишь тем, что в ней было не одно, а два кресла, а над столом вместо одного телефона — три и еще небольшой коммутатор.

Усадив Кирилла возле стола, Бардов вопросительно глянул на его папку.

— Там что?

— Моя программа, обоснование, намечаемые районы работ... Я...

— Да-да, помню, — прервал шефуня, поглаживая бороду. — Читал ваши статьи и монографию, коллега. Занятно... Хотя я лично не со всем согласен. Впрочем, мои мысли на сей счет — мнение дилетанта. Да... Для начала хотел просить вас заняться кое-чем иным... Вы, конечно, догадываетесь? Проблема «фантома Азария»... Интересно, не правда ли? Вы ведь не только антрополог, историк, археолог, вы и врач-психиатр, не ошибаюсь?

— Это раньше... Я давно не практиковал.

— Неважно. Здесь вы единственный такой специалист... Мак — терапевт широкого профиля, а врач, прибывший с вашей сменой, — хирург. Я хочу просить вас возглавить проблему «фантома Азария». Мак и я лично будем вам помогать...

— А моя программа? Институт, который рекомендовал меня для участия в экспедиции...

— Э, дорогуша, тут у нас у каждого по несколько программ. Времени в вашем распоряжении уйма. К тому же, — шефуня многозначительно поднял палец, — кто знает, куда вас может завести «фантом Азария».

— Вы хотите сказать, — начал Кирилл, широко раскрыв глаза, — хотите сказать, что...

— Я никогда не хочу сказать ничего, чего не говорил, — прервал Бардов. — Постарайтесь запомнить это, коллега Кир. Проблема «фантома Азария» возникла неожиданно, никакими программами, естественно, не могла быть предусмотрена. Пока все, с ней связанное, — ве-

ликое неведомое, которое надо постараться прояснить... По правде говоря, у каждого из нас на нее была и есть своя точка зрения. Вот, например, прибывший вместе с вами коллега Геворг утверждает, что такой проблемы вообще не существует. Что ж, и это — возможная точка зрения...

— Но доказать, что чего-то не существует, невозможно, — заметил Кирилл.

— Именно. Поэтому, если, занявшись фантомом, вы ничего не обнаружите, придется признать, но только с определенной долей вероятности, что самой проблемы действительно не существует. Возникли нервные расстройства, связанные с индивидуальными особенностями психики отдельных участников экспедиции. В этом случае надо установить, какие именно особенности человеческой психики противопоставлены участникам марсианских экспедиций и почему. Думаю, никто лучше вас с такой задачей не справится.

Кирилл с сомнением покачал головой.

— Все это так далеко от моих нынешних научных интересов... И еще одно: участники экспедиций на Марс — и у нас, и у американцев — проходят сквозь такие тесты и такую массу проверок, что кандидат с минимальными психическими отклонениями от нормы со стопроцентной вероятностью будет отсеян.

— Человеческий мозг всегда был и остается великим неведомым, коллега. Это такая бесконечность неведомого... — Бардов махнул рукой. — Да вы знаете гораздо лучше меня. А вот относительно подготовки американцев, выясните подробно, когда привезут их... заболевшего. Обстоятельства заболевания тоже. Потом их данные сопоставим с нашими.

— Кажется, вы считаете, что я уже дал согласие? — недовольно заметил Кирилл.

Широкое красное лицо Бардова озарилось лучезарнейшей улыбкой.

— Я не сомневался, коллега. Именно поэтому просил

вас... а не приказывал. Думаю, что вам сразу после старта «Ветра времени» надо побывать у наших американских друзей. Уточнить на месте, как получилось с их парнем. Впрочем, программу работ по проблеме «фантом Азария» вы разработает сами. В любое время привлекайте для этого Максима и меня... Программу вы представите на утверждение ученого совета нашей пятой смены, скажем, через месяц. Нет, ровно через четыре недели. Вам все ясно, коллега?

— Пока да, — мрачно сказал Кирилл, поднимаясь.

— Ну так с богом, как говорили у нас в старину.

«Черт бы тебя побрал, — подумал Кирилл, выходя, — вместе с твоим богом, «фантомом Азария» и моим идиотским назначением. Хорошо же буду выглядеть, когда придется отчитываться в институте после возвращения... Возвращения... — внутри что-то больно кольнуло. — До него еще двадцать семь земных месяцев... если все обойдется благополучно...»

Спускаясь по лестнице на свой этаж, Кирилл приоткрыл металлическую штору иллюминатора и глянул наружу. Окрестность была задернута красно-бурой пыльной мглой. Начинался ураган...

* * *

Ураган бушевал трое суток. Поэтому американцы появились лишь за несколько часов до отправления космического корабля. Их небольшой короткокрылый планетолет, напоминающий «шаттлы» конца прошлого века, совершил посадку на запасном космодроме недалеко от «Ветра времени».

Кирилл и Мак в легких голубых скафандрах направились навстречу гостям. Когда они приблизились к планетолету, американцы уже выгрузили и установили на самоходную тележку белый с прозрачным верхом «саркофаг». На американцах — их прилетело четверо — были одинаковые полосатые легкие скафандры, напоминающие раскраской их государственный флаг.

— Он тут, — сказал широкоплечий коренастый здоровяк, который представился как доктор Морстон.

Сквозь прозрачное забрало шлема Морстон подмигнул Кириллу и похлопал рукавицей по верху «саркофага».

Кирилл подошел ближе, склонился над «саркофагом». Под прозрачной крышкой бритая голова, бледное, без единой кровинки худое лицо; глаза закрыты, дыхания не заметно.

— Жив он? — невольно вырвалось у Кирилла. И словно в ответ на этот вопрос ресницы человека, лежащего в «саркофаге», дрогнули, приоткрыв бесцветные пустые глаза.

— Почти полный паралич, с потерей речи, — сказал Морстон. — Состояние тяжелое... Не знаю, удастся ли его доставить на Землю живым. Но это единственный шанс... Мы ничего не могли сделать.

Мак положил руку на край «саркофага».

— Его медицинскую карту вы привезли?

— Она у меня, — Морстон похлопал по наружному карману скафандра. — А вот Гибби тащит и его личные вещи.

— Личные вещи? — удивился Кирилл. — Зачем? На корабле его обеспечат всем необходимым.

— Это его собственность, — возразил Морстон. — Не оставлять же здесь. Ему что-нибудь может понадобиться.

Бросив взгляд на «саркофаг», Кирилл подумал, что едва ли этому парню когда-нибудь что-то понадобится.

Подошел Гибби, волоча здоровенный звездно-полосатый мешок с застежками-«молниями», запертыми на маленькие бронзовые замочки. Темная кожа и курчавые черные волосы не оставляли сомнений в его происхождении. Не говоря ни слова, Гибби втиснул принесенный мешок на нижнюю платформу тележки под «саркофаг», забрался на маленькую площадку в передней части тележки и включил двигатель. Тележка медленно двину-

лась по красноватому щебнистому грунту к возвышающемуся невдалеке «Ветру времени». Кирилл, Мак и двое американцев пошли следом. Четвертый американец остался возле планетолета.

Шли медленно в понуrom молчании. Кирилл подумал, что их шествие напоминает старинный траурный кортеж. Пытаясь уйти от тягостных мыслей, он обратился к американцу в дымчатых очках, который шагал рядом:

— Этот ваш товарищ, там, — Кирилл кивнул на «саркофаг», — кем он был по профессии?

— Энрике?.. Астрофизик, специалист по космическим лучам...

— А что, собственно, с ним приключилось? — спросил Мак.

Американец вздохнул:

— Никто из нас толком не знает. Заболел... потом стало хуже, потом вдруг паралич...

— Вдруг? — переспросил Мак.

— Здесь все подробно написано, — вмешался Морстон, снова похлопав по карману своего скафандра. — С чего началось, как лечили. Ваш врач разберется. А что с ним дальше делать, никто из нас не знает.

— Я тоже врач, — заметил Мак.

— О, — воскликнул Морстон. — Это прекрасно. А ваша специальность?

— Терапевт...

— Прекрасно, — повторил Морстон, уже без особой убежденности, — впрочем, мне кажется, тут нужен психиатр.

— Почему вы так думаете?

— Знаете ли... — Морстон замялся. — В общем, он был... со странностями. А потом начались галлюцинации...

— В чем они выражались?

— В чем?.. Да так, разное... В его карте написано... Вот, может, Фред скажет, — Морстон кивнул в сторону

своего товарища в дымчатых очках, — он жил с Энрике.

— Нет, вначале он был, как все, — возразил Фред, — странности у него появились много позже. Мне кажется, со странностей все и началось. Он очень много работал. Не щадил себя... Сильное переутомление, надрыв, специфика здешних условий. Мозг не выдержал... Что-то там у него «отключилось», и вот результат... После полуторагодового пребывания здесь мы все со странностями...

— Но вы проходили на Земле тщательную проверку, отбор, — заметил Кирилл.

— Проходили, — согласился Фред, — а так ли она много значит? Металл тоже проверяют, прежде чем из него построят космический корабль. Каких только проверок не придумали... А сколько аварий в космосе произошло именно из-за усталости металла. А человек? Я слышал, у вас в эту смену тоже один свихнулся.

— Да, действительно, — кивнул Мак, — одного отправляем больным. И, мне кажется, симптомы сходные, хотя у нашего товарища состояние не столь тяжелое. Именно сходство симптомов заставило меня обратиться к вам с вопросами.

— Тут все подробно написано. — Морстон извлек из кармана скафандра большой пластиковый конверт. — Я вручу его вашему медику на корабле.

— Перед отлетом проверялись чисто внешние параметры умственной деятельности, — сказал Фред, — скорость решения задач, число допущенных ошибок, показатели психофизиологической напряженности: частота пульса, данные электрокардиограмм, энцефалографии и еще многое. В определенных пределах по этим параметрам можно судить, достаточна ли мощность мозга каждого из нас для охвата и переработки сведений, поступающих с приборных панелей и даже из окружающего нас мира. Но можно ли по этим чисто внешним проявлениям судить, что в действительности происходит

в мозгу человека, решающего ту или иную оперативную задачу или проблему? Где предел информационной емкости мозга, предел допустимых нагрузок, предел прочности как биологической конструкции? Никто этого не знает...

— В чем все-таки выражались странности в поведении Энрике, о которых вы упомянули? — спросил Мак.

— На «поверхности» — в мимике, выражении глаз, интонациях, жестах... Он стал очень раздражителен, резок, «не контактен»; обрывал, когда к нему обращались с вопросами. Он все больше удалялся от окружающих, замыкался в своем «я», как компьютер без обратной связи. Иногда казалось, что он искал и не находил ответа на какой-то мучающий его вопрос. Потом...

— Стоп, Фред, после доскажешь, — прервал вдруг Морстон. — Смотри, нас встречает начальник русской станции.

Кирилл, внимательно слушавший американца, тоже глянул вперед. От громады корабля к ним навстречу шагал Бардов, вместе с участниками четвертой и пятой смен.

* * *

Американцы явно торопились. Морстон, возглавлявший их группу, отклонил даже приглашение Бардова посетить Базу.

— Отсюда до вашей Базы далековато, — объяснил он свой отказ, — а нам еще предстоит работа на обратном пути. И мы должны возвратиться к себе засветло. У планетолета очень напряженный график. Завтра полетят наши геологи. Да и у вас перед стартом дел немало...

Когда американский планетолет улетел, Геворг сказал Кириллу:

— Рыльце у них в пушку, вот что. Подбросили полутруп и сбежали...

— Объясни свой гениальный домысел.

— Не понимаешь? Все эти так называемые «призра-

ки»... — их работа... А Энрике — морская свинка. На нем отрабатывалась «методика». Теперь концы в воду, особенно если он станет трупом во время полета. На Земле нашим еще придется доказывать, что к чему... И оправдываться, если не довезут.

— Но зачем?

— Что зачем?

— Зачем бы им все это?

Геворг усмехнулся:

— Пока не знаю. Может, позже поймем? Не исключен и примитив: хотят напугать, чтобы мы свернули работы... Наш главный космодром выбран не случайно... И ущелье Копрат подозрительно. Один из самых глубоких разрезов марсианской коры. Там они что-то учуяли, а космодром — удар ниже пояса.

— Чересчур мудро! Подозрительность никогда не благоприятствовала проникательности, Геворг.

— У меня тоже появлялась подобная мысль, — заметил Мак, молча слушавший их разговор. — Потом я ее исключил. Ведь, по существу, «фантом Авария» не угроза, даже не предостережение. Это скорее приглашение, призыв, обещание чего-то... Он способен возбудить любопытство, интерес, но не страх.

— И лишь попутно переворачивает мозги, лишает человека рассудка, — добавил Геворг.

— Это побочные явления, вероятно связанные с излучением, ответственным за сам феномен. Убежден, что найдется способ нейтрализовать их.

— Если мы раньше не последуем за Азарием и Энрике.

— Я отнюдь не утверждаю, Геворг, что опасности не существует, — голубые глаза Мака словно застывали, — мы ведь понятия не имеем, какие еще излучения, кроме тех, что известны, пронизывают всех нас на этой планете. Может быть, «поле», в котором возникает «фантом Азария», существует тут постоянно. Существует и постоянно воздействует на нас. Подобно радиоактив-

ности — до того, как ее научились измерять; подобно гравитации, наконец, которую мы научились создавать искусственно, хотя понятия не имеем, что она такое. Локальные нарушения неведомого здешнего «поля» — естественные, а может быть, даже искусственные, приводят к возникновению фантомов...

— Все-таки допускаешь искусственные, — усмехнулся Геворг.

— Не исключено, но и не связываю их с нашими соседями.

— Тогда кто?

— Не знаю. Тоже не знаю, как и ты, когда тебя спросили, зачем этим заниматься американцам...

В мозгу Кирилла словно полыхнула молния. Это было как озарение... Мысли понеслись с неудержимой быстротой: «Ну конечно... Искусственное возбуждение неведомого «поля»... Призыв... Обещание... Что за светлая голова у Мака!.. Надо только все хорошо продумать, обсудить с ним... Это, безусловно, путь вперед... Вперед... Но где искать источник сигналов? В космосе? Подо льдами? В глубинах Марса?..»

Кирилл с трудом перевел дыхание. Взглянул на собеседников. Они молчали.

— Ты сейчас выдал гениальную мысль, Мак. — Тот восторженно и удивленно взглянул на Кирилла. — Гениальнейшую... — повторил Кирилл. — Но сначала скажите мне, если кто-нибудь из вас знает, насколько трудно технически в наших условиях воспроизвести искусственным путем «фантом Азария»? Конечно, не сам фантом, его модель.

Мак недоуменно пожал плечами.

— Модель совсем не трудно, — заверил Геворг, усмехаясь. — Нужна хорошая лазерная камера, например, из тех, что применяются при современных киносъемках, но... учитывая особенности здешней атмосферы, несколько видоизмененная.

— На Базе или на «Ветре времени» такая есть?

Геворг на мгновение задумался:

— Такой нет. Но в лаборатории, даже в своей лаборатории на Базе, я, вероятно, смог бы продемонстрировать вам оптическую модель «фантома Азария» в уменьшенном масштабе.

— Сделай это обязательно, Геворг, — попросил Кирилл. — Это сейчас очень важно.

— Что за это буду иметь?

— Соавторство в открытии, в поразительном открытии, на пороге которого мы, может быть, оказались... благодаря Маку.

— Благодаря мне? — искренне удивился Мак.

— Тебе и некоторым еще...

— Ты начинаешь говорить загадками, Кир.

— Я что-то тоже... перестаю понимать, — нахмурился Геворг.

— Потерпите... На Марсе и вокруг скрыто больше, чем снится вашей мудрости, коллеги, — торжественно процитировал Кирилл. — Сказано у Шекспира, правда, не совсем так, но суть именно в этом...

* * *

Лабораторную модель «фантома Азария» Геворгу удалось продемонстрировать лишь спустя неделю после старта «Ветра времени». Демонстрация состоялась в кают-компании Базы в присутствии всех участников пятой смены.

По сигналу Геворга было выключено главное освещение, и над круглым центральным столом в полусумраке кают-компании вдруг появилась ярко освещенная фигурка в голубом скафандре. Она сделала несколько шагов в воздухе, повернулась и, широко разведя руки, приветствовала собравшихся поклоном.

— Это был Кирилл, — объявил Геворг, когда фигурка исчезла и снова включили освещение. — Произвести съемку лазерной стереокамерой удалось только вчера у лабораторного корпуса.

— А что мешало? — спросил шефуня.

Геворг усмехнулся.

— Совершенство моей аппаратуры. Камера, которой снималось изображение, предназначена для иных целей. Ее пришлось... модернизировать.

— После чего ее уже нельзя будет использовать по назначению, — буркнул шефуня. — Я правильно понял?

— Почти... Но зато можно показывать вот такие фокусы.

— Вы полагаете, «фантом Азария» имел подобную... природу?

Геворг снова усмехнулся.

— Не исключено. Только аппаратура была мощнее.

— Помощнее? А на сколько?

— Ну, это можно подсчитать, — Геворг задумался, прикидывая в уме. — «Помощнее» — не совсем точно. Разница на несколько порядков.

— Превосходно. — Шефуня принялся поглаживать бороду. — И где же такая лазерная «пушка» могла находиться?

— Где угодно, это зависит от мощности.

— Но в пределах прямой видимости? Ведь мы имеем дело с изображением в видимых лучах спектра.

Геворг покачал головой:

— Не обязательно. Это зависит от конструкции и мощности излучателя. Могли быть использованы любые электромагнитные колебания с многократными отражениями и преломлениями. Трансформация в волны видимой части спектра могла произойти после последнего отражения или преломления.

— А побочные явления? Поражающее воздействие на мозг, нервную систему?

Глаза Геворга хитро сверкнули:

— Это вопрос к медикам, уважаемый шеф. Не берусь отвечать, хотя не исключаю, что «побочные явления» зависят от мощности использованной аппаратуры.

Кирилл уже приготовился заговорить, но его опередил Сергей — энергетик и радиоастроном.

— Я подсчитал, — сказал он, ни на кого не глядя, — необходимую мощность излучения для воспроизведения фантома с тем поражающим «жестким» эффектом, который предположительно испытал Азарий... Даже при расстоянии в десять километров мощность излучателя должна быть в сто миллионов раз больше той, которую использовал Геворг. Подобными мощностями никто на Марсе не располагает: ни мы, ни американцы... В радиусе десяти километров от космодрома ничего подобного, конечно, не могло быть; и не только в десяти, в ста и в тысяче километрах — тоже.

Наступило долгое молчание.

— Чем сильнее и проницательнее наш ум, тем отчетливее ощущает он свое бессилие, — прогудел наконец шефуня. — Найдутся ли желающие опровергнуть Монтеня?

«Нет, пожалуй, мне рано высказывать со своей гипотезой, — подумал Кирилл, — надо дождаться нового проявления фантома, сделать замеры... Хорошо, что Сергей выступил с расчетами. Не знал, что эта история его так заинтересовала. Придется поговорить и с ним... Но если он не ошибается, космический вариант исключен и тогда...»

— Ну а ответственный исполнитель по проблеме «фантом Азария» скажет нам сегодня что-нибудь?

Кирилл вздрогнул, поднял голову. Твердый взгляд шефуни был устремлен прямо на него.

Еще мгновение он колебался. Говорить или нет?..

— Нет, — начал он медленно, — надежными данными, которые могли бы заинтересовать присутствующих, в свете... эксперимента коллеги Геворга, я пока не располагаю. «Фантом Азария» больше не наблюдался, американские исследователи не смогли или... не захотели сообщить ничего нового. По сути дела, мы даже не знаем, чем вызвано заболевание доктора Энрике Кэнби. В его

карте только фиксация наблюдений врача и ни слова о возможных причинах... Галлюцинации упоминаются, но какие именно — неизвестно. Сходство с состоянием Азария имеет место, но лишь сходство. Через девятнадцать дней я должен представить на ваше утверждение программу исследований по проблеме «фантом Азария». Не вызывает сомнения, что до этого надо побывать у американцев.

— Все правильно, — спокойно констатировал шефуня, — значит, завтра вы и отправитесь к ним... вместе с Максимом. С Джимом я договорюсь...

* * *

Договариваться с Невиллом Джимом шефуне не пришлось. Едва кончилось заседание, дежурный оператор поста управления Базы попросил профессора Бардова срочно спуститься в радиорубку. Шефуня возвратился в кают-компанию через несколько минут. Его широкая красная физиономия сияла от удовольствия.

— Сами пожалуют сегодня вечером, — сообщил он Кириллу. — Я имею в виду американцев, — пояснил он после небольшой паузы. — Морстон и еще один... Джимк просит помочь... Поможем, конечно... Так что готовьтесь, Кир... Завтра утром полетите.

Однако вылет пришлось отложить... Ночью начался ураган. К утру он усилился. Защитные полусферические купола вздрагивали от чудовищных порывов ветра. Наступил рассвет, но вокруг Базы все тонуло в густой красно-бурой мгле, изредка прорезаемой фиолетовыми сполохами электрических разрядов.

Морстон, прилетевший вечером, ночевал на Базе. Его спутник остался на планетолете, который американцы посадили в плоской котловине, в нескольких сотнях метров к северу от построек Базы.

За завтраком, прислушиваясь к грохоту и вою урагана, Морстон встревоженно покачивал головой.

— Беспокойтесь за вашего товарища? — спросил Мак. — Надо было и ему ночевать здесь. Напрасно он отказался.

— Электрические разряды... У нас таких гроз не бывает. Откуда здесь столько электричества?

— Ваша станция расположена гораздо выше — в горном районе, — сказал Бардов. — С севера вас прикрывает вулканический массив. А мы — на краю равнины, открытой на север. Когда ураганы бывают особенно сильны, они приходят с севера. Как и этот.

— На Земле грозы сильнее в горах, — заметил Морстон.

— Тоже не везде... Ну а тут свои «марсианские» законы. Мы в них еще не разобрались.

— Мне иногда начинает казаться, — Морстон тщательно размешивал сахар в чашке кофе, — что мы поторопились с исследованиями Марса. Во всяком случае, с организацией тут постоянно действующих станций. Орешек еще не по зубам нынешнему поколению ученых. Лет через пятьдесят-сто с иной техникой, иными знаниями, более устойчивой психикой — куда ни шло. А сейчас, — он покачал головой, — сплошные загадки... и... нередко просчеты.

— У нас тоже, — кивнул Бардов, — но начинать было надо. И когда бы ни начали, первым пришлось бы через все это пройти. На то они и первые... А что, собственно, у вас произошло, коллега? Джикс вчера попросил прислать нашего врача. Вы сказали, что крайне желателен прилет специалиста по физике атмосферы. Кого отправить с вами, когда закончится ураган?

— Видите ли, — Морстон потупился, — откровенно говоря, нам нужна помощь и врача и физика, и даже не знаю, чья важнее. Но, мы понимаем, у вас свои задачи; поэтому решайте сами, кого можете отпустить... Если говорить об оптимальном варианте... — Он запнулся.

— Ну так каков же оптимальный вариант? — прогудел шефуня, поглаживая бороду.

Морстон тяжело вздохнул:

— Профессор Джикс просил передать вам, что все мы крайне заинтересованы в вашем личном приезде, господин Бардов. Крайне... Никто лучше вас не знает этой проклятой планеты. Она преподносит сюрприз за сюрпризом... Мы недавно обнаружили следы каких-то пришельцев из космоса, но... Понимаете, это трудно объяснить, надо смотреть на месте...

— Ваш Энрике Кэнби погорел именно на этом? — жестко спросил Бардов.

— Да-да, — процедил Морстон, — к сожалению, не он один...

— Жаль, что не сказали сразу!

— У нас не было единой точки зрения, сэр.

— Вероятно, ее не существует и сейчас?

Морстон молча пожал плечами.

— Хорошо, мы летим с вами, как только утихнет ураган. Вчетвером.

— Благодарю, — Морстон нервно откашлялся, — от имени Джикса и... моего... и вообще всех нас...

* * *

На этот раз ураган не стихал целую неделю. И всю неделю не удавалось установить радиосвязь не только с американской станцией, но и с планетолетом, который находился всего в нескольких сотнях метров от Базы. Не могло быть и речи о том, чтобы выйти наружу даже и в скафандрах высшей защиты. Ураган поднял в воздух чудовищное количество песка и пыли. Тьма царила полная. Эта непроницаемая, воющая круговерть была так насыщена электричеством, что весь металл на защитных куполах построек Базы светился зловещим голубовато-фиолетовым сиянием. Сверху временами доносились тяжелые раскаты грома, но молний уже не было видно — настолько плотной стала пылевая завеса.

За неделю вынужденного сидения на Базе Кирилл не

один раз пытался «разговорить» Морстона. Однако тот, получив согласие Бардова, снова замкнулся в своей скорлупе, отделяваясь общими фразами и обещанием все показать и объяснить на месте.

— Мой рассказ вас не убедит, — говорил он, — а настроить скептически может. Лучше сразу увидеть самому...

Ураган начал стихать на восьмые сутки. Вскоре удалось поймать радио планетолета. Спутник Морстона вызывал свою станцию, но его там, вероятно, не слышали. Не реагировал он и на вызовы Базы.

— Его едва слышно, — сказал Морстону дежурный оператор, — хотя он совсем рядом...

— Давайте я попробую, — предложил Морстон.

После многих попыток ему удалось установить связь с планетолетом. Выслушав сообщение оттуда, Морстон присвистнул:

— Он в ловушке. Планетолет засыпало полностью.

Освобождение американского корабля из песчаного плена заняло целый день. Еще день ушел на расчистку взлетной полосы. Для этого пришлось пустить в ход всю наземную технику, имеющуюся на Базе.

— Мы выбрали очень неудачное место для посадки, — признался Морстон, когда все было наконец готово к старту и участники перелета собрались возле американского корабля.

— Напрасно отказались воспользоваться нашим ангаром, — заметил Мак.

— Кто мог думать, что придет такой ураган.

— Тут всегда надо быть готовым к любой неожиданности, — сказал Бардов, — особенно со стороны погоды. Мы еще только-только начали разрабатывать методику краткосрочного прогноза. А в истории с вашим планетолетом больше всех, конечно, виноват я. Как заботливому хозяину, мне следовало настоять, чтобы вы воспользовались ангаром.

— Вы очень любезны, мистер Бардов, — бледно

усмехнулся Морстон, — виноват я, вернее, мое нежелание доставлять вам лишние хлопоты... с ангаром... К счастью, благодаря вашей дружеской помощи все завершилось благополучно... Ну, если все готовы, прошу.

Он указал на планетолет.

Бардов, Мак, Кирилл и Геворг — один за другим поднялись по откидному трапу и, задержавшись ненадолго в шлюзовой камере, прошли в салон корабля.

* * *

Перелет на американскую станцию обошелся без приключений. Летели не очень высоко, но внизу все было задернуто пылевой завесой, еще не осевшей после недавнего урагана. Поэтому надежды Кирилла увидеть сверху каньон Копрат, озеро Феникса, Гордиев узел, Амазонию на этот раз не оправдались. Лишь перед посадкой Кирилл разглядел внизу в красноватых лучах заходящего солнца хаотическое скопление зубчатых бурых гребней, разделенных глубокими ущельями; в ущельях уже залегли густые лиловые тени.

Постройки американской станции мелькнули в котловине у подножия кирпично-красного плато, на которое опустился планетолет. Пробежав по плато около километра, корабль вдруг наклонился и нырнул куда-то вниз в темноту.

— Мы в подземном ангаре нашей станции, — послышался голос Морстона. — Шлемы надевать не надо. Ангар герметизирован.

В иллюминаторах корабля вспыхнул яркий электрический свет. Кирилл увидел серый бетонный пол и бетонные стены обширного зала. В отдалении стояла группа людей в обычных рабочих комбинезонах. В центре ее выделялся высокий смуглолицый человек в больших очках, с совершенно белыми волосами.

— Это профессор Невилл Джикс, — сказал за спиной Кирилла Морстон. — Позвольте приветствовать вас, гос-

пода, на территории Соединенных Штатов Америки на Марсе.

Планетолет замедлил движение, дрогнул и остановился.

* * *

Первая рабочая встреча состоялась на следующее утро сразу после завтрака. Профессор Невилл Джикс пригласил четверых гостей занять места за круглым столом в небольшом салоне, рядом с его кабинетом. С американской стороны на встрече присутствовало тоже четверо. Кроме Джикса, Морстона и Фреда, который и тут не расставался с дымчатыми очками, еще Гридли.

Он зашел в салон последним, и Джикс представил его как своего заместителя. Гридли молча поклонился и занял место напротив Кирилла. Ни вчера вечером, когда Джикс показывал гостям американскую станцию, ни утром за завтраком Кирилл его не видел. У Гридли было широкое бледное лицо, удивленно приподнятые брови, заостренный длинный нос. Светлые волосы он гладко зачесывал назад, вероятно, от этого уши казались немног оттопыренными. Встретившись взглядом с Кириллом, Гридли отвел глаза и принялся негромко постукивать пальцами по столу.

— Позвольте мне открыть наше заседание, — начал профессор Джикс, поднимаясь со своего места. — Прежде всего я хотел бы еще раз приветствовать наших дорогих советских гостей и поблагодарить за прибытие.

Он поклонился, обвел взглядом присутствующих и добавил:

— Учитывая высоту наших потолков, предлагаю дальше разговаривать сидя. — Он похлопал ладонью потолок над головой и опустился в кресло.

— Итак, с чего же мы начнем? — продолжал он, глядя поверх очков на Бардова.

— Может быть, с самого главного? — в тон ему ответил шефуня.

— Пожалуй, все-таки нет, — задумчиво сказал Джикс. — Главное — наши пострадавшие товарищи... Но они — следствие. Если не будет возражений, я предпочел бы начать с причины. Причина находится здесь, — он указал на массивную дверцу стенного сейфа, — сейчас я ее вам представлю.

Он снова поднялся из-за стола, подошел к сейфу и после нескольких манипуляций с диском шифра медленно открыл дверцу. Откуда-то из глубины сейфа он извлек небольшую картонную коробочку и возвратился с ней к столу.

— Вот она, наша странная находка и наше горе, — продолжал он, поставив коробку на стол и пододвигая ее к Бардову, — осколок полупрозрачного белого кристалла. Похоже на земной кварц, не правда ли? И выглядит так же безобидно. Но это лишь видимость. Суть совершенно дьявольская и пока представляется полнейшей загадкой, причем загадкой с ловушкой... То есть сейчас в данных условиях эти осколки немые и совершенно безобидны, — добавил он, заметив, что гости невольно отстранились от коробки. — Не сомневайтесь, уже проверялось многократно. Я их держал даже у себя под подушкой, и как видите — ничего...

Дело в том, что необходимо, — он запнулся, — по видимому, необходимо, особое состояние здешней атмосферы и определенная ориентировка этих кристаллов по отношению к прямым солнечным лучам. Только при этих благоприятствующих условиях кристаллы начинают выделять заключенную в них информацию и... становятся опасными. Мы работали с ними эмпирически и параметров наибольшего благоприятствования, вероятно, не знаем. Однако не исключено, что в этом последнем случае они наиболее опасны.

Сама эта находка, — Джикс указал на коробку с белыми осколками, — в определенной степени случайна, однако при детальном геологическом исследовании рано или поздно она, вероятно, была бы сделана. И я убеж-

ден, с подобными «кристаллами» исследователи Марса еще встретятся.

Простите, что рассказываю не очень систематически, но эта материя такова — с чего ни начни, все равно возникает множество вопросов. С чего все началось? Наши геологи некоторое время тому назад при полевых исследованиях наблюдали странный мираж — настолько странный, что склонны были принять его за галлюцинацию...

— И что же это было? — спросил Бардов, потому что Джикс вдруг замолчал и задумался.

— А был это, вообразите, какой-то космодром в момент старта космического корабля, но совершенно не земного типа — что-то вроде гигантской полусферы с вертикальным взлетом. Наблюдалось это диво всего с полминуты и постепенно исчезло, потому что солнце начало заходить за край обрыва.

— И было это в каньоне Копрат? — быстро спросил Мак.

— Представьте себе, да, — удивился Джикс, — а вы, простите, тоже наблюдали там что-нибудь подобное?

Мак отрицательно тряхнул головой.

— Я думаю, нам пока не следует перебивать профессора, — заметил Бардов, неодобрительно поглядывая на Мака.

— Нет-нет, прошу вас, — запротестовал Джикс, — спрашивайте, спрашивайте все, что вас интересует. Я могу упустить что-либо существенное. Мы здесь уже столько раз все это обговаривали...

Он сделал долгую паузу, но вопросов не последовало, и он продолжал:

— Происшествие с геологами очень заинтересовало доктора Энрике Кэнби — того самого, которого пришлось с вашей помощью отправить на Землю. Несколько раз он выезжал вместе с геологами в Копрат. Они показали ему место, откуда видали мираж. Он устроил там наблюдательный пункт, и в конце концов поймал

этот феномен. Первый раз наблюдал его тоже при низком солнце около десяти минут, провел даже киносъемку, но пленка оказалась засвеченной. К сожалению, вначале никто не придавал значения засвеченной кинопленке... Энрике продолжал исследования. Он вообще был фанатиком науки и уж если чем-нибудь увлекался, остановить его было невозможно. Его поиск мы вначале не принимали всерьез, — Джикс вздохнул, — это тоже было ошибкой, в первую очередь моей...

— История повторяется, — пробормотал Бардов.

— Выяснилось, что возникновение миража зависит не только от положения солнца, — продолжал Джикс, испытующе поглядывая на Бардова, — но и еще от ряда факторов, в том числе от состояния верхних слоев ионосферы. К сожалению, Кэнби почти не вел записей... После того, как он вышел из строя, мы бродили в потемках.. Он в конце концов определил наиболее вероятное место в обрыве каньона, которое с его точки зрения было ответственно за возникновение... миража. Там ничего примечательного не оказалось. Залегал слой красноватого песчаника с мелкой галькой, ничем не выделяющийся среди других горных пород, слагающих северную стену каньона. Однако, когда Кэнби прикрыл это место темным экраном, мираж возникать перестал. Убрали экран — мираж появился, но на очень короткое время. Дело в том, что дни становились короче, солнце заходило все раньше, и условия освещенности этой части каньона становились все менее благоприятными. Вероятно, следовало подождать весны, но Энрике ждать не умел. По его просьбе геологи срезали часть подозрительного слоя. Пробу привезли сюда, стали исследовать. Ничего необычного в ней не обнаружилось, кроме одной-единственной гальки, которая ярко светилась при облучении ультрафиолетом. На Земле такое свечение, как вы, конечно, знаете — один из признаков алмаза. Галькой занялся наш минералог. Несмотря на высокую твердость, это был не алмаз. Более того, состав вещества оказался

настолько необычным и сложным, что возникла мысль... о его искусственном происхождении. Тогда галькой повторно заинтересовался Энрике и установил, что и она, и любой из ее осколков при определенных условиях прямого солнечного освещения становится источником... — Джикс сделал долгую паузу, по-видимому, подыскивая наиболее точное определение.

— Фантома? — подсказал Бардов.

— Если угодно, — кивнул Джикс, — или — определенного количества информации. Мы все — и мои коллеги, присутствующие здесь, и остальные сотрудники станции неоднократно были свидетелями экспериментов Энрике Кэнби с этим веществом. Должен сказать, что зрелище беззвучно взлетающего гигантского космического корабля впечатляюще. Правда, спектакль удавался не всегда. Иногда фантом не возникал...

— Значит, здесь, — Бардов повертел в пальцах один из белых осколков, — запечатлен только старт некоего корабля?

— Не только, — ответил Джикс, — Энрике удалось получать и еще какие-то зрительные сигналы — хаотическое смешение красок, подобное разноцветному пламени. Они не расшифровываются. Мы вам все это продемонстрируем, если, конечно, не боитесь. Дело в том, что информация, заключенная в этих осколках, не ограничивается зрительным рядом. Мы знаем теперь, что и само вещество, и создаваемая им оптическая модель, или фантом, в свою очередь, становятся источником какого-то излучения, опасного, а может быть, и губительного для человеческого мозга и нервной системы. Мы все, в той или иной степени, поражены этим излучением и, откровенно говоря, я не уверен... досуществуем ли в нормальном состоянии до прилета нашего корабля. Ускорить его появление, как вы знаете, невозможно. Нам остается лишь уповать на провидение и... вашу помощь... Именно поэтому я рассказываю обо всем столь подробно и откровенно. Критическая доза этого неведо-

мого излучения пока неизвестна. Не знаем мы и характера поражения и степени необратимости последствий. Я вначале думал, что лишь Энрике хватил этого через край. Нет... За последние недели ухудшилось состояние еще нескольких наших товарищей, вместе с которыми Энрике занимался изучением кристаллов. У нас, — Джикс вздохнул, — двое тяжело больных. Еще у одного — начальные симптомы заболевания. И вообще...

Бардов нахмурился, движением руки прервал Джикса.

— На Землю сообщили об этом?

— Нет... Пока нет. Если Энрике доставят живым, тогда сообщим... Что сами будем знать к тому времени. Впереди еще почти три земных месяца. Я не хотел поднимать тревогу раньше срока.

* * *

— Обсудим ситуацию, — предложил шефуня. — Ваши соображения?

За сутки, проведенные на американской станции, они впервые собрались вчетвером в комнате, отведенной Бардову.

— А как тут с дополнительными ушами? — поинтересовался Геворг.

— Какое это имеет значение, — шефуня поморщился, — мы все сидим в одной лодке...

— Которая может пойти ко дну?

— Если не соблюдать осторожности...

— Совсем как на Земле! — Геворг усмехнулся. — Мое мнение: если рассказ Джикса правда — они наложили дров.

— Что дальше?

— Они обязаны были рассказать обо всем перед отправкой Энрике Кэнби.

— Что изменилось бы? Характер поражения неясен и сейчас. Аналогия с состоянием Азария очевидна.

Об Азарии мы сообщили все, что знали, — шефуня пожал массивными плечами, — дело не в этом.

— Конечно, — подтвердил Кирилл, — услышанное сегодня — детали. Ты, Геворг, искал источник фантомов. Американцы его представили. Завтра увидим в действии...

— Кто не боится, — Геворг подмигнул.

— По существу, мы не узнали ничего нового, — продолжал Кирилл. — Без излишней скромности могу сказать, я подозревал нечто подобное...

— Ну силен! — воскликнул Геворг. — Значит, ты и о космических пришельцах догадывался? Молодец!

— Пришельцы ни при чем. Не в них дело. Главное сейчас — люди...

— Как ни при чем? А кто камушки подбросил?

— Подожди, Геворг, — резко остановил физика Мак. — Кир правильно говорит... Мы с ним осмотрели сегодня пострадавших. Двое в тяжелом состоянии, почти как Энрике, когда его привезли к нам. А еще две недели назад эти ребята чувствовали себя вполне прилично. Излучение, связанное с фантомами, действует не сразу, его последствия, вначале кажущиеся незначительными, потом нарастают, как лавина. Поражаются какие-то узлы центральной нервной системы: сначала — коры больших полушарий, потом спинного мозга. Финал — паралич.

Я пока не вижу радикального способа и средств остановить эту лавину. Во всяком случае тут... Вероятно, существует предельная допустимая доза облучения, но мы ее не знаем, потому что ничего не можем измерить. Кир судит несколько иначе, но пусть он сам скажет...

— Ситуация действительно очень трудная, — начал Кирилл, — но я думаю так: эти белые кристаллы — носители информации, заложенной в них разумом. Мы сейчас не знаем, кто заложил информацию. Важно другое: это послание разума разуму... Значит, оно не может, не должно сопровождаться попыткой причинить

зло. В противном случае оно бесцельно. А бесцельное зло — оружие слабоумных.

Фантом — немой зрительный образ — только часть информации, может быть, не самая главная. Таинственное излучение — другая часть, которая, вероятно, должна, восприниматься непосредственно мозгом, но... наш мозг либо для этого не приспособлен, либо... еще не научился воспринимать подобную информацию; это приводит к травмам центральной нервной системы — травмам и заболеванию...

Мне почему-то кажется более вероятным второе предположение: наш мозг пока не справляется с потоком этой информации. Принципиальной несовместимости не должно быть, ведь воспринимаем же мы зрительный образ. Значит... Значит, надо помочь мозгу освоиться со всем потоком информации. Как? Не знаю... Надо думать...

— Заманчиво, — заметил шефуня. — Но до чего опасно! В этом случае путь один — рисковать... Азарий, и Энрике, и здешние ребята рискнули... Что получилось?

— Они рисковали вслепую, — возразил Кирилл, — а надо подумав, умно...

— Можно, конечно, попробовать и умом, — усмехнулся Геворг, — только где его столько взять до завтра?

* * *

Однако ни на следующий день, ни в течение целой недели, пока Бардов и его спутники оставались гостями американцев, наблюдать фантом не удалось. Либо осколки белого кристалла вдруг лишились своего удивительного свойства, либо что-то изменилось в атмосфере планеты, но фантом возникать перестал, хотя условия солнечного освещения все эти дни оставались благоприятными.

Джикс выглядел совершенно обескураженным. Его помощники сбились с ног, без конца меняя положение

гониометров*, в которых были закреплены осколки загадочной белой гальки.

— Не понимаю,— сказал Джикс в последний вечер, когда все собрались в кают-компанию американской базы,— просто не понимаю... Словно они сами разумны и решили вдруг проявить упрямство.

Он указал на коробку, в которой лежали белые осколки.

— Раньше мы без особого труда получали изображение,— добавил Морстон,— например, от этих кусочков, отмеченных зеленой тушью.

Он осторожно коснулся пальцем нескольких осколков.

— За минувшую неделю мы перепробовали все осколки, вплоть до самых мелких,— хрипло заметил Фред,— еще одна загадка...

— Мы передадим вам половину осколков,— сказал Джикс,— вы сможете работать с ними у себя, а мы продолжим исследования тут. Может быть, удастся снова активизировать их. В случае успеха сразу сообщим. И вы тоже сообщайте.

— Разумеется,— кивнул Бардов.

— Зачем же половину,— нахмурился Гридли,— вероятно, хватит нескольких кусочков, например, два с зелеными отметками и две-три крупинки помельче. Тем более что неизвестно...

— Нет, половину,— резко перебил Джикс.— Будем продолжать исследования на паритетных началах. Если они обнаружат что-либо подобное, то сообщат нам.

— Разумеется,— снова подтвердил Бардов, поглаживая бороду.

— К сожалению, наши друзья завтра покидают нас,— продолжал Джикс,— поэтому разделим материал сейчас. Давайте весы, Гибби.

Молчаливый Гибби поставил на стол аптекарские ве-

* Гониометр — углоизмерительный кристаллографический прибор, позволяющий менять в различных направлениях положение кристалла относительно светового луча.

сы и под внимательным взглядом Джикса разделил содержимое картонной коробочки на две равных навески. Одну Джикс пересыпал в серую металлическую коробочку и вручил Бардову, другую убрал в сейф.

— Ваша коробочка свинцовая,— пояснил Джикс,— но это на всякий случай. До тех пор, пока на заключенные тут крупинки не упадут прямые солнечные лучи, они нейтральны и, по-видимому, безвредны для человека.

— Во всяком случае не излучают ничего, что мы умеем фиксировать,— добавил Фред.

— Вероятно, кое-что зависит от индивидуальных особенностей человеческого мозга,— заметил Кирилл.— Один из ваших больных вчера рассказал мне, что у него появлялось странное беспокойство и даже что-то, похожее на галлюцинации, когда он подолгу смотрел на эти осколки в закрытом помещении.

— У кого? — насторожился Гридли.

— Его зовут Джерри.

— А,— кивнул Джикс.— Джером Гиббсон — наш химик. Он пытался установить состав и структуру этого вещества, но выяснил только их необычайную сложность. К сожалению, Джером натура весьма эмоциональная, и эти его... ощущения... Они очень субъективны, коллега.

— Конечно,— согласился Кирилл,— поэтому я и упомянул об индивидуальных свойствах. Их следует иметь в виду. Кстати, состояние Джерома в последние дни заметно улучшилось...

— Лечение, предложенное вами и коллегой Максимом, помогло всем без исключения,— поклонился Джикс,— я и мы все бесконечно благодарны и теперь более оптимистично смотрим вперед...

— Однако любованием здешними фантомами, если опять появятся, не злоупотребляйте,— посоветовал Бардов.— У нас говорят: береженого бог бережет.

— У нас тоже,— усмехнулся Джикс.— А еще: ошибки хорошо учат.

У Кирилла вдруг зарябило в глазах. Он зажмурился, а когда снова открыл глаза, над столом кают-компаний медленно проплывали полупрозрачные человекоподобные фигуры в развевающихся радужных одеждах. Невилл Джикс что-то говорил, видимо отвечая Бардову. Смысл его слов не доходил до сознания. Кирилл остановившимся взглядом всматривался в странные видения. А они все плыли — медленно, бесшумно, как туман над земными болотами в тихие осенние вечера. Тревожила все сильнее какая-то мысль, но смысл ее ускользал от сознания. Наконец Кирилл сообразил, о чем думает, — видят ли *это* остальные?

В тот же момент видение исчезло. До слуха донеслись слова Джикса.

— Конечно, мы сделаем все, что в наших силах, и регулярно будем сообщать...

Настороженный взгляд Кирилла пробежал по лицам присутствующих: вежливое безразличие, усталость...

Шефуня, подперев ладонью массивную голову, слушал Джикса.

Кажется, никто не видел. Только он один... Но тогда, что это такое?.. Кирилл закусил губы. Может, и у него начинается?.. Может, это заразно? Он снова взглянул туда, где только что видел *это*, и тут заметил, что за ним внимательно наблюдает Геворг.

* * *

Они возвратились к себе на станцию «Марс-1» на следующий день. Металлическую коробочку с крупинками загадочного кристалла шефуня передал Геворгу.

— Попробуйте воскресить фантом, — сказал он, поглаживая бороду, — с предельной осторожностью, конечно, с полным соблюдением личной безопасности.

— Если тут не липа, — усмехнулся Геворг.

— Не верите им?

— Нет...

— И все-таки — предельная осторожность... А от вас, коллега,— шефуня повернулся к Кириллу,— через неделю жду предложения и программу.

Прошло четыре дня. Геворг загадочно молчал. На прямые вопросы отвечал скептической ухмылкой и советом — «потерпеть немного». Потом он исчез на сутки.

Кирилл и Мак обсуждали составленный Кириллом проект программы, когда в дверь кабины громко постучали.

— Прошу,— крикнул Кирилл.

Дверь распахнулась. На пороге оказался Геворг.

— Я только что из Копрата,— объявил он, входя.— Думаю кончать комедию...

Он бросил на исписанные листы бумаги, лежащие на столе, серую металлическую коробочку...

— Почему не предупредил, что едешь в Копрат,— возмутился Кирилл.— Я поехал бы с тобой.

— Ни к чему! Это липа,— Геворг указал на коробочку.— Какой-то здешний минерал...

— Ты был и в той пещере? — спросил Мак.

— Был. Пробовал даже там. Испробовал за эти дни все возможные варианты, благо погода стоит солнечная. Все вздор! Они нас одурачили.

— Но с какой целью?

— Если бы я знал...

— А состав этого вещества? — Кирилл взял двумя пальцами коробочку и осторожно встряхнул ее.

— Состав, состав...— худое коричневое лицо Геворга искривила судорога,— по физическим свойствам это кварц. Каждый подтвердит. Химическим составом я не занимался. Не мое дело.

— Джикс упомянул о свечении в ультрафиолетовых лучах...

Геворг отрицательно тряхнул головой:

— Эти осколки не светятся.

— Странно,— заметил Кирилл, продолжая встряхивать коробочку.— Не допускаю мысли, что это блеф...

Зачем? Ведь мы всегда можем проверить химический состав. И если это действительно кварц...

— А не мог ли кто-нибудь тогда подменить коробку? — предположил Геворг.

— Гридли, например? — прищурился Мак.

— А почему бы и нет. Он явно не хотел, чтобы Джикс отдал нам половину.

— Нет, тут что-то другое, — задумчиво пробормотал Кирилл. — Другое... Да... Повремени со своим разоблачением, — обратился он к Геворгу. — День-два... А пока оставь эту штуку мне.

— Пожалуйста, — Геворг встал и потянулся. — Иду спать, — объявил он. — Последние несколько суток почти не спал...

— Что хочешь с этим делать? — спросил Мак, когда Геворг вышел.

— Еще не знаю, — Кирилл осторожно приоткрыл свинцовую коробочку. — Подумаю... Действительно похоже на кварц.

— А осколки с зелеными отметинами есть?

— Есть... Вот они...

— Я тоже не допускаю блефа, — заметил Мак, вставая. — Уже поздно, Кир. Пожалуй, на сегодня хватит?

Оставшись один, Кирилл погрузился в размышления.

«Без сомнения, это те самые осколки, которые на глазах у всех взвешивал Гибби, которые Джикс пересыпал потом в свинцовую коробочку и вручил шефуне. Почему они вдруг потеряли свои странные свойства? Уже тогда на американской базе воспроизвести фантом не удалось. Может быть, дело совсем не в солнечных лучах или не только в них? Где искать ключ к тому, что хранят эти осколки? Хранят в течение десятков или даже сотен миллионов лет. Здешние фантомы тоже перестали появляться... Как все это увязать в единую систему?»

Кирилл поднялся из-за стола, начал прохаживаться по тесному пространству своей кабины; четыре шага в одном направлении, четыре в обратном.

«Эстафета разума... Фаэтон, Марс, Земля... Американцы утверждают, что абсолютный возраст слоев, в которых была найдена галька, около 80 миллионов лет. Мезозойская эра Земли... Время динозавров... Что мы знаем о земном мезозое*? Казалось бы, и много, и ужасающе мало. Загадочные эпохи нарастающего расширения Земли, гигантизма форм жизни, чудовищных превращений растений и животных, исполинских лавовых излияний...

Земля вдруг стала раздуваться и набухать, как созревающий кокосовый орех. И, как у созревающего кокоса, наружная оболочка не выдержала, была разорвана на куски — нынешние континенты. Приоткрылся глубинный слой, залеченный базальтовыми лавами — нынешнее дно земных океанов. Вероятно, что-то произошло и с силой тяжести — гигантские ящеры мезозоя едва ли могли бы существовать в нынешнем гравитационном поле Земли. Где искать след эстафеты разума в хаосе мезозойских превращений Земли? И позднее — тоже ничего до самой Атлантиды, о которой мы — люди XXI века — еще продолжаем спорить».

Кирилл остановился, оперся обеими руками о край стола, окинул взглядом разложенные на столе бумаги.

«Проект, предложения... Мак, конечно, прав... Слишком зыбко, неубедительно... Значит... Значит, придется еще раз начать сначала... С самого начала. Осталось три дня и три ночи. Должно хватить...»

Кирилл опустил в кресло, резким движением отодвинул исписанные листы и, положив перед собой чистые, начал быстро писать:

«Во второй половине прошлого века известный планетолог Алексей Савченко сформулировал свою знаменитую гипотезу о нестационарных** явлениях при развитии

* Мезозой — мезозойская эра геологической истории Земли. В абсолютном летосчислении — отрезок времени от 220 до 70 миллионов лет тому назад.

** Нестационарные — быстро протекающие, взрывного типа.

планетных систем и о последствиях разрыва Фаэтона для других планет земной группы...»

* * *

Кирилл не уложился в отведенное время — говорил почти час. Вопреки обыкновению, Бардов не сделал замечания, а продолжал внимательно слушать, поглаживая бороду. Когда доклад был закончен, наступило долгое молчание.

Кирилл обвел взглядом лица присутствующих. В глазах Геворга притаилась ироническая усмешка. Мак кивнул одобрительно, но чуть настороженно — с чем-то, видимо, был несогласен, хотя еще вчера они подробно обсудили все детали проекта. Шефуня отрешенно рассматривал лежащую перед ним на столе свинцовую коробочку. Сергей, низко наклонив голову, что-то записывал. Остальные сидели неподвижно, глядя поверх головы докладчика:

— Американскую версию «космических пришельцев» вы, коллега, напрочь отменяете, — полувопросительно заметил Бардов, продолжая рассматривать коробку с кристаллами.

— Да, — подтвердил Кирилл. — Мы имеем дело со следами здешней цивилизации. Надо разворачивать дальнейшие поиски.

— В вашей любопытной «конструкции» самая шаткая ступенька — попытка объяснить, почему они, — шефуня постучал ногтем по свинцовой коробочке, — утратили... активность.

— Это гипотеза.

— А все остальное, коллега?

— Остальное? — Кирилл пожал плечами. — Судить вам... Для меня существование тут в прошлом высокой цивилизации — факт. Неизвестный нам способ записи и воспроизведения информации тоже факт. Космические полеты аборигенов Марса тоже. И еще многое, о чем говорилось.

— У кого есть вопросы? — спросил шефуня.

— У меня, — поднял голову Сергей. — Способ проходки шахт в ледяной оболочке Марса? Я понял, что шахт должно быть несколько...

— Этих шахт будет много, — возразил Кирилл. — Иного пути нет. Все, что сейчас торчит надо льдом, над слоями песка и щебня, это молодой рельеф, возраст которого измеряется тысячелетиями. Нам необходимо проникнуть в доледниковое время — на десятки миллионов лет в прошлое. Путь один — прорываться сквозь лед, причем в разных точках планеты. Сколько потребуется шахт, я не знаю, но без них задачу не решить. А способ проходки, вероятно, тоже один — прожигать лед направленным лучом энергии.

— Пробуриться сквозь лед не смогли, — заметил кто-то сзади, — а замахиваемся на шахты.

— Это совсем разные вещи, — возразил Кирилл. — Наша буровая установка не приспособлена для бурения льда и не рассчитана на такие глубины.

— Но с шахтой, и тем более с шахтами, будет еще труднее, — буркнул Сергей.

— Конечно. Придется конструировать специальные энергетические установки. Предлагаю кооперироваться с американцами. Они наверняка будут продолжать исследования. Объясним им нашу точку зрения, если вы примете мой проект, и будем вести работы совместно. Одним нам такой объем горных работ, конечно, не провرنуть.

— Еще вопросы? — повторил шефуня.

— Разрешите? — Геворг поднял руку. — Хотелось бы все-таки услышать, как в свете всего сказанного докладчик объясняет появление совершенно одинакового фантома в пещере и на нашем космодроме. Ну и конечно — полное исчезновение этого фантома после того, как Азарий попытался наехать на него вездеходом?

Мак вдруг встрепенулся и резко встряхнул нимбом

рыжих волос, а шефуня с интересом взглянул на Кирилла.

— Мы ждали этого вопроса,— спокойно сказал Кирилл.— Мы с Маком... Поэтому я ничего не упомянул в докладе. Ответь лучше ты, Мак.

— Хорошо,— Мак поднялся.— Тем более что я собирался выступить и признаться... Уважаемые коллеги, в появлении фантома на космодроме виноваты мы с Азарием.

До сих пор я молчал, потому что сам узнал об этом лишь вчера вечером. Обвинение предъявил мне он,— Мак указал пальцем на Кирилла,— улики оказались настолько серьезными, что мне не оставалось ничего иного, как признаться.

При повторном посещении пещеры мы с Азарием взяли оттуда образцы горных пород. Взяли их со стенок пещеры — в том месте, где Азарий видел фантом, и в других местах. Когда мы прилетели из ущелья Копрат на наш космодром, нам показалось, что образцов слишком много. Все они были примерно одинаковые, и мы взяли с собой в вездеход лишь часть, остальное оставили на краю бетонной плиты космодрома. Так как в привезенных нами на базу образцах ничего интересного не оказалось, я и думать перестал о второй половине, которую мы бросили на космодроме. Понимаете? А видимо, там и остался тот, может быть, единственный осколок, который... в котором была запись информации.

— Надо срочно разыскать все, что вы бросили,— воскликнул Геворг.

Мак развел руками:

— Где искать? С тех пор над районом космодрома пронеслось несколько ураганов. Место для космодрома выбиралось так, чтобы его не заносил песок. Первый же ураган унес неведомо куда то, что мы бросили. Мы с Кириллом проверили вчера журнал метеонаблюдений. Фантом на космодроме перестал появляться после первого же урагана.

— М-да. Может, есть желающие выступить еще с каким-нибудь признанием? — поинтересовался Бардов, обводя скептическим взглядом присутствующих.

— Я еще могу признаться, — сказал Кирилл. — Тогда — в последний вечер на американской базе — я видел фантом прямо над столом кают-компаний, когда вы трясли коробку.

— Как это «тряс»? — не понял шефуня.

— Встряхнули несколько раз, отвечая Джиксу, а потом опустили ее в карман комбинезона.

— А ну-ка расскажите, дорогуша.

Кирилл рассказал о полупрозрачных человекоподобных фигурах, которые привиделись ему на последней встрече с американцами.

— А почему тогда не сказал?

— О чем? Я и сейчас не знаю, что это было.

— А ты больше не тряс эту коробку? — нахмурился Бардов. — Последние дни она ведь у тебя была...

— Тряс... По-всякому.

— И что?

— Ничего.

— М-да... Ничего нет сильнее жажды познания и силы сомнения, — заметил со вздохом шефуня. — Главная наша беда в том, что именно эти устремления — основа любой научной деятельности... Также и на чужой планете, где вокруг одни загадки...

Спасибо, Кир, за интересный доклад, за подробно разработанный проект. После небольшого перерыва мы все обсудим и примем окончательное решение, с которым выйдем к американцам.

Прения по докладу оказались ожесточенными и затянулись до ужина... Мак потом сказал Кириллу, что на минувшей марсовке подобных полемик не бывало...

Дважды за этот вечер Кириллу начинало казаться, что от его проекта не останется камня на камне. Особен-

но резко возражали Геворг и Сергей. Геворг утверждал, что проблемы вообще не существует, что ни о каких «следах» палеоцивилизации Марса не может быть и речи, что все дело в человеческой психике, психических заболеваниях, подобных тем, которые случались и на Земле во время полярных зимовок. Здесь — в условиях иной планеты — все проявляется более резко.

— И чем бы ни оказался этот белый минерал, — заключил Геворг, указывая на свинцовую коробочку, — как бы ни был сложен, по утверждению американцев, его состав, он не более, чем минерал — создание природы Марса, а все остальное — производные вот этого костяного ящика, — Геворг постучал себя пальцем по виску, — тут и проблемы, и ключи к их решению. У нас свихнулись четверо, у американцев настоящая эпидемия — им всем привиделся космический корабль. А у кого тут все в порядке — нет ни проблем, ни фантомов. Как у меня, например. И я готов держать любое пари, что до конца марсовки мне ничего не привидится. Ничего такого, что не было бы делом человеческих рук — моих или любого из вас.

Проект всех этих фантазмагорических исследований я предлагаю отклонить и заниматься нашими реальными программами. Изучать атмосферу, строение и состав коры Марса, ну и его оледенение, конечно, поскольку и оно оказалось реальностью. А так называемый «фантом Азария» оставим медикам, благо иных заболеваний тут пока не обнаружилось.

Сергей, поддержав в целом точку зрения Геворга, оперируя цифрами, он утверждал, что проходка шахт сквозь льды Марса задача невыполнимая при нынешнем оснащении советской и американской станций.

— Лет через двадцать-тридцать, сконструировав на Земле соответствующую технику, можно замахнуться на исследования подледных пространств Марса, — сказал

Сергей, опускаясь в кресло,—но, разумеется, ради полезных ископаемых, а не для поиска фантастической палеоцивилизации... Пока и на поверхности планеты дел хватает.

Безоговорочно поддержал проект только Мак, но его выступление показалось Кириллу расплывчатым и бледным после резких возражений Геворга и Сергея. Остальные, оспаривая частности, требовали перенести центр тяжести исследований на поверхность Марса.

Шефуня внимательно слушал выступавших, по его кратким репликам трудно было догадаться, чью сторону он примет.

Кириллу, который несколько раз порывался выступить с разъяснением, он говорить не позволил, заметив только:

— В заключительном слове, дорогуша, скажете... Если понадобится...

Заключительное слово не понадобилось.

Когда поток желающих выступить был исчерпан, Бардов сказал:

— Спасибо... Спасибо всем за искренность, заинтересованность, горячность. Все говорили очень справедливо, в меру своего понимания или непонимания важности проблемы. К сказанному добавить почти нечего. Научная истина скрывается подчас в самых неожиданных местах; к ней пробираешься запутанными и трудными путями. Но она всегда существует. Да... Если завоюешь ее, она тебе уже не изменит... Можно, конечно, отложить поиск, сославшись на обстоятельства, никто нас не осудит за это, кроме нас самих. Однако, думаю, откладывать не следует. Кто несогласен, в разработке проблемы принимать участия не будет. Предлагаю утвердить программу как исходную основу. Дорабатывать ее, конечно, придется, это уже детали. Несогласным могу еще раз предоставить слово. Есть желающие? Нет... Значит, приняла и пошли ужинать.

Сидя в своей кабине за столом, Кирилл глядел на загадочные белые осколки. Несколько раз в день он открывал свинцовую коробку, которая теперь постоянно находилась в его распоряжении, и, склонившись над ее содержимым, пытался настроить себя на контакт с источником неведомой информации.

Кристаллы оставались немы. Мертвая минеральная субстанция, по внешнему виду похожая на земной кварц, не отзывалась... Спектральные и рентгеновские анализы, которые позволила осуществить аппаратура советской станции, подтвердили соображения Джерома Гиббсона о сложности кристаллической структуры и состава осколков. Однако до полной расшифровки их молекулярного строения было бесконечно далеко. В условиях Марса задача оставалась невыполнимой. Мак, занимавшийся рентгеновскими анализами, высказал предположение, что очень тонкая кристаллическая структура загадочной белой субстанции спиральная, что отнюдь не являлось характерным для минеральных образований.

— Что же вы такое, — прошептал Кирилл, — и почему онемели? Если, конечно, именно вы — возмутители здешнего спокойствия.

Ответ не приходил... В этой ситуации любой поиск на местности становился блужданием в полнейшем мраке, а вероятность успеха падала до нуля.

По договоренности с американцами уже можно было бы приступить к проходке первой шахты, но выбор места для нее продолжал вызывать ожесточенные споры.

Тщательные поисковые работы в ущелье Копрат тоже оказались безрезультатными. Не было обнаружено ничего даже отдаленно напоминающего находку американцев. И «миражи» больше не наблюдались.

«Словно захлопнули чуть приоткрывшуюся дверь, — подумал Кирилл, поднимаясь из-за стола. — Или просто

ничего не было?.. Ничего, кроме психических нарушений у части марсовщиков».

Через несколько дней «Ветер времени» достигнет Земли. Станет известно о судьбе пострадавших. Удалось ли довести живым Энрике Кэнби? Что с Азарием и остальными?.. У американцев, если верить тому, что сказал, при последней встрече Морстон, состояние наблюдавших фантомы улучшается.

«Я тоже видел их в кают-компании американской базы,— размышлял Кирилл.— Со мной ничего пока не случилось. Остальные тогда ничего не видели... А если то была галлюцинация?»

Кирилл со вздохом закрыл свинцовую коробочку и убрал в ящик стола.

Загадочное здешнее «поле», существование которого предположил Мак и которое Кирилл мысленно окрестил «палеоинформационным полем», никак не реагировало на сигналы человеческого мозга. Белые осколки, если они имели отношение к этому «полю», на роль усилителей или передатчиков мыслей, видимо, не годились. Может, требовался более мощный раздражитель?

«Какой? Магнитный, электрический, рентгеновский? Еще раз испробовать Солнце? Оно теперь не поднимается высоко над горизонтом. А если попробовать севернее — там, где сейчас марсианское лето?» — с этой мыслью Кирилл вышел из кабины и направился к Бардову.

* * *

Полет в северное полушарие Марса — в марсианское лето — и попытки активизировать белые кристаллы при свете высокостоящего Солнца ничего не дали. Фантомы не возникали. И последующие облучения ультрафиолетом не вызывали свечения кристаллов.

— Словно они изменили свойства, — сказал Мак.

— Либо не обладали ими! — усмехнулся Геворг.

— Но свечение в ультрафиолете, кажется, наблюда-

лось, когда мы были у американцев,— возразил Кирилл.

Шефуня ничего не сказал, задумчиво покусывая кончик своей пышной бороды.

На север они полетели вчетвером. За три дня сменили несколько точек наблюдения с одинаково отрицательными результатами. При перелетах вели площадное фотографирование, гравиметрическую и магнитную съемки.

На местах посадок Мак занимался исследованиями рельефа и горных пород, Геворг — состоянием атмосферы. Кирилл все внимание посвящал кристаллам, которые, вопреки его тайным надеждам, не обретали прежних свойств.

Ночевали в тесноте герметизированной кабины реактивного самолета, кресла которой на ночь превращались в кровати. Перед тем, как заснуть, Кирилл и Мак подолгу говорили о «памяти минувшего», запечатленной в руинах старых цивилизаций, о возможном источнике загадочных белых кристаллов, их былом предназначении и роли в передаче информации. Геворг время от времени вставлял ядовито-иронические реплики. Шефуня почти не участвовал в этих вечерних дискуссиях. Он без всякого энтузиазма принял предложение Кирилла организовать экспедицию на север, объявив только, что вынужден лететь и сам, дабы притормаживать «нездоровый ажиотаж». Оставив за собой роль главного пилота, он занимался самолетом и связью с Базой. Он регулярно несколько раз в день вызывал «Марс-1», подробно допрашивал дежурного о текущих делах и каждый раз интересовался, не поступало ли известий с Земли о прибытии «Ветра времени».

В последний вечер перед возвращением на Базу дискуссия особенно затянулась.

— Я не знаю, долго ли живет в умершем, разрушенном городе его бывшая «душа» — «информационное поле», заключающее память об исчезнувших разумных обитателях,— говорил Кирилл.— Но я убежден, такое «поле» реально существует. Иное дело, что воспринимает его

не каждый. Тут мы попадаем в область еще не раскрытых до конца возможностей человеческого мозга. Большинство психиатров нашей эпохи уже не сомневаются, что человеческий мозг с его исполинской емкостью хранит огромную информацию, связанную с опытом и памятью многих поколений предков. Случаи извлечения подобной информации известны. С другой стороны, некоторые экстрасенсы способны «заглядывать в будущее», предсказывать события еще до того, как они свершились...

— Ну в этом случае «информационное поле» ни при чем,— перебил Мак.

— Именно оно, будучи возбуждено суммарной энергией миллиардов нервных клеток, миллиардов разумных существ, миллионы лет обитающих на планете, представляется единственно возможным «механизмом» — своего рода гигантским счетно-решающим «устройством» с неограниченным количеством связей и вариантов решений — я использую примитивную физическую аналогию специально для Геворга — «устройством», позволяющим понять и объяснить случаи предсказания будущего. Когда соответствующий сигнал этого поля принимает мозг экстрасенса...

— Все становится ясным на тысячу лет вперед,— пробормотал, не раскрывая глаз, Геворг.

— Бывало и такое,— согласился Кирилл,— например, известно предсказание Мерлина...

— Вот-вот,— продолжал Геворг, по-прежнему не раскрывая глаз,— наши неудачи объясняются именно отсутствием среди нас Мерлина или хотя бы захудалого среднестатистического экстрасенса, который объяснил бы нам, что искать, где искать и зачем искать. Дорогие коллеги, не свернули ли мы на скользкую тропу схоластики? Не помню кто — в общем, один из наших далеких предков — в свое время бросил крылатые слова «*Ex nihilo nihil fit*» *... Не разумнее ли было бы сначала най-

* *Ex nihilo nihil fit* (лат.) — из ничего ничего (не получится).

ти хоть какие-нибудь захудалые следы здешней гипотетической «працивилизации»...

— А это что, по-твоему? — спросил Кирилл, указывая на свинцовую коробку, лежащую на столике у окна кабины.

Геворг раскрыл глаза:

— Это... Некое вещество, состав которого мы еще не определили. Скорее всего неизвестный науке местный минерал. Я, впрочем, по-прежнему не исключаю и веселой шутки наших американских друзей-конкурентов. Знаете, какой был день на Земле, когда Джикс рассказал нам об этих кристаллах и впервые их показал?

Геворг сделал многозначительную паузу.

— Ну какой? — подозрительно прогудел шефуня.

— Первое апреля.

— Ничего себе! — воскликнул Мак.

— Все равно, чепуха! — убежденно объявил Бардов. — Знаю, коллега, вы их не любите. Это дело вкуса. Но даже дурной вкус не оправдывает подобной версии.

— Что ж, будущее покажет, — миролюбиво заметил Геворг, закрывая голову пледом.

«Он ёрничает; всерьез он так не считает», — подумал Кирилл.

— Думаю, дорогой, моя версия ничуть не более фантастична, чем твоя, — донеслось из-под пледа. — Доброй ночи всем несогласным.

Мак беспокойно шевельнулся в своем кресле:

— Возвращаясь, однако, к природе «информационного поля», Кир, какова она, по-твоему? В свете всего, что нам уже известно.

— А мы и сейчас знаем не больше, чем тогда, когда ты впервые упомянул о нем... Возникновение «фантома Азария», по-видимому, связано с этим полем. Твое предположение продолжает оставаться гениальным... Почему фантомы перестали появляться? Либо поле вдруг ослабело, либо... его «выключили». Ослабеть вдруг оно едва ли могло, если допускаем, что оно существует десятки

миллионов лет. Следовательно, оно отключается... Если так, наша первая задача искать «выключатель». Мы этим и занимаемся. Что касается возможной природы самого поля, думаю, оно подобно одному из полей, создаваемых мозгом. Полей этих несколько, но в человеческом мозге они чрезвычайно слабы и очень плохо изучены даже в условиях Земли.

— Значит, все-таки биополе?

— Биополе — понятие обобщенное. Им пользовались в прошлом веке, тогда эта часть биологии только начала развиваться. Поля, которые я имел в виду — элементы биополя, подобно тому, как в полях микромира они, — Кирилл указал на Геворга, — выделяют разные типы взаимодействий: сильные, слабые и иные...

— Взаимодействия в микромире подтверждаются экспериментами и расчетами, дорогой, — слышалось из-под пледа.

— Для биополей тоже, — кивнул Кирилл, — хотя тут математическое моделирование и эксперименты пока менее надежны, чем у физиков. Впрочем, в сложной структуре биополей ныне никто не сомневается.

Борода Геворга высунулась из-под пледа:

— Все это похоже на труднопробиваемый мыльный пузырь, коллеги... Сама идея «информационного поля», порождаемого биотоками мозга, может быть, и заманчива, но ведь это голая идея без какого-либо подтверждения. Мог бы экспромтом предложить вам не менее десятка красивых, заманчивых, но тем не менее совершенно фантастических идей... Поля, вызываемые биотоками мозга, не могут существовать после того, как мозг умирает...

— А ведь это, пожалуй, тоже требует доказательств, — заметил Мак.

— Безусловно, — согласился Кирилл, — хотя бы потому, что никто не утверждает, будто природа «информационного поля» обязательно электромагнитная. Мы не знаем, какова его природа. Но мы не знаем и физической

природы гравитационного поля, тем не менее ты, Геворг, его не отвергаешь.

— Совершенно другое дело!

— Послушай, Геворг, тебе приходилось бывать в старых соборах, очень старых,— Кирилл вдруг перешел на шепот,— которым восемьсот, даже тысяча и более лет.

— Ну, приходилось...

— Скажи, ты ничего не чувствовал, если оставался там некоторое время один? Ничего необычного?

— Нет... А что я должен был чувствовать? Музей, как любой другой... Интересно, конечно...

— Я не о том. Музей теперь... Раньше, даже в прошлом веке, туда приходили молиться... Сотни лет люди приходили со своими неисполненными желаниями, мечтами, мольбами, тоской, страстями, скорбью. Представляешь, какой накал эмоций! Какое там должно было возникать биополе! Я, например, иногда ощущал его физически; волны информации шли от камня стен, мрамора статуй, гранита саркофагов, от бронзы старинных светильников и паникадил, от картин-икон... Временами мне даже начинало казаться, что вижу этих людей, слышу их мольбы... Это трудно пересказывать словами; я воспринимал это не слухом и не зрением, а как-то иначе... Может быть, здесь на Марсе мы столкнулись с чем-то подобным, только выражено все гораздо мощнее, резче, острее?

Плотно сжав губы, Геворг скептически слушал Кирилла. Помолчав немного, сказал:

— Вот так... Теперь понятно, откуда взялись полупрозрачные фигуры, плавающие по кают-компаниям американской базы. Нет, друзья мои, мы реальны только биологически, психологически мы совершенно фантастичны, а некоторые из нас фантастичны в степени эн, стремящейся к бесконечности. В этой непростой ситуации уповать остается лишь на содержимое собственного черепа. Уважаемые коллеги, клянусь сбрить и проглотить собственную бороду, если мне привидится или услышится

на этой малоуютной планете что-нибудь, что не будет производным здешней природы или человеческих рук...

— Ты сможешь это сделать завтра, Геворг,— быстро сказал Мак,— а сейчас смотрите.

Резкий ало-фиолетовый свет проникал снаружи через иллюминаторы. Бардов выключил освещение кабины. Небо на востоке было озарено яркой вспышкой. Черные ступени края плато четко рисовались на фоне неба, цвет которого быстро менялся от красного через оранжевый и желтый к голубовато-зеленому. Потом из-за горизонта возник и устремился к зениту острый белый луч. Он прорезал черноту неба и, постепенно бледнея, погас где-то в вышине. Погасло и зарево у горизонта.

Некоторое время все четверо всматривались во мрак и прислушивались.

— Конец,— сказал шефуня, включая освещение,— ни звука, ни сотрясения. Только свет. Все хорошо видели? Ну, что это было, по-вашему?

— Что-то очень странное...

— Ночной фантом?

— Ионосферная вспышка...

Шефуня негромко рассмеялся.

— Смелее, ребята. Почему никто не хочет сказать, что мы видели старт космолета-призрака?

* * *

Утром перед возвращением на Базу решили еще раз облететь район восточнее места ночлега.

— Если условно допустить, что мы наблюдали старт реального космического корабля,— сказал Бардов,— на каком расстоянии отсюда должен был бы находиться космодром?

— Километров тридцать-сорок,— предположил Кирилл.

Мак с сомнением покачал головой.

— Могло быть и гораздо больше. Это ведь Марс... Километров сто — сто пятьдесят?

— Гадание на кофейной гуще, — скривился Геворг. — Ничего точно сказать нельзя.

— А как твоя борода? — поинтересовался Мак.

— Моя борода останется при мне. Наблюдалась необычная ионосферная вспышка. Нечто подобное уже описано в отчете третьей марсовки.

— Описано точно, — пробасил шефуня. — А вот что, другой вопрос... Предлагаю осмотреть район километров на триста к востоку. Полетим не очень высоко, программа обычная.

— Зачем так далеко? — недовольно спросил Геворг. — Там все давно осмотрено и сфотографировано.

— Посмотрим еще разок, дорогуша. Вдруг объявится что-нибудь новое.

— Космодром?

— Когда ларчик открывается просто, скорее всего в ларчике ничего нет, — загадочно пояснил Бардов. — Прошу по местам. Поехали.

Они несколько часов летали над красноватыми плато и равнинами, испещренными оспинами небольших кратеров. Бардов менял высоту — то поднимал самолет на шесть-семь километров, то спускался на полтора-два. За иллюминаторами проплывали пустынные ландшафты Красной планеты, уже ставшие привычными для Кирилла за месяцы, проведенные на Марсе. Плоские красноватые котловины в ряби песчаных барханов, сухие русла исчезнувших потоков, бурые уступы плато со шлейфами кирпично-красных осыпей вдоль подножия. Местами красноватая поверхность была рассечена трещинами. На глубине в них угадывался лед.

«Мак, конечно, прав, — думал Кирилл, — все эти равнины — замерзший океан, промороженный до самого дна и засыпанный сверху песком и щебенкой. Бурые плато — остатки островов, разрушаемых морозным выветриванием и ураганами. Сейчас они торчат сквозь лед, как нуна-

таки* Антарктиды и Гренландии. То, что горы и скалистые плато тут, на Марсе, еще существуют,— свидетельство тектонической активности в недрах планеты. Рост гор продолжается, иначе вся поверхность планеты давно была бы выровнена; всюду был бы лишь лед да песок и щебень, оставшиеся от разрушенных гор. Марс намного старше Земли. Эти красноватые пустыни на ледяном основании — будущее и нашей планеты, если, конечно, сама наша цивилизация не уничтожит Землю раньше... — Кирилл тяжело вздохнул, не отрывая взгляда от пустынного ландшафта за иллюминатором. — Уровень океанов Земли медленно, но неуклонно повышается. Главная причина — приток на поверхность глубинных вод из мантии. Это установлено еще в прошлом веке, и уже в прошлом веке кое-кто из геологов предсказывал, что рано или поздно земные континенты утонут в водах Мирового океана. В нынешнем столетии повышение уровня океана ускорилось. К внутренним планетарным причинам добавилась внешняя — климатические изменения, вызванные технологическим перегревом атмосферы. Льды полярных областей начали таять... Мы замахнулись на исследования соседних планет, а не можем справиться с ухудшением условий на своей собственной... Если нечто подобное происходило и здесь, на Марсе, — их цивилизация, прежде чем попасть в оковы оледенения, должна была сначала утонуть... Вполне вероятно, если они перегрели атмосферу и растопили полярные льды! Значит, еще до того, как часть их решила покинуть планету, например, чтобы переселиться на Землю, они вынуждены были создавать подводные города в прибрежных зонах океана, уровень которого неуклонно повышался... Значит, искать следы их цивилизации надо в зонах мелководий — марсианских шельфов минувших эпох. В этом случае шахты не должны быть глубокими. Только бы не ошибиться в выборе места. Мак мог бы помочь...»

* Нунатаки (эским.) — скальные выступы основания, поднимающиеся над покровными льдами в районах оледенения.

Кирилл вдруг почувствовал — плавное течение мысли прерывается. Что-то мешало, путало... Зарябило в глазах... И вот уже на месте красноватой равнины под крылом самолета поплыли кварталы удивительного города — вереницы стройных сооружений цилиндрической и куполообразной формы, напоминающих соты, отсвечивающих бесчисленными полупрозрачными гранями, похожими на окна. Что-то двигалось внизу встречными потоками, искрилось и блестело в солнечных лучах...

Мелькнула мысль: «Видят ли остальные?» Кирилл заставил себя на мгновение отвести взгляд от призрачного города, быстро взглянул на соседей. Мак равнодушно смотрел в иллюминатор. Рассеянный взгляд Геворга блуждал где-то у далекого северного горизонта. Бардов уверенно вел самолет на восток. Машина казалась неподвижно висящей в пространстве. Кирилл торопливо перевел взгляд в иллюминатор — фантом уже исчез.

* * *

— Это было именно здесь,— твердил Кирилл.— Километров двадцать к югу от того полосчатого обрыва.

— Надо было сразу говорить,— возмущенно повторял Мак.

— Что изменилось бы? Это продолжалось всего несколько секунд.

— Ночью тоже продолжалось несколько секунд.

— Но тогда сразу увидели все.

— Потому что я успел привлечь ваше внимание.

— Заметили бы и без этого. Свет ударил в иллюминаторы. Нет, сегодня совсем иное. Вы просто ничего не увидели бы. Только я...

Самолет продолжал описывать круги над районом, в котором Кириллу открылся призрачный город.

— Ну как, хватит? — слышался в динамике голос шефуня.— Не вижу ничего, кроме пустыни.

— Хватит,— отозвался за всех Геворг.— Надо воз-

вращаться. Солнце уже низко. Можем не успеть до темноты.

— Еще хотя бы круг,— попросил Кирилл.

Бардов сделал два круга на разной высоте и повернул на юг в сторону Базы.

Небольшое красноватое солнце светило теперь прямо в иллюминаторы правого борта. Кирилл пересел к одному из правых иллюминаторов, открыл свинцовую коробку, повернул ее, чтобы прямой солнечный свет коснулся белых осколков, и стал смотреть в иллюминатор. Солнце опускалось все ниже; на пустой красноватой равнине удлинялись лилово-черные тени.

С последними лучами солнца они сели на Базе. Закрывая свинцовую коробку, Кирилл услышал за спиной иронический смех Геворга.

* * *

— Известия с Земли,— объявил на следующее утро Бардов.— «Ветер времени» долетел благополучно. Энрике Кэнби, к сожалению, скончался. Азария довели живым, но его состояние по-прежнему тяжелое. Все участники перелета помещены в длительный карантин. Нам предложено соблюдать предельную осторожность и впредь, до получения результатов исследований, запрещено вести работы в каньоне Копрат, в районе нашего космодрома и повсюду, где возникают или могут возникнуть фантомы.

— Не проще ли вообще запретить нам работать где-либо? — не выдержал Мак.— Сидите на Базе, и конец. Совсем просто!

— С земной точки зрения и с учетом всего, что мы им сообщили, они поступают правильно,— спокойно возразил шефуня.— Отсюда дело выглядит несколько иначе... Я переговорю сегодня с Джиксом, попрошу его сообщить на Землю все их данные, а завтра попробую связаться с президентом академии. Однако приказ есть

приказ. Поэтому, коллега Кир, прошу вас возвратить мне коробку с американским подарком. Думаю, не надо пояснять, что вы возвращаете все — вплоть до мельчайшей крупинки. Впредь до новых указаний с Земли коробка будет храниться в моем сейфе.

— Но об этом веществе на Земле еще ничего не известно, — нерешительно возразил Кирилл, — может быть...

— Ничего другого не может быть, дорогуша, — холодно прервал Бардов. — Пожалуйста, принесите коробку немедленно.

— Вопрос с шахтами тоже замораживается? — спросил Сергей.

— Почему? — удивился шэфуня. — Разве шахты имеют отношение к фантомам? Мы будем их проходить совершенно в иных местах. Об этом сегодня тоже договорюсь с Джиксом. Первую шахту заложим в ближайшее время. Так что заканчивайте подготовку аппаратуры.

* * *

Первую шахту заложили примерно на равных расстояниях от советской и американской станций. Решено было вести проходку вахтовым способом, устроив для этого временный лагерь. Вахты сменялись каждые трое суток. Вахта — четверо: двое русских, двое американцев. Шахту задали наклонной, под углом около тридцати градусов к горизонту, для удобства подъема и спуска энергетических агрегатов, которыми осуществлялась проходка.

Агрегатов было два, оба термоядерные. Американцы использовали стандартный блок своей электростанции, которая снабжала теплом и энергией их базу. При работе американский агрегат давал мощную струю перегретого пара. Лед, сквозь который велась проходка, испарялся, а избыточное давление, возникавшее у забоя, выносило весь пар вместе с минеральными частицами,

освобождавшимися при испарении льда, наружу — в разреженную атмосферу планеты.

Сердцем советского агрегата тоже был стандартный термоядерный блок энергетической установки. Однако Сергей перемонтировал его, используя для проходки сам плазменный луч. Лед и заключенные в нем минеральные обломки не просто испарялись, а распадались на составляющие элементы, которые в виде плазменной струи выносились наружу.

При работе американского агрегата устье шахты напоминало гейзер в момент извержения, а когда на смену американской Сергей включал свою установку, оно превращалось в небольшой вулкан. Естественно, что обе установки управлялись дистанционно. Они обеспечивали проходку со скоростью до десяти метров в сутки и обладали каждая своими достоинствами и недостатками. Скорость проходки у американской установки была немного меньше, но во время ее работы можно было следить за составом минеральных обломков, включенных в лед. Они выносились на поверхность в струе пара почти неизмененными. При работе советской установки скорость проходки возрастала, но минеральные частицы полностью уничтожались.

Несмотря на то, что при включении обе установки работали прерывисто, краткие энергетические импульсы чередовались с охлаждающими продувами ствола — тепловое воздействие на ледяные стены шахты было значительным. Ствол постепенно расширялся, а в устьевой части вскоре превратился в воронку, обращенную раструбом к поверхности. Это обстоятельство затрудняло подъемы и спуски оборудования и людей. А людям приходилось спускаться в шахту ежедневно для документации пройденных отрезков ствола, взятия проб льда и минеральных включений, профилактического осмотра энергетических установок, кабелей, канатов. Вахты обычно работали в две смены: одна осуществляла проходку, другая, после четырехчасового перерыва, спуска-

лась вниз для документации и осмотра оборудования.

Очередь Кирилла в первый раз подошла, когда забой шахты находился на глубине восьмидесяти метров от поверхности. Вахту вместе с Кириллом нес Сергей, подменявший одного из марсовщиков, занятого срочным ремонтом геофизических приборов на главной Базе. С американской стороны участниками этой вахты оказались доктор Фред Лесли и темнокожий Гибби.

Они встретились возле устья шахты, где американцы, прилетевшие часом раньше, ждали своих соотечественников.

— Мы уже приняли вахту,— объявил Кирилл, поздоровавшись с американцами,— наши сейчас улетают.

— Мы еще нет,— тряхнул головой Лесли,— наши там, внизу.

Он указал на отверстие шахты. Его дымчатые очки зеркально блестели под прозрачным яйцевидным шлемом.

— Спустились снова? — удивленно спросил Кирилл.

— Понятия не имею. Мы их еще не видели.

Небольшой самолет с красными звездами на голубом корпусе взлетел из-за расположенных недалеко полусферических построек лагеря. Сделав круг над шахтой, он прощально качнул крыльями и взял курс на восток.

Кирилл помахал рукой ему вслед.

— Нашим тоже следует поторопиться,— заметил Фред,— по пути сюда мы пересекли зону урагана. Она явно расширялась.

— Думаете, дойдет и к нам? — встревоженно спросил Сергей.

— Нет, но может накрыть нашу станцию. Ветер дул к юго-западу.

— Мы здесь под защитой плато.— Кирилл указал на север.— Сильные ураганы, вероятно, обходят стороной это место. Не случайно тут совсем немного песка и щебня. Лед залегает близко от поверхности.

Все взглянули на противоположный край воронкообразного устья шахты, где под трехметровым слоем кир-

пично-красного щебня лед голубел и искрился в неярких лучах утреннего солнца.

— Наш геофизический прогноз оказался точным,— усмехнулся Фред Лесли.— Три метра наносов, затем лед... Пока все о'кэй!

— Надо было все-таки пробурить контрольную скважину,— пробормотал Сергей,— потом начинать шахту.

— Все будет о'кэй, коллега,— снова усмехнулся Лесли, похлопав Сергея по голубому наплечнику скафандра.— Вот увидите — двести двадцать — двести тридцать метров льда, под ним скальное основание — древний рельеф Марса. Шахта это сразу масса информации. По древнему рельефу от нее можно повести боковые рассечки. Можем встретить малоизмененные породы.

— Ему нужно не просто скальное основание.— Сергей повернул голову в прозрачном шлеме и взглянул на Кирилла.

— Я знаю, да, я знаю,— сказал Лесли,— коллега Кирилл хотел бы сразу найти свою пращивилизацию. Этого не могу обещать.— Он рассмеялся.— Боюсь, одной шахты окажется мало.

— Безусловно, мало,— согласился Кирилл,— но одной мы не ограничимся. Кроме того, здесь мы можем встретить дно моря — древний марсианский шельф.

Придерживаясь за один из канатов, уходящих на глубину, снизу медленно поднимались две фигуры в звездно-полосатых скафандрах.

— Эти пешие прогулки вниз и вверх — сомнительное удовольствие,— заявил Морстон, выбираясь на поверхность,— даже при здешней силе тяжести. То ли еще будет, когда шахта углубится. Надо что-то придумать, Фред! Займитесь-ка в свободное от вахты время. Я рад, что на этот раз все кончилось. Мы с ним устали.— Он обернулся к своему напарнику, шлем которого вынырнул из шахты.

Кирилл протянул руку, чтобы помочь американцу выйти на поверхность, и узнал Джерри Гиббсона.

— Вы? — воскликнул Кирилл. — Здесь? Значит, все хорошо? Поправились?

— Почти, — вымученно усмехнулся Джерри, — во всяком случае мне много лучше. Благодарю вас.

— Да, у нас уже нет больных, — процедил Морстон. — С фантомной лихорадкой покончено.

— А что там внизу? — спросил Сергей. — Есть что-нибудь новое?

Морстон раздраженно дернул головой:

— Нет... Лед, как и вчера и неделю назад. Такой же, как тут, наверху.

— Почти без минеральных включений, — добавил со вздохом Джерри Гиббсон. — Я сейчас взял пробы в забое. Они тут. — Он похлопал по наружному футляру на своем скафандре. — В вахтенном журнале все записано...

— Агрегаты в рабочем состоянии? — поинтересовался Сергей.

— Оба агрегата в полной готовности, коллега, — тихо сказал Джерри Гиббсон. — Можно начинать любым. Однако взял бы на себя смелость посоветовать работать вашим. На достигнутой глубине наш уже не создает нужного давления. Шахта не успевает проветриваться от перегретого пара. Ледяные стены кое-где начали плавиться, образуются большие каверны, ледяные сталактиты. Все это осложнило подъемы и спуски...

— Нам надо торопиться, Джером, — прервал Морстон. — Фред видел зону урагана. Мы можем не успеть...

— Конечно, отправляйтесь, — махнул рукой Лесли. — Сами разберемся. Мы все тут не первый раз.

«Кроме меня», — подумал Кирилл.

* * *

Перед пуском агрегатов Кирилл и Фред Лесли спустились в забой шахты. Пока Лесли проверял аппаратуру, Кирилл внимательно осмотрел нижний участок ствола, пройденный за последнюю смену. Зеркально блестели

ледяные стены, отражая свет фонарей, укрепленных на шлемах скафандров.

Внизу у забоя ствол был идеальным, словно его прорезал острый нож в мягком податливом материале. Выше в ледяных стенах темнели каверны и углубления. Больше их было в кровле над головой, но и поверхность, по которой пришлось спускаться к забою, изобиловала неровностями и впадинами.

Лесли, закончив проверку, подошел к Кириллу.

— Джером, конечно, прав,— сказал он,— проходку придется вести вашим агрегатом. А этот,— он толкнул ногой второй аппарат,— поднимем наверх и будем думать, что с ним делать.

— Переремонтировать на плазменный режим, как у нашего? — Кирилл вопросительно взглянул на Лесли.

— Едва ли получится. Во всяком случае, тут в вахтовом лагере это исключено.

— Надо посоветоваться с Сергеем. Он у нас главный энергетик.

— Однако не волшебник,— усмехнулся Лесли.— Поехали наверх?

— Подождите, Фред... Я хотел спросить... Фантомы в ваших краях... больше не появлялись?

— Нет... А у вас?

— В окрестностях главной Базы тоже нет.

— Ну а подальше?

— Не знаю... Однажды наблюдали странные ночные вспышки.— Кирилл кратко рассказал о событиях последней ночи во время экспедиции на север.

— Я слышал о подобных явлениях на Марсе,— задумчиво сказал Лесли,— да, они отмечались предыдущими сменами. Кажется, в нашу никто ничего такого не видел. Профессор Джикс считает их разновидностью полярных сияний. Правда, наблюдались они в средних широтах...

— Может быть, мы говорим о разных вещах, Фред?

— Ну, не думаю. Речь шла о фиолетовом сиянии

и ярких лучах к зениту. Иногда лучей было несколько.

— Ваши их не фотографировали?

— Не слышал о таких фотографиях. Вернусь, спрошу у Джикса и, если хотите, сообщу.

— Благодарю. Меня это интересует... По-моему, то, что мы видели, непохоже на полярное сияние.

— Здесь они очень разнообразны. Полгода назад — пол марсианского года, конечно, — мне довелось быть в районе южного полюса. Я видел там поразительные сияния. На Земле таких не бывает. Но то были именно полярные сияния; ни у кого не возникало сомнений. А что, по-вашему, наблюдали вы?

— Не знаю... Я ведь еще не видел здешних полярных сияний...

Фред Лесли решил сменить тему.

— Проблема подъема отсюда — пустяк. Я уже придумал. Подвижный канат от барабана наверху. Мы к нему подцепляемся специальными карабинами. Подцепились — едем. Отцепились — стоим на месте. Я родился в Сан-Франциско. У нас до сих пор существуют «канатные трамваи» для туристов. Остались от начала прошлого века. Только там канат под рельсами, а тут мы его протянем вдоль стены шахты.

— Он сгорит при работе агрегатов.

— Почему? Энергетические разряды очень кратковременны, нацелены только на забой. Тотчас охлаждение и продувка. В шахте ничего не горит, хотя при работе вашего агрегата она извергает пламя. Все дело в продолжительности рабочего цикла, коллега. Это тысячные доли секунды. Даже ледяные стены не успевают таять. Если бы не динамика плазменной струи, в шахте можно было бы находиться людям, в соответствующих скафандрах, конечно.

— Я еще не видел их в работе.— Кирилл указал на агрегаты.

— Сегодня увидите.— Лесли усмехнулся.— Довольно

красиво, если смотреть издали. Кстати, канаты и кабели, ведущие к этим агрегатам, тоже не горят.

— Хотел вас еще спросить,— Кирилл сделал долгую паузу,— Джером Гиббсон — он действительно совсем поправился?

— Ну, не знаю... Вероятно...— Лесли нахмурился.— У нас здешние вахты несут добровольцы. Но... оплата десятикратная по сравнению с тем, что каждый имеет на базе. Морстон, например, тут в четвертый раз. Я — третий. А Джером — впервые.

— Вероятно, Джерому не следовало рисковать. Едва ли он полностью оправился после болезни. Выглядит он плохо.

— Устал... Здесь нелегко. Вы убедитесь сами. Эти три дня... — Лесли не кончил и отвернулся.

— Рискуешь тут везде,— продолжал он после короткого молчания,— но в таких местах, как это, особенно... Вот вы спросили о фантомах. Да разве в них дело! Разве в них главная опасность? Даже если они действительно возникают, а не придуманы нами же... На этой планете печать проклятия... Почему тут не возникла жизнь? А если возникла, почему погибла? Тут был кислород, была вода, масса воды... Днем в экваториальной зоне температуры и сейчас плюсовые. Здесь и на Земле светит одно Солнце. Так в чем дело? На Земле я никогда не думал об этом. Только тут и особенно в этой проклятой шахте... Человеку здесь приходят в голову странные вещи... Это не от избытка свободного времени. Словно нашептывает кто-то... Кто-то, к кому приближаешься, спускаясь сюда. Печать проклятия возложена на эти пустыни, этот лед... Иногда мне кажется, мы готовы сорвать ее, и мне становится страшно. А вы, вы тут ничего не почувствуете?

— Нет,— Кирилл отрицательно потрянул головой, испытующе вглядываясь в лицо Лесли. Глаз его за дымчатыми стеклами очков он разглядеть не мог, но поддер-

гивания углов рта свидетельствовали, что американец на пределе нервного напряжения.

— То, что вы говорите, Фред, очень интересно,— возможно спокойнее и мягче сказал Кирилл,— мы обязательно вернемся к этой теме. Но пора подниматься и приступать к работе.— Он указал наверх.

— Да-да, конечно,— кивнул Лесли,— давно пора. Идите вперед. Я за вами.

Поднимаясь, Кирилл слышал в наушниках шлема прерывистое дыхание Лесли. Иногда доносилось бормотание. Похоже было, что американец разговаривает сам с собой. Кирилл различал обрывки некоторых фраз: «Энрике понял первый»... «Машина могла ошибиться»...

В десятке метров от устья Кирилл вдруг услышал голос Сергея:

— Ну где вы там, почему молчите?

Он приготовился ответить, но его опередил Лесли:

— Поднимаемся, уже у выхода.

Тон его голоса показался Кириллу ненатурально бодрым.

— Почему не отвечали?

— Не слышали,— сказал Кирилл.— Давно вызываешь?

— Давно. И не видел света ваших фонарей.

— У этой шахты свои особенности,— снова включился Лесли,— поглощает и свет, и радиоволны, и действует людям на нервы. Правда, не всем,— и он добавил тихо, вероятно, чтобы не расслышали на поверхности,— вы забудьте, Кирилл, что я болтал там внизу. Все сущий вздор...

Он остановился и оглянулся. Кирилл тоже оглянулся. Позади был густой, казалось, осязаемо плотный мрак. Свет фонарей почти не проникал в него.

— Когда мы спускались, было иначе,— неуверенно заметил Кирилл.

Лесли усмехнулся:

— Так же, коллега. Мы светили себе под ноги...
Странное место, правда?

* * *

Первые два дня вахты прошли без происшествий. Ствол удалось углубить еще на двадцать метров. Работали только одним агрегатом. Второй — американский — еще до первой проходки вытянули наверх с помощью электрической лебедки. На рассвете третьего дня вниз спустились Сергей и Гибби. Они должны были взять пробы льда из забоя и закрепить внизу блок подвижного каната, с помощью которого Фред собирался осуществлять спуск и подъем людей.

Маленькое красноватое солнце только чуть прорезалось в багровой мгле над восточным горизонтом, когда Кирилл, закончивший утреннюю уборку в жилом помещении, подходил к устью скважины. Фред возился у подъемного механизма, к которому уже был подсоединен барабан подвижного каната.

Заметив Кирилла, Лесли помахал рукавицей.

Кирилл подошел.

— Сейчас они там отрегулируют нижний блок, и можно кататься, — сказал Фред. — Вот карабины для сцепления с канатом. Браслет карабина крепился на рукавице скафандра. Хотите попробовать?

— Да. — Кирилл взял один из карабинов, защелкнул браслет. — Но... как действовать ногами?

— Ноги должны скользить по льду. Положение ступней, как на лыжах. Можно даже приспособить что-нибудь вроде коротких лыж или саней. Ну а вообще эта штука главным образом для подъема. Спускаться можно по-старому — пешком. Не следует ускорять спуск...

Кирилл подошел к самому устью шахты. Мрак начался в нескольких метрах от поверхности.

— Почему все-таки не видно света фонарей внизу? — размышлял вслух Кирилл. — Видно же от забоя небо...

— Ну, это совсем просто,— отозвался Фред,— шахта искривлена в средней части. Небо видно снизу не ото всюду, только от северного края забоя.

— Не подумал,— воскликнул Кирилл.— Вы, конечно, правы.

— Еще бы... Но я прав и в другом. Лед в шахте действительно поглощает свет. А вот почему, никто не знает...

Резко дрогнули обе ветви каната, уходящие во мрак шахты.

— Укрепили нижний блок,— заметил Фред,— минут через пять включу двигатель.

Рывок повторился, еще более сильный.

— Это, конечно, Гибби; не может не показать силу, медь...

Лесли прервался на полуслове, потому что по ветвям каната побежали волны все усиливающихся сотрясений.

— Что они там, спятили,— закричал Лесли,— сорвут канат с барабана.

— Вероятно, сигнал тревоги,— быстро сказал Кирилл.— Может быть, просят помощи? Включайте, Фред.

Дождавшись, когда колебания каната немного утихли, Лесли повернул рукоять включения. Ветви каната медленно потекли в разные стороны: нижняя из шахты, верхняя — вниз, во мрак.

— У них там есть карабины для захвата каната? — спросил Кирилл.

Лесли отрицательно качнул головой в прозрачном шлеме.

— Может, пойти им навстречу?

— Нет.

— А ускорить движение каната?

— Не надо...

Прошло несколько томительных минут. Блестящие нити каната продолжали струиться навстречу друг другу. Рывков больше не было.

— Что там могло произойти? — не выдержал Кирилл.

Лесли не ответил. Потом, отступив от края шахты, спокойно сказал:

— Возвращаются.

Кирилл напряг зрение. В черном провале чуть искрилась светлая точка. Она медленно поднималась. Кирилл напряженно вглядывался в темноту.

— Свет только один, Фред,— крикнул он наконец,— другого не вижу.

— Нет... По обтяжению каната их двое.

Из тьмы проступал непонятный грибообразный контур. Сдавленный возглас Кирилла заставил Лесли обернуться. Над краем шахты медленно вырастала согбенная фигура в звездно-полосатом скафандре. Левая рука Гибби сжимала канат, правой он придерживал на плечах неподвижное тело Сергея. Оказавшись на поверхности, Гибби не оторвал руки от каната, и ноги его поволоклись по щебнистой бурой поверхности. Он что-то бормотал, но слов разобрать было нельзя. Лесли отключил двигатель. Канат остановился, но высоко поднятая рука Гибби не отрывалась от него.

Опуская с плеч Сергея, которого подхватил Кирилл, Гибби прошептал:

— Рука... Канат прорезал перчатку скафандра... Рука... примерзла...

Глаза его закрылись, тело бессильно повисло на канате.

* * *

Сергея удалось привести в сознание с большим трудом. Видимых травм на его теле не оказалось, кости рук и ног целы, но он был так слаб, что не мог говорить. Почти тотчас он погрузился в сон. Гибби, отмороженная по локоть рука которого чудовищно распухла, находился в полубессознательном состоянии. Временами начинал бредить.

О происшествии сообщили по радио на советскую и американскую станции. Советский самолет уже выле-

тел, американский должен был вылететь с минуты на минуту.

— Наши будут тут часа через полтора,— сказал Кирилл, выключая радиопередатчик.

Фред — он обрабатывал дезинфицирующей жидкостью руку Гибби — хмыкнул неопределенно.

— Больше ничего не говорил? — спросил Кирилл, подходя к койке, на которой лежал Гибби.

— Нет... Повторил только, что очень испугался.

— Но чего испугался? Что там произошло?

Лесли молча пожал плечами.

— Мы оба,— услышался тихий голос за спиной Кирилла,— испугались... Как удар по мозгам... Изнутри.

Кирилл и Лесли обернулись к койке Сергея. Глаза его были открыты. Взгляд обежал помещение и остановился на лежащем Гибби.

— Он... вытащил меня?

— Он,— споткнувшись о сваленные на полу скафандры, Кирилл шагнул к койке Сергея,— что ты чувствуешь сейчас?

— Слабость, тут болит.— Сергей поднял глаза ко лбу.

— Руки, ноги ощущаешь?

Сергей шевельнул пальцами правой, потом левой руки.

— Ощущаю, но слабость...

— Говорить можешь?

— Могу...

— Так что случилось?

— Я... не понял... Когда спускались, стало вдруг страшно... Не знаю, почему... Спускался дальше, думал... сейчас конец... Но шел... Гибби за мной... У забоя смотрю, ему тоже не по себе... Спросил... Говорит — очень страшно... почему, не знает. Мы быстро взяли пробы льда... Укрепили блок. Держались... Стали надевать канат... Гибби вдруг закричал, что не выдержит, что сейчас произойдет ужасное... Стал трясти канат и кричать. Я хотел

остановить его, тоже стал кричать... Вдруг, как удар в голову, изнутри... Вспышка, и все...

— Больше ничего не помнишь?

— Нет... больше... ничего.

— А когда он тащил тебя наверх?..

— Нет... Ничего... Тот удар,— Сергей медленно поднял руку, коснулся затылка,— и вот минуту назад понял, что лежу здесь, увидел вас... Сколько времени прошло?

— Часа два, наверно. Скоро прилетит наш самолет.

— А он? — Сергей перевел глаза на Гибби.

— Руку повредил, когда поднимался. Разгерметизация скафандра. До локтя.

— Это плохо.

— Очень плохо. Скажи еще, Сергей, вы там... Ничего не увидели такого, ну...

— Фантом?

— Да.

— Я не видел. Думаю, он тоже. Скорее какое-то излучение... Или ультразвук...

— Ультразвук? Откуда?

— Н-не знаю... Он может вызвать такое состояние, шок, даже умертвить...

— Шахта как резонатор?

— Не исключено... Надо проверить... Просчитать... Или источник подо льдом. Если там пустоты...

— Вы слышите, Фред? — Кирилл повернулся к Лесли.

— Слышу. Я не специалист. Ни в области ультразвука, ни... в медицине. Впрочем, боюсь, руки он лишится.— Лесли указал на руку Гибби.

— А вы, Фред, в прошлый раз,— Кирилл попытался уловить взгляд Лесли сквозь дымчатые стекла его очков,— когда мы спускались в шахту, не почувствовали чего-нибудь подобного?

— Почему вы решили?

— Я ничего не решил, но надо же выяснить, что тут происходит.

Лесли помедлил с ответом:

— Все это, знаете, очень субъективно... Я, например, вообще не люблю спускаться в шахты...

— Но если остановимся перед загадкой, скорее всего она останется неразгаданной.

— А вы хотели бы сразу все разгадать, коллега? Так не бывает... У нас говорят: торопись потихоньку... Мне не платят больше, если я спешу...

— Так что, по-вашему, следует делать?

— Прежде всего подумать... Узнать, что он чувствовал или видел,— Лесли наклонился к самому лицу Гибби, прислушиваясь к его бормотанию,— потом уж решать... В сущности, основной вопрос в любой науке: что делать, если не знаешь... А вы как считаете?

— Считаю, что необходимо повторить спуск. Сразу же, как прилетит самолет. Тем более что внизу остались пробы льда.

— И вы пошли бы, коллега?

— Конечно. А вы?

— Я... Нет...

* * *

Прилетели Бардов, Мак, врач-хирург пятой смены и еще двое марсовщиков — совсем молодые ребята — Роман и Муса. Мак и хирург занялись пострадавшими. Остальным пришлось перебраться в соседнее помещение, служившее складом, кухней и столовой. Выслушав подробный рассказ Кирилла и его предложение, Бардов заинтересовался, что думает Фред Лесли.

— В целом я согласен,— вежливо сказал американец,— о причинах явления судить не берусь, но повторный спуск в сложившейся ситуации считаю опасным.

— Вы, конечно, правы,— согласился Бардов,— прежде чем решать, подождем вашего шефа.

Однако Невилл Джикс не появился. Прилетели Гридли, доктор Морстон и врач американской базы. Врач и Гридли направились в помещение, где лежали Сергей

и Гибби. Морстон присоединился к остальной группе марсовщиков и принялся расспрашивать Лесли.

Кирилл, присев рядом с шефуней, сказал тихо:

— Напрасно теряем время. Надо повторить спуск, пока светло. Сейчас с подъемником это совсем просто. Пойду я и еще кто-нибудь, кто захочет.

Бардов долго молчал, испытующе поглядывая на него. Потом спросил:

— Очень хочешь пойти, дорогуша? А после, как они, да?..

Он наклонился к Кириллу и добавил совсем тихо:

— Вчера получено сообщение с Земли. Азарий тоже... Не удалось спасти.— Он тяжело вздохнул.— Остальные по-прежнему в карантине. Там пока ничего нового. Вот так... И подтверждение старого приказа — никаких исследований фантомов.

— А их тут не было,— мрачно возразил Кирилл.

— Естественно,— кивнул шефуня.— Поэтому не надо бояться делать ошибки! Ошибки — главный учитель! Так, что ли?

Появился Гридли. Он был в легком скафандре и рукавицах, снял только шлем. Его широкое лицо казалось бледнее обычного, а длинный нос еще более заострился.

— Плохо,— сказал он, подходя к Бардову и многозначительно поджимая губы,— очень плохо! Наш врач считает, что руку не сохранить. Ваш, правда, на что-то надеется, но... Не знаю... Тогда раненого надо отправлять к вам. Решайте... Мы могли бы пока взять к себе вашего.

— Зачем же? — загудел шефуня.— У нас места достаточно для всех. И вас можем прихватить. А относительно Гибби, если наш медик думает — можно что-то сделать, обязательно надо пытаться. Пусть забирает его немедленно.

Гридли молча кивнул и вышел.

— Что будем делать, доктор Морстон? — спросил Бардов.

— Пусть Гридли решает. Он заместитель Невилла.

— А ваше мнение?

— Мое? — Морстон явно колебался. — Это печальное происшествие... Доктор Фред Лесли считает, что надо прекратить тут проходку... Либо вести без контрольных спусков, пока не выясним причину сегодняшних событий. Я склонен согласиться с ним.

— Если прекратим проходку, шахта может заплывать, — не выдержал Кирилл, — это лед.

— Может, — согласился Морстон. — Тогда попробуем в другом месте. Проектировалось несколько шахт. Тут — первый опыт. По существу, мы отработывали технику проходки сквозь лед.

— При любом решении вопроса, предлагаю спуститься в шахту еще раз, — твердо сказал Кирилл. — Там остались пробы, отобранные нашими товарищами. Надо поднять их наверх.

— Проб льда из этой шахты отобрано несколько десятков, — возразил Лесли. — Доктор Морстон говорит — они ничего не дали. Следов жизни не обнаружено ни в одной...

Кирилл хотел сказать, что пробы отбирались не только на биологический анализ, но, поймав иронический взгляд шефуни, решил промолчать. Бардов, видимо, тоже отступился от него.

Заглянул Гридли. Попросил помочь перенести пострадавших в советский самолет. Ребята, прилетевшие с Бардовым, молча поднялись, взяли со стола шлемы и вышли. Спустя несколько минут Гридли возвратился.

Окинув взглядом присутствующих, он подошел к Бардову и выжидательно уставился на него.

— Ну, так что будем делать? — поинтересовался Бардов, поглаживая бороду.

— Ждем вашего решения, — Гридли подчеркнул «вашего».

— Ежели дело во мне, — спокойно сказал Бардов, —

считаю: прежде всего надо побывать в шахте. Потом решать, что делать дальше.

Лесли кашлянул многозначительно.

— А самолеты? — спросил Гридли.

— Наш пусть летит с пострадавшими и медиками. И сразу пусть возвращается.

— Наш тогда пока останется здесь, — решил Гридли. — А кому спускаться?

— Как обычно — двоим — на паритетных началах, — Бардов мельком взглянул на Кирилла. — Может, найдутся добровольцы? А можно и переиграть — в силу исключительности ситуации.

— Лучше на паритетных, — кивнул Гридли. — Тогда кто от вас?

— Вот он хотел, — Бардов снова взглянул на Кирилла, — не раздумал, дорогуша?

— Нет, конечно, — резко бросил Кирилл.

— О'кэй. — Гридли взглянул на Морстона, потом перевел взгляд на Лесли. — О'кэй, — повторил он сквозь зубы, — значит, иду я.

Морстон и Лесли переглянулись.

— Имейте в виду, Гридли, — хрипло сказал Фред, — я и доктор Морстон против спуска. Бесполезно и опасно...

— Я это понял, — ответил Гридли, явно игнорируя заключительную часть реплики. — Думаю, — продолжал он, обращаясь к Бардову, — надо спускаться без промедления.

— Конечно, — кивнул Бардов и встал.

* * *

Через несколько минут все собрались возле шахты. Лесли проверил работу подъемника. Бардов велел выставить у самого устья имеющиеся контрольно-измерительные приборы, лично снял показания.

— Все в норме, — громогласно объявил он, закончив взятие отсчетов, — разумеется, в границах доступных нам параметров...

— А ультразвуковые колебания? — поинтересовался Кирилл.

— Пока не ловятся, но будем следить.

— Ультразвук — вздор, — резко заметил Лесли.

— Но вы утверждали, Фред, что вы не специалист в этой области, — не выдержал Кирилл.

— А это и неспециалисту ясно...

— Мне, например, нет, — возразил Кирилл.

— Вы вот что, — загудел в наушниках голос шефуни, — вы там судьбу не дразните, как почувствуете... дискомфорт или иное постороннее ощущение, сразу сообщайте друг другу и, следовательно, нам. Все ваши переговоры мы услышим и будем записывать.

— Жаль, что не догадались раньше, — Кирилл потрогал провод, который тянулся от его скафандра к барабану, соединенному с записывающим устройством. Второй такой же провод связывал Гридли с другим барабаном.

— Следите, чтобы не оборвать провода на спуске, — наставлял шефуня, — от них может зависеть успех операции и ваша безопасность... Ну, с богом, как говорили в старину. А мы ему, в случае чего, поможем...

Придерживаясь за неподвижный канат подъемника, Кирилл и Гридли начали спуск. Несколько десятков осторожных шагов, и тьма окружила их. Лишь колеблющиеся пятна света от фонарей на шлемах освещали ледяные ступени, по которым они спускались все ниже и ниже.

Кирилл шел впереди. Он отчетливо слышал в наушниках напряженное дыхание Гридли. Насчитав сто двадцать ступеней, Кирилл задержался и оглянулся. Гридли тоже остановился в трех шагах за ним.

— Что? — настороженно спросил Гридли.

— Ничего... Прошли примерно треть спуска. Как самочувствие?

— О'кэй, — не очень уверенно отозвался Гридли.

— Почему остановка? — прогудел в наушниках голос шефуни.

— Отдыхаем...

— Не слышу...

— Отдыхаем,— крикнул Кирилл.

— Поняли... Говорите громче! Вас стало хуже слышно.

— Мы вас слышим хорошо.

— Как самочувствие?

— Прекрасно.

Они двинулись дальше. Продолжая считать ступени, Кирилл прислушивался к себе как бы извне. Нет, страха он не испытывал. Легкое волнение, ощущавшееся перед спуском, улеглось. Он был спокоен, внимателен, уверен в себе, не ощущал никакого внешнего воздействия на психику.

— Как дела? — прозвучало в наушниках.

— В порядке.

— Отвечайте! Почему молчите?

— Мы ответили — пока все в порядке,— громко крикнул Кирилл.

— Они нас не слышат,— сказал Гридли.

— Может, что-то случилось с моим микрофоном, попробуйте вы.

Гридли дважды громко повторил ответ Кирилла. Некоторое время в наушниках слышался шорох, потом голос шефуни встревоженно произнес:

— Нет, не отвечают... И опять стоят на месте. Чертовщина какая-то...

«Даже ему изменяет выдержка,— подумал Кирилл,— видимо, «одна шефуния» не такая уж постоянная величина в условиях Марса».

— Попробуем дать знак иначе. — Кирилл повернулся к Гридли,— встряхните один раз резко верхний канат.

— О'кэй.

«Он тут не очень разговорчив...» — мелькнуло в голове Кирилла.

Он не успел развернуть эту мысль, потому что в наушниках снова слышался голос шефуни:

— Чего-чего? Ну тогда ладно,— раздался вздох облегчения,— значит, телефон... Дедовские способы они всегда надежнее... Переключаем все внимание на канаты, Лесли.

— Они поняли,— сказал Кирилл,— поехали дальше.

— Угу,— прозвучало в наушниках.

Кирилл продолжил счет ледяных ступеней. В самом начале пятой сотни впереди зеркально сверкнула поверхность забоя.

— Мы на месте,— объявил Кирилл.

Гридли отозвался тяжелым вздохом.

— Как ваше самочувствие? — Кирилл направил свет фонаря на скафандр американца.

— О'кэй,— ворчливо отозвался Гридли, облизывая губы. Кирилл заметил, что вся его широкая физиономия покрыта капельками пота.

— Действительно? — попытался уточнить Кирилл.

— Да...

— Тогда за дело!

Кирилл дважды тряхнул верхний канат — знак, что они достигли цели и пока все благополучно. Потом он прислушался. В наушниках шуршало только тяжелое дыхание Гридли. Голоса сверху не доносились.

«Теперь и мы их не слышим»,— констатировал про себя Кирилл, но решил не делиться этим соображением с американцем.

— Тут где-то должны лежать пробы,— сказал он вслух,— давайте поищем.

— Угу,— Гридли сделал шаг и снова остановился.

Мысленно удивляясь своему спокойствию, Кирилл принялся осматривать забой и пространство перед ним. Лед зеленовато поблескивал, отражая свет фонаря. Вдруг в забое что-то шевельнулось. Кирилл вздрогнул, но тотчас сообразил, что видит всего лишь отражение

своего скафандра. Вскоре он обнаружил места взятия проб, рядом лежали и кассеты с пробами.

— Все в порядке,— сказал он,— вот пробы. Можно возвращаться.

Гридли не ответил.

Кирилл поспешно оглянулся.

Американец стоял неподвижно, всматриваясь в левый угол забоя.

— Эй, Гридли, что там? — быстро спросил Кирилл.

— Там... что-то шевелится,— хрипло пробормотал Гридли.

— Ваше отражение.

— Н-не знаю... Посмотрите...

Кирилл подхватил кассеты с пробами и подошел к нему.

— Где?

— Вон т-там...— зубы Гридли застучали.

— Ничего не вижу.

— Да... Может, мне показалось... Нет...

— Что вы там видели?

— И сейчас вижу...

— Что именно?

— Какие-то... фигуры... Они идут... к нам. Вот...

— Отодвиньтесь, стану на ваше место. Вероятно, игра света от фонарей...

— Да? — Он медленно отступил в сторону.

Кирилл встал на его место, внимательно оглядел забой, освещая ледяную поверхность своим фонарем.

— Это было внизу в самом углу.

— Да-да, вот там,— Кирилл сосредоточил свет фонаря в углу забоя.

— Видите? — спросил Гридли.

— Вижу, то есть нет... ничего не вижу... кроме льда, конечно. А вы сейчас?

— Сейчас нет...

— Возвращаемся,— решил Кирилл.— Вы идите вперед, Гридли.

Американец не ответил, сразу же начал подниматься по ледяным ступеням, держась за неподвижный канат.

Шагнув на первую ступеньку, Кирилл обернулся к забой. Несколько мгновений пристально всматривался в освещенную фонарем ледяную поверхность, чувствуя, как спокойствие покидает его... Невероятно! Или ему кажется?.. Но ведь и Гридли что-то видел...

Кирилл оглянулся на американца. Тот продолжал медленно подниматься. Сейчас надо было идти наверх. Но потом... Кирилл еще раз взглянул на ледяной забой. Галлюцинация или... Или он начинает настраиваться на эти волны? Снова вернулось спокойствие, и одновременно пришло решение... Кирилл медленно двинулся вверх, вслед за Гридли. Он был так погружен в свои мысли, что лишь на половине обратного пути вспомнил, что надо подать сигнал наверх для включения каната.

— Мы забыли про подъемник! — крикнул он Гридли.

— Да? — Американец остановился.

Кирилл трижды тряхнул неподвижный канат. Спустя мгновение канаты шевельнулись — один медленно пополз вниз, другой — вверх.

— Прицепляйтесь, Гридли, — Кирилл указал на браслет с карабином, — и переступите на ровное пространство, где нет ступеней. Поехали!..

Через несколько минут они выбрались на поверхность.

* * *

— Не исключено, что все обстоит именно так или почти так, — повторил шефуня, — но рисковать не позволю. Кроме того — Земля не отменила приказ.

— Они не представляют себе сути, Ник.

— А мы? Что мы представляем? Твои соображения — рабочая гипотеза.

— Все выстраивается в единую концепцию. Достаточно проверить, и... рабочая гипотеза станет явью.

— А ты последуешь прямым путем за Энрике и Аза-

рием. Это единственное место во Вселенной, куда не следует торопиться, дорогуша.

— Убежден, у меня обойдется без последствий. Все дело в индивидуальных особенностях мозга. Видимо, я могу воспринимать эти сигналы без отрицательных последствий. Другие не могут... Ну, о чем мы спорим, Ник, ведь ты обещал помогать мне...

— Обещал... Но теперь проблема законсервирована... по решению Земли.

— Ты сам подсказал это решение.

— Ну, знаешь! — разочарованно прогудел Бардов и отвернулся.

Они с Кириллом уже третий час ждали самолета в вахтовом лагере. Американцы улетели сразу же, как только договорились о прекращении проходки. Муса и Роман заняты были демонтажем энергетического агрегата и приборов.

Кирилл встал, надел шлем, проверил герметичность.

— Куда? — подозрительно спросил шефуня.

— Пойду посмотрю на закат.

Бардов нахмурился:

— Ты не вздумай...

— Слушаюсь, товарищ начальник.

Кирилл вышел наружу, даже не дождавшись выравнивания давлений. Поток воздуха из тамбура подтолкнул его, и он с трудом сохранил равновесие. Дверь за спиной бесшумно закрылась. Маленькое багровое солнце висело совсем низко над красно-бурой равниной. В понижениях рельефа уже залегли лилово-черные тени. На востоке оранжевое небо потемнело. Лишь у самого горизонта прорезывалось светлое пятно — там восходил Фобос. Кирилл направился к шахте. Возле устья было пусто. Ребята уже успели перебросить оборудование к посадочной площадке.

Кирилл подошел к самому краю отверстия. Устремил взгляд во мрак. Попытался восстановить в памяти то, что увидел внизу, в ледяном забое. Сейчас это плохо

получалось, совсем не так отчетливо, как во время рассказа Бардову.

«Конечно, то не могло быть галлюцинацией... Информационное поле тут существует повсюду. Оно оставлено сознательно последними разумными обитателями перед тем, как они покинули планету. Зачем — это другой вопрос... Может быть, надеялись, что их потомки рано или поздно вернутся? Либо — это послания иному разуму, в расчете на случайный контакт. Пожалуй, единственный вид послания, который хранится, пока существует сама планета! Скорее всего информация адресована непосредственно мыслящему мозгу. Если мы — их потомки, наш мозг должен воспринимать ее. Иное дело, что за миллионы лет эволюции человеческий мозг мог в значительной степени утратить эту способность. Отсюда опасные рецидивы... Энрике и Азарий, по-видимому, были близки к разгадке, но... переоценили свои силы... Бардов, конечно, тоже догадывается... Его собственный мозг на это поле не реагирует, в границах моих возможностей он сомневается... — Кирилл усмехнулся. — Это его право. Я ведь тоже не знаю, что со мной случится, когда мой мозг начнет принимать информацию. И все же я хочу и готов рискнуть... Если бы даже я имел тысячу жизней, их не хватило бы, чтобы насытить жажду познания, пылающую во мне».

Кто-то коснулся его скафандра. Кирилл быстро обернулся. Шефуня стоял рядом.

— Ну что, следопыт прошлого, — сказал он, — мучаешься на пороге разгадки и проклинаешь меня?

— Мысли прочитаны неточно, — буркнул Кирилл.

— Возможно... Я не обладаю твоими способностями... Видишь ли, Кир, если ты прав, а оно не исключено, пойми, не надо торопиться... Рано или поздно твой мозг постепенно настроится на здешнее поле. Думаю, до сих пор мы ловили «всплески» поля лишь в моменты каких-то его нарушений — солнечных, ионосферных, даже, может быть, создаваемых нами же. Я теперь убежден:

белые кристаллы — не самое главное... Когда-то они, может, были связаны с аппаратурой, управляющей полем или создавшей его. Поэтому способны вызывать локальные возмущения, превращающие часть информации в образы — фантомы. Таким же возмущающим фактором могла оказаться шахта. И совсем не потому, что там на глубине или во льду заключено нечто конкретное, что ты надеешься отыскать, — развалины, гробницы — словом, конкретные следы былой цивилизации...

Кирилл хотел возразить, но Бардов не дал прервать себя и продолжал:

— Не логичнее ли предположить, что именно здешний лед обладает свойством сгущать, концентрировать линии информационного поля; что именно он — главный хранитель записи информации. Если *они* были подобны нам, вода являлась для них исходным началом, как и для нас. И, предвидя оледенение планеты, они могли связать поле именно со льдом. Это была бы мысль, достойная высокого разума: сделать вместилищем информации среду, из которой когда-то родилась жизнь. Мы уже установили — структура здешнего льда не совсем обычная. Кристаллы образуют спирали. Как у тех белых осколков... Конечно, все это не более, чем предположения. Но они не противоречат твоей концепции.

— Следовательно, тем важнее идти на глубину, — Кирилл указал в отверстие шахты.

— Нет. Если поле связано со льдом, надо идти туда, где мощность льда максимальная, и там, находясь на поверхности, попробовать проверить твою гипотезу.

— Нашу гипотезу, Ник?

— Отнюдь. Проблему ведешь ты. Я лишь чуть подправил направление... на крутом повороте. Вероятно, эта шахта хороша лишь постольку, поскольку показала, что для дальнейшего поиска шахты пока не нужны. Пока... Потом посмотрим. Я очень надеюсь на тебя, Кир... Может, действительно, ты иной, чем мы все... И те-

бе удастся... Надо только соблюдать осторожность... на крутых поворотах.

— Хочешь подсластить пилюлю?..

— Нет. Я, собственно, вышел сказать тебе, что за нами сегодня не прилетят. Придется ночевать тут.

— А что случилось?

— Ничего... Не стоит рисковать после тех ночных сполохов.

— Мы, как аквалангисты в океане, — с горечью заметил Кирилл, — плаваем у самой поверхности, а под нами бездна... загадок.

— Вот и не будем спешить. Прежде всего попробуем сверху определить глубину бездны.

Солнце утонуло в багровой мгле, не коснувшись линии горизонта. Быстро темнело. Бледный оранжевый свет взошедшего Фобоса едва пробивался сквозь пелену пыли, висящую над планетой.

Мысль полыхнула подобно молнии.

— А если Фобос? Странный сгусток металла, вращающийся совсем низко над планетой и вопреки всем законам механики не падающий на нее. Споры о его происхождении начались еще до первых космических полетов. Его период обращения всего семь с половиной часов. Никто из нас не пытался сопоставлять его положение на небе с моментами появления фантомов. Что если «спусковой механизм» поля связан именно с ним?.. Или с Деймосом?

Кирилл замер, пораженный своим предположением.

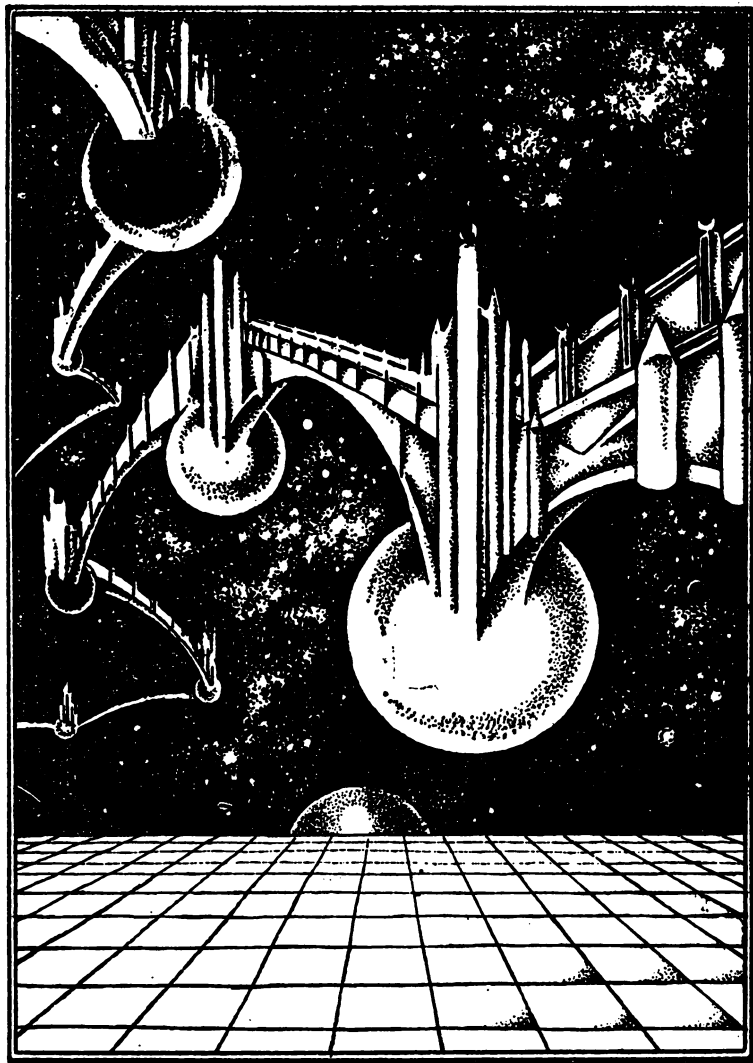
— Пошли, — Бардов указал в сторону жилого купола.

— Я еще немного побуду тут... Хочу посмотреть... на Фобос.

— Только без глупостей, — предупредил шефуня, — и не долго. Ребята уже готовят ужин.

Он неторопливо направился к месту ночлега.

«Фобос, Фобос, — мысленно повторял Кирилл, —

скорее всего это — осколок Фаэтона. Некоторые считают — эстафета разума пришла оттуда. Значит...»

Появилось нарастающее беспокойство. Он что-то должен сделать... Но что?.. Кирилл стиснул зубы, пытаясь сосредоточиться, понять неодолимый внутренний зов, который нарастал, подобно волнам, и снова угасал. Это было как ускользающее воспоминание о давно забытом. Казалось, вот сейчас наступит прозрение, и он поймет... Нет... Волна снова отхлынула, оставляя горечь бессилия.

Кирилл бросил взгляд на Фобос. Угловатый серо-оранжевый диск почти на глазах менял положение, поднимаясь все выше к зениту... Кирилл попытался еще раз заставить себя настроиться на потерянную волну... Внутри царила глухая пустота... Что это было? Грань неосуществившегося контакта или... начало заболевания, как у Энрике, Азария? Он вдруг почувствовал страшную усталость, захотелось лечь тут же у самой шахты, закрыть глаза и не думать ни о чем. С трудом преодолевая сковавшую его слабость, Кирилл побрел к жилому куполу, ощупью отыскал контакт наружной двери. Надавил. Дверь открылась. Кирилл ввалился в тамбур и потерял сознание.

* * *

Когда он пришел в себя, оказалось, что он лежит на койке в жилом отсеке купола. Скафандр уже снят, и шефуня, расположившись рядом в складном кресле, внимательно глядит на него. Кирилл сделал движение, пытаясь приподняться.

— Лежи, — Бардов придержал его за плечи, — ну как там Фобос?

— Нормально.

— А ты?

— Голова закружилась...

— Правильно. У твоего скафандра отказал аппарат регенерации кислорода. Не проверил при выходе? Хорошо, мы услышали, когда ты входил.

— Я, значит, недолго...

— Не очень. — Он помолчал, продолжая критически разглядывать Кирилла. Потом спросил: — А ты там... ничего нового не углядел?

— Нового... Нет...

— А старого?

— Тоже, пожалуй, нет...

— Какой-то ты стал неуверенный, Кир, — шефуня брезгливо поморщился, — а ну давай, как на экзамене.

Кирилл рассказал, что с ним было.

— Жалко, что не улетели, — резюмировал Бардов, — до прибытия самолета наружу не выходить.

— Но я... — начал Кирилл.

— Именно ты... Мы с ребятами после ужина выйдем. Посмотреть на Фобос...

Ночью Кирилл проснулся словно от удара током. Он сразу понял — сигнал... Надо действовать. Осторожно привстал, прислушался. Кругом спали. Бросил взгляд на часы — сорок минут первого.

Вечером они уложили его на койку в спортивном комбинезоне, сняв только скафандр. Это облегчало задачу. Скафандра нигде не было видно. Очевидно, его унесли в соседнее помещение. Кирилл встал, сделал несколько шагов к двери.

— Куда? — прошелестело за спиной.

Кирилл оглянулся. Шефуня, подняв голову, вопросительно смотрел на него.

— Куда-куда, — сердито отозвался Кирилл, — надо...

Шефуня опустил голову на подушку и закрыл глаза.

Кирилл выбрался в соседнее помещение и плотно прикрыл за собой дверь. К счастью, его скафандр и шлем лежали тут. Скафандр, правда, легкий — дневной... Выходить в таком в ночные часы не разрешалось. Но облачаться сейчас в тяжелый ночной скафандр не было времени. Кроме того, он не собирался удаляться от купола. Некоторое время он выдержит и в легком.

Кирилл быстро натянул скафандр, надел шлем, прицепил к поясу футляр диктофона. Уже в выходном тамбуре проверил герметичность и параметры жизнеобеспечения. Подождал, пока выровняется давление. Это их задержит немного, если организуют погоню. В диктофон, вмонтированный у входной двери, шепнул:

— Ноль часов сорок минут, выхожу наружу. Прости, Ник, совершенно необходимо.

Затем открыл выходную дверь. Снаружи было удивительно тихо. Ветра, как ни странно, не ощущалось. В зените висел Фобос. Это был уже второй его заход в ту ночь. На востоке бледно светил серпик Деймоса.

Кирилл сделал несколько шагов и остановился. Вопреки ожиданию ничего не происходило... Он начал прислушиваться, но различал лишь удары собственного сердца. Слабости не ощущалось, голова казалась ясной, он чувствовал прилив сил, удивительное спокойствие, уверенность, что поступает правильно. Вспомнилась почему-то старая поговорка студенческих лет: «Исследовать, значит, видеть то, что видели все, но думать так, как не думал никто». К нему она сейчас не имела отношения, потому что на этой странной планете именно он видит то, что недоступно другим. Только это оправдывает его недисциплинированность и риск... Впрочем, каждый настоящий поиск — путь по узкой грани, тончайшему острию непримиримых противоположностей. По ту и по другую сторону грани пропасть, катастрофа... Как у него сейчас...

Он почувствовал, что ночной холод начинает проникать в скафандр. Первыми его ощутили ноги. Надо было двигаться, и он направился к устью шахты.

В красновато-пепельном свете двух марсианских лун мертвая равнина казалась призрачной. Звезд в небе почти не было видно. Устье шахты чернело подобно раскрытой пасти.

Кирилл остановился в нескольких шагах от шахты. Свет, выходящий из глубины, почему-то не удивил его.

Нашупав на поясе скафандра кнопку диктофона, Кирилл спокойно ждал, что последует дальше. Потом нажал кнопку и заговорил, стараясь зафиксировать все, что видел и чувствовал.

* * *

Запись кончилась на полуслове.

— Ну вот, — сказал Кирилл, — именно в этом месте вы меня настигли. Не знаю, почему, но ваше появление сразу прервало поток информации. Либо, переключив внимание на вас, мой мозг потерял возможность фиксировать ее. Черт бы вас побрал с вашей заботой!

— Пожелание относится только ко мне, — объявил шефуня, — ребята абсолютно ни при чем. Я заставил их пойти, хотя им очень не хотелось проспать.

— Тем более что мы ничего и не видели, — проворчал Муса.

— Последнее, что запечатлелось в моей памяти, — добавил Кирилл, — и что, естественно, уже не попало на пленку, были их корабли, взлетающие с равнины, похожей на здешнюю. Я еще успел подумать, что они напоминают те, о которых рассказывал Невилл Джикс... Но в этот момент кто-то ударил меня по шее.

— Я ударил, — подтвердил шефуня, — ты не отвечал, когда мы к тебе бежали. Я был уверен, что ты уже замерз насмерть.

— Если бы вы появились минут на десять позже, — вздохнул Кирилл, — я, может быть...

— Тебе наверняка пришлось бы оперировать ступни, — прервал шефуня, — а так ты отделался только отмороженными пальцами на ногах. Пальцы придется починить на Базе. И пока тебя будут там ремонтировать, я смогу спать спокойно.

— Больше это уже не повторится, — заверил Кирилл, — дело сделано. Не хотелось бы быть нескромным, но, думаю, нам удалось решить одну из старейших

загадок, волнующих человечество. И главное — мы теперь твердо знаем, что они тут были, оставили свое послание, которое предстоит читать не одному поколению ученых. Думаю, что рано или поздно подо льдами удастся разыскать и какие-то материальные памятники умершей цивилизации. У меня уже есть на этот счет кое-какие соображения...

— Нет, погоди, — искренне возмущился шефуня, — ты еще посидишь под карантинном месяца три-четыре, после того, как тебе вылечат пальцы на ногах. Еще неизвестно, как на тебе отразится этот ночной сеанс «потусторонней связи».

— Теперь я согласен даже на карантин, — усмехнулся Кирилл. — Надо свести воедино, подробно описать все, что нам удалось выяснить... Вы заметили, что наблюдения Азария и Энрике хорошо увязываются с моей диктофонной записью.

— Мы, конечно, продолжим это дело, — сказал Бардов, по привычке поглаживая бороду, — придется осторожно проверить, может, не ты один у нас такой способный. Если с тобой действительно ничего не случится, станем смелее, будем тренироваться в укреплении «потусторонних связей»; в конце концов и приборы сконструируем для электронной записи информационного поля...

— Если даже теперь со мной что-то и случится... — начал Кирилл.

— Это уж ты, дорогуша, брось, — обрезал шефуня. — Запомни, ничего не может случиться. Ты — экстрасенс, ты сам прекрасно знаешь это. Экстрасенс от рождения. А других экстрасенсов мы тут воспитаем, базируясь на твоём опыте. Понял? Ты сам уверял, что эти способности заложены в каждом из нас. И я это, между прочим, сегодня ночью понял. Поток информации, которую принимал ты, переключился на несколько мгновений на меня, когда я... погладил тебя по шее.

— Интересно, — воскликнул Кирилл, — и что же вы увидели?

— Не «вы», а «ты», — поправил шефуня, — я увидел твои корабли, взлетающие в космос, и понял, что они направляются к Земле.

— А дальше?

— Что дальше?

— Когда они достигли Земли? В какую эпоху земной истории?

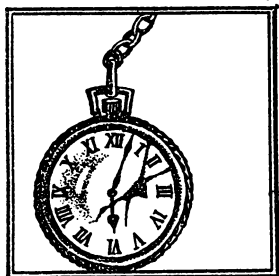
— Э-э, чего захотел! Разве можно все сразу? Это предстоит выяснить. Как и многое-многое еще.

— Что же получается, — воскликнул Роман, — предки человека пришли на Землю отсюда?

— Категорически утверждать пока ничего нельзя, — задумчиво сказал шефуня, — мертвый Марс начал нам приоткрывать поразительные вещи; но пройдет еще очень много времени, прежде чем хранящаяся тут информация, заключенная в так называемом «информационном поле» или в какой-нибудь иной «материи», позволит вынести окончательное суждение. Нашупано принципиально новое направление поиска, научных исследований, важность которых для человечества, вступившего в космическую эру, переоценить невозможно. Энрике и Азарий отдали свои жизни не напрасно. Приоткрываются совершенно ошеломляющие возможности разума, о которых люди даже не подозревали...

— Как вы, вероятно, поняли из диктофонной записи, — добавил Кирилл, — эстафета разумной жизни была принесена на Марс с Фаэтона. Какая-то частица фаэтонцев перед гибелью своей планеты переселилась на Марс. Это могло произойти еще в архейскую эру земной истории. Быть может, на Марсе сменили друг друга несколько циклов цивилизации и лишь представители последнего здешнего цикла переселились на Землю. Все это предстоит еще изучать, уточнять... Более определенно мы можем теперь говорить об истории самих планет земной группы. Они рождены Солнцем в разное

время: Фазтон был старшим в этом семействе, Венера, а может быть, и Меркурий наиболее молодые. Фазтон давно закончил свое существование, Марс дряхлеет; в его нынешнем облике — будущее нашей Земли, также, как на Венере — ее далекое прошлое. Условия на Венере пока непригодны для высокоорганизованной жизни, как они были непригодны на Земле в архее и раннем палеозое, когда тут на Марсе жизнь была ключом. Если наша нынешняя цивилизация уцелеет, не исключено, что далеким потомкам землян предстоит переселение на Венеру, когда условия на стареющей Земле станут подобны марсианским. И, покидая Землю, они, может быть, оставят там послание грядущим исследователям, подобное тому, какое оставлено тут. Я хотел бы верить, что эстафета разума бесконечна.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЗАМЕДЛЯЛ И УСКОРЯЛ ВРЕМЯ

Может быть, Тимофей Иванов никогда и не догадался бы о своих удивительных способностях, если бы не одно неприятное происшествие... Впрочем, надо ли считать его неприятным? Именно оно раскрыло эти способности... Самое поразительное, он ни о чем таком не подозревал. Себе самому казался человеком заурядным; временами даже считал себя неудачником. Ну, действительно, если призадуматься: чертежник-конструктор со средним образованием; скоро тридцать, а он и вечернего отделения мехинститута кончить не может. Третий год на третьем курсе мается. Дважды отчислили. И опять замдекана грозил... Говорил — теперь окончательно, если экзамен по теормеху не сдаст. А как его сдать этой стервозе! Насквозь видит... Спрашивает именно то, что не успел прочитать... Вообще ему с женщинами не везет. Девушки его сторонятся. Может, потому, что рыжий? Робок к тому же, нерешителен, характер слабый. Вот и сегодня. Надо было обязательно пойти на коллоквиум. А тут квартальная премия. Ребята после работы затащили в бар. Ему не хотелось, но пошел. Завтра опять голова будет болеть...

А сейчас — куда идти? Скоро девять вечера. Уже и коллоквиум кончается.

На улице моросил дождь. Блестел под фонарями мокрый асфальт. С шелестом проезжали редкие машины. Тимофей потоптался на остановке. Автобуса не было, дождь усиливался. Тимофей решил идти пешком. Нахлобучил поглубже шляпу, поднял воротник плаща и прихрамывая — жали новые полуботинки — поковылял вдоль бульвара. Переходя пустой перекресток на зеленый свет, заметил — постовой милиционер подозрительно косится на него.

Все случилось не более чем в ста метрах от перекрестка. Из-за темного куста неожиданно вышли двое. Один долговязый, высокий, худой, другой пониже, плотный, коренастый. Оба в черных очках.

— По-моему, это он, — негромко сказал долговязый, загородив Тимофею дорогу.

— Он, конечно, — хрипло подтвердил коренастый, заходя сзади и невежливо беря Тимофея за воротник.

— Ребята, в-вам что надо? — пролепетал, заикаясь, Тимофей.

— А ничего особенного, — сказал долговязый, — прикурить дашь?

— Я... я не к-курю...

— Тогда раздевайся!

— Ребята, ч-что вы...

— Побейстрой, —дохнул в ухо тот, что был сзади, и потряхнул Тимофея так, что затрещал воротник плаща.

— Ребята!!

— А ну тихо, — сказал долговязый, и Тимофей ощутил у самого горла холодное острие ножа.

«Настоящие бандиты!» — мелькнуло в голове Тимофея. Но, как ни странно, его страх вдруг исчез. Он словно бы увидел всю ситуацию извне, как в кино. Темный бульвар. Двое в черных очках, с ножами. Между ними беспомощный Тимофей Иванов. Он только что выпил. В бумажнике у него квартальная премия, на руке золотые часы. Кроме того, новые полуботинки и джинсы «Ли». Это составит...

— Сейчас, ребята, — сказал он тихо. — Сейчас. Да убери ты н-ножик. Ни к чему...

Долговязый отстранился немного, продолжая держать нож наготове.

«Пружинный, — догадался Тимофей, неторопливо расстегивая пуговицы плаща. — Непонятно только, почему мне не страшно?» Он осторожно выбрался из плаща, который остался в руках коренастого.

— И джинсы скидай, — сказал долговязый, поигрывая ножиком.

— Ребята, может, лучше часы возьмете, — предложил Тимофей, — золотые.

— Часы тоже возьмем, — кивнул долговязый. — Но сначала джинсы... А ну побыстрей. — И он провел лезвием перед носом Тимофея.

— Сейчас, сейчас, — заторопился Тимофей. Он вдруг понял, почему ему совсем не страшно. В нескольких шагах отсюда на перекрестке постовой милиционер. Он видел Тимофея. Без сомнения, он уже близко. Сейчас он крадется за кустами... Потом скомандует...

— Ты будешь, сопля, раздеваться или нет, — прошипел сзади в самое ухо коренастый. — Может, помочь?..

— Не надо... Я сам... — «О, время, остановись, — мелькнуло в голове, — хоть на полминуты, чтобы постовой успел...»

И тогда произошло чудо... Впрочем, Тимофей даже не сразу понял, что чудо произошло. Он еще ковырялся с поясом джинсов, который никак не хотел расстегиваться, когда вокруг стало удивительно тихо. Прекратился шелест дождя, смолкло напряженное дыхание громил. Тимофей поднял глаза. Застыли без движения листья, только что вздрагивавшие от порывов ветра. Застыли без движения и оба бандита, один с выставленным перед собой лезвием ножа, а другой — засунув одну руку в рукав плаща Тимофея. А вдали в самом конце аллеи в прямоугольнике света среди неподвижной темной листвы был виден неподвижный силуэт ми-

лиционера. Казалось, он прислушивается к тому, что происходит во мраке аллеи. Первая мысль Тимофея была — бежать навстречу своему спасителю. Но потом он глянул на оцепеневших громил и изменил намерение. Что-то парализовало их, и этим обстоятельством следовало немедленно воспользоваться. Прежде всего Тимофеем осторожно извлек из полусогнутых пальцев долговязого нож, сложил его и сунул в карман. Потом так же осторожно снял с долговязого темные очки и швырнул их подальше в кусты. Луч фонаря, пробивавшийся сквозь неподвижную листву, падал прямо на оцепеневшее лицо бандита. Некоторое время Тимофеем внимательно разглядывал его. Застывший неподвижный взгляд выпуклых глаз, тонкие, плотно сжатые губы, небольшой шрам на переносице. Подумав немного, Тимофей размахнулся и треснул долговязого по скуле. Голова бандита резко мотнулась влево. Тимофеем поправил с другой стороны и в заключение дал по носу. Долговязый никак не реагировал на удары, но его выпуклые глаза начали медленно набухать слезами. Тут Тимофей вспомнил один из боксерских матчей, на котором присутствовал в качестве зрителя. Чтобы покончить с долговязым, он набрал в легкие побольше воздуха и дважды — правой и левой — врезал громиле в солнечное сплетение. Медленно, почти неразлично для глаз долговязый начал складываться пополам.

Тимофей повернулся ко второму бандиту. Силуэт милиционера в конце аллеи оставался неподвижным. Тимофей отобрал у коренастого свой плащ, надел его и, не торопясь, повторил всю программу. Темные очки коренастого от первого же удара упорхнули куда-то далеко, а после окончания программы он начал медленно клониться вперед.

Тимофей перевел дыхание и стал соображать, что, собственно, произошло. Чудо? Галлюцинация? Или он каким-то непонятным образом сумел загипнотизировать грабителей. Или что-то случилось со временем? Тимо-

фей бросил взгляд на часы. Секундная стрелка застыла на месте. Конечно, часы могли и остановиться, а может быть, каким-то образом сработала относительность времени? Ведь он подумал о чем-то таком, когда начал раздеваться. И время действительно остановилось... Для всех вокруг? А для него нет? Как же теперь быть? Тимофей даже встряхнул головой от недоумения. Однако, приглядевшись к громилам, он сообразил, что время не совсем остановилось. Долговязый почти сложился пополам, а коренастый успел так наклониться вперед, что непонятно было, как он еще держится на ногах. Его руки почти касались земли. Луч света от фонаря падал теперь прямо на туго обтянутый старенькими джинсами зад коренастого. Тимофей вспомнил, как коренастый чуть было не оторвал воротник его плаща. За это хамство коренастому определенно следовало добавить. Под рукой ничего подходящего не было. И Тимофей воспользовался широким, украшенным бляхами ремнем самого коренастого. Изрядно потрудившись, Тимофей перевел дыхание. К этому времени долговязый окончательно сложился пополам, а коренастый принял совершенно фантастическое положение. Он висел в воздухе прямоугольным треугольником, чуть касаясь асфальта носками ботинок и пальцами рук. Силуэт постового по-прежнему неподвижно маячил в конце аллеи.

Тимофей отступил поближе к фонарю и еще раз бросил взгляд на часы. Секундная стрелка переместилась по сравнению с предыдущим положением на полтора деления. Время двигалось, но как-то очень медленно... Тимофей подумал, что было бы неплохо, если бы теперь время пошло быстрее. Он заметил, что в этот момент секундная стрелка часов двинулась, но тотчас снова застыла на месте. Тимофей счел это добрым предзнаменованием и уставился на циферблат. Однако секундная стрелка продолжала оставаться неподвижной. Он подождал немного. Сложенный вдвое долговязый заметно наклонился вперед, а прямоугольный треуголь-

ник коренастого теперь устойчиво опирался ладонями об асфальт дорожки.

«А может, это все же сон? — снова мелькнуло в голове Тимофея. На всякий случай он укусил себя за палец. — Нет, не сон, не похоже... С чего, собственно, все началось? Ну, бандиты... Он стал раздеваться, думал о милиционере, который должен находиться близко... Потом он подумал, что хорошо было бы, если бы время остановилось. Стоп... Кажется, именно после этого все и случилось... Чушь какая-то... А что, если?..»

Он зажмурился и шепнул: «Пусть время снова идет нормально. Я хочу...»

Он не успел кончить. Почувствовал на лице капли влаги, услышал шорох дождя, шелест листьев, какую-то возню, стоны. Потом кто-то истошно и тонко завопил:

— Ай-я-яй. Ой-ой-ой. Мам-а-а...

Тимофей поспешно открыл глаза. Рядом на асфальте извивался, прижав руки к животу, долговязый. Он хватал воздух ртом, точно рыба, вынутая из воды, и что-то пытался сказать... Чуть подальше завывал, стоя на четвереньках, коренастый...

Тимофей молниеносно оценил ситуацию:

— Помогите, — пронзительно закричал он, — грабят, на помощь!

И он огромными прыжками припустил вдоль темной дорожки — туда, где в прямоугольнике света только что видел милиционера.

Он уже заканчивал стометровку со спринтерской скоростью, продолжая призывать о помощи, когда совсем рядом строго прозвучало:

— Гражданин, прекратите нарушать... В чем дело?

— Там... грабители... раздеть хотели... там, — задыхаясь, начал Тимофей и остановился, чтобы перевести дыхание.

— Какие грабители? — недовольно возразил милиционер. — Я тут минут десять стою, только вас и видел. Это вы в ту сторону проходили?

— Я...

— Пить надо меньше, — строго сказал милиционер. — Тогда и нарушать не будем. Документ какой-нибудь есть?

— Честное слово, грабители. Вот, я у одного ножик забрал.

И Тимофей протянул милиционеру трофейный нож.

— Ого, — сказал милиционер. — Ничего себе инструмент.

Он с интересом оглядел нож, раскрыл его, закрыл, пронзительно поглядел на Тимофея и уже совершенно официальным тоном произнес:

— Значит, так. Задерживаю вас, гражданин. Пройдемте!

— Так они же убегут, — возмущенно закричал Тимофей. — Двое и убегут. Вы отвечать будете.

— Кто убежит?

— Грабители. Они еще лежат, а придут в себя и убегут.

— Почему лежат?

— Ну я их... Как это? Воспользовался правом допустимой самообороны...

— Воспользовался, значит, — повторил милиционер, глядя в упор на Тимофея и кладя руку на кобуру. — Так сколько их, говоришь, было?

— Двое... Длинный худой и покороче. Я, значит, нож у длинного... вырвал и ему... левой в поддыхало, а того, что покороче... ремнем.

— Ремнем, — оторопело повторил милиционер и расстегнул кобуру.

— Да... Слышите, это он... маму вспоминает... Вот опять.

Они прислушались. Из темноты явственно донеслось какое-то бульканье и потом протяжное: «О-ох, мам-а...»

— А ну пошли, — решил милиционер. — Только вы, гражданин, вперед и, вот что, руки на голову положите...

Тимофей послушно поднял руки, положил их на свою мокрую шляпу и смело шагнул в темноту аллеи. За плечами он слышал напряженное дыхание провожающего.

Приближаясь к месту происшествия, Тимофей невольно замедлил шаги.

— Ну, — раздалось сзади.

— Где-то здесь, — шепнул Тимофей. — Сейчас... Вы бы, товарищ сержант, пистолет приготовили.

— Шагай, шагай!

Совсем близко послышался стон.

Вспыхнул яркий сноп света. На асфальте лежали двое. Долговязый еще так и не разогнулся. Коренастый лежал, вытянувшись, на животе. Попад в круг света, он дернулся и попытался уползти в кусты.

— Не шевелиться, — приказал милиционер, наводя пистолет то на одного, то на другого. Долговязый в ответ только прикрыл глаза, коренастый замер на месте и снова застонал.

Держа пистолет наготове, милиционер приблизил фонарик к лежавшим и по очереди оглядел их лица. Долговязый его явно заинтересовал. Он рассматривал его лицо внимательно и долго. Потом выпрямился и присвистнул. Обернувшись к Тимофею, который стоял рядом, он сказал уже совсем другим тоном:

— Ты вот что, снимай руки с головы. Будешь помогать... Интересно получилось...

«Еще бы», — подумал Тимофей. А вслух спросил:

— Что мне делать?

— Бери фонарь. Будешь светить.

Тимофей взял фонарь. Милиционер нагнулся, быстро обыскал лежавших. У долговязого извлек из бокового кармана что-то похожее на длинное шило, у коренастого — кастет и два бумажника. Обыскивая коренастого, милиционер хотел перевернуть его на спину, но тот застонал и повернулся опять на живот.

— Нечего притворяться, раз попался, — назидатель-

но сказал милиционер, распрямляясь. — Лежать и не шевелиться, — добавил он.

Тимофей подумал, что, пожалуй, коренастый не притворится...

Милиционер извлек откуда-то портативный радиотелефон и вызвал оперативную машину. Заканчивая свой краткий рапорт, он многозначительно сказал:

— Попался тот, кого искали... Со шрамом.

Милицейский УАЗ с синей мигалкой появился через несколько минут.

Долговязого пришлось нести в машину. Коренастый поплелся сам, держа руки на голове. В кузове он отказался сесть, а когда его попытались усадить силой, охнул, вскочил и присел на корточки, знаками показывая, что сидеть не может. По его искривленной от боли распухшей физиономии текли слезы.

— Чего это он? — спросил парень в штатском, приехавший в милицейской машине.

— Психует, что попался, — махнул рукой один из милиционеров.

— А кто их так?

— Вот этот, который задержал, — сказал другой милиционер, кивнув на Тимофея. — Чемпион какой-то по боксу или каратэ. Он и нож пружинный у одного отнял. А остальное они даже в ход пустить не успели.

Все присутствующие с уважением посмотрели на Тимофея.

— Вот какие люди возле нас живут, — сказал молодой лейтенант милиции, приехавший с оперативной машиной. — А мы иногда и не знаем, — добавил он сокрушенно.

И снова все уважительно посмотрели на Тимофея, который вдруг застеснялся и просто не знал, куда девать глаза и руки.

Заканчивая осмотр места происшествия, один из милиционеров поднял в кустах широкий поясной ремень с бляхами и разбитые черные очки.

— Ваши? — спросил лейтенант у Тимофея.

— Их... — лаконично объяснил Тимофей, кивнув в сторону машины.

— Так как же?... — начал удивленный лейтенант и почему-то вдруг поперхнулся.

— Там должны быть еще одни очки, — скромно сказал Тимофей. — Можно поискать с другой стороны в кустах.

Через минуту появились и вторые очки — целые.

— Тоже их?

— Тоже.

— Вот это разработка, — восхищенно сказал лейтенант, и все расступились, пропуская Тимофея в машину.

* * *

В отделении, пока дежурный записывал показания Тимофея, царила гробовая тишина. Молчали и оба задержанные. Долговязый понуро сидел на скамье за барьером, опустив руки и голову. Коренастый, поеживаясь, топтался рядом, иногда тихо постанывал.

— Все? — спросил дежурный, когда Тимофей замолчал.

— Кажется, все...

— Дела, — сказал дежурный, откладывая шариковую ручку. — Просто не поверил, если бы кто рассказал.

— Каратэ? — спросил молодой лейтенант, восторженно глядя на Тимофея.

— Как сказать... — замаялся Тимофей. — Почти... И еще... кое-что.

— Понятно.

— И долго тренировались? — спросил один из милиционеров.

— Да... пришлось поработать.

— Вот, товарищи, что может дать тренировка, —

сказал лейтенант, обводя присутствующих многозначительным взглядом. — Понятно? Работать надо!

Все закивали головами.

— Ну а вы, соколы, что скажете? — спросил дежурный, обращаясь к задержанным и снова беря шариковую ручку.

Ответом было молчание.

— Так ничего и не скажете?

— Недоразумение вышло, гражданин начальник, — начал, не поднимая головы, коренастый. — Прикурить мы попросили, и только... А товарищ чемпион не понял... Мы их, конечно, не виним... Но и мы не виноваты.

— А это? — дежурный кивнул на оружие, выложенное на столе.

— Я этого не касался, бронь боже, — замотал головой коренастый.

— Но кастет в кармане был?

— Ну был... Не мой. Ей-богу... Парня одного.

— А как его зовут, ты, конечно, не помнишь?

Коренастый промолчал.

— Да ты садись.

— Ничего, постою...

— Стой, если сидеть не можешь. Бумажники откуда?

— Нашли.

— В урне для мусора?

— Нет... Под скамейкой на бульваре.

— Так рядом и лежали?

— Так и лежали...

— А документы куда дели?

— Какие документы?

— Те, что тут были, — дежурный по очереди развернул бумажники и вытряхнул на стол их содержимое. — Тут сейчас одни деньги, и много денег... Ну так как, будете говорить?

Коренастый молчал.

— Ладно. Ступайте, подумайте. Время у вас до утра

достаточно. И не только до утра... Увести задержанных! — скомандовал он конвойным милиционерам.

Уже на пороге долговязый обернулся и бросил через плечо:

— Ничего нам не пришьете, кроме незаконного хранения холодного оружия. А вот этого... — он кивнул на Тимофея, — проверьте... Он еще и не такое может...

* * *

Домой Тимофея отвезли на дежурной милицейской машине.

«Адрес проверяют», — решил про себя Тимофей.

Водитель — молодой розовощекий милиционер — по пути пытался расспрашивать Тимофея об использованных им приемах самообороны. Особенно интересовал его нож и история с ремнем коренастого.

Тимофей, который вдруг почувствовал себя страшно разбитым и невероятно усталым, отвечал с трудом, односторонне.

Ответы настолько сбили водителя с толку, что он даже сбавил скорость.

— Значит, вы разжали ему пальцы правой руки, — снова начал водитель, морща лоб, — а он?

— Что он?

— Он-то что на это? Скажем, если вы начнете разжимать мне пальцы, я...

— А он просто ничего не успел, — вздохнул Тимофей. — Я ведь говорил, что эти приемы делаются быстро. Знаете, пожалуй, это легче показать, чем объяснить словами.

— Понятно, — сказал водитель и, помолчав, добавил: — Наш полковник, наверно, и попросит показать все по порядку.

«Еще не легче, — подумал Тимофей. — Что же теперь делать?»

Проснувшись на следующее утро, Тимофей сразу вспомнил свое невероятное приключение и некоторое время соображал, лежа, приснилось ему такое или действительно было. Муха назойливо жужжала рядом. Он отогнал ее и снова принялся думать, по привычке покусывая пальцы. Его размышление прервал настойчивый звон будильника. Тимофей протянул руку, чтобы выключить будильник, но передумал.

«Эх, была не была, — решил он. — Проверю...»

Он зажмурился и, сосредоточившись, мысленно произнес: «Остановись, время... на три секунды».

Сразу стало тихо. Тимофей медленно раскрыл глаза. В комнате ничего не изменилось. Утреннее солнце по-прежнему светило в открытое окно, но легкая занавеска, завернутая ветром, застыла в горизонтальном положении. Возле самого носа Тимофея неподвижно висела в воздухе муха. Впрочем, не совсем неподвижно. Ее перепончатые крылья медленно, очень медленно опускались и поднимались.

— Так, — удовлетворенно сказал Тимофей. — В порядке... Надо подумать...

Он осторожно взял муху двумя пальцами, оторвал крыло и отпустил. Муха осталась висеть в воздухе, медленно шевеля уцелевшим крылом.

— Полный порядок, — повторил Тимофей, наблюдая, как муха постепенно меняет положение и поворачивается вниз головой.

По расчетам Тимофея, три секунды прошли, но ничего не менялось. Занавеска в окне оставалась неподвижной, и однокрылая муха висела перед глазами. Правда, она приобрела вертикальное положение.

«Непонятно, — подумал Тимофей, — но подождем немного». Он начал считать про себя. Досчитал до ста. Ничего не изменилось. Кроме положения мухи. Она явно падала, но очень медленно.

«Видимо, придется это дело ускорить», — решил Тимофей. Для верности он снова зажмурился и мысленно произнес: «Ну, время, давай, иди нормально».

Тотчас пронзительно зазвонил будильник, затрепыхалась занавеска в окне, а на простыне забилась однокрылая муха.

— Фантастика какая-то, — вслух сказал Тимофей. — Просто черт знает что такое! Уж не схожу ли с ума?

Он выключил будильник, встал, застелил постель. Муху осторожно перенес в пепельницу. И она там ползала, печально жужжа. В глубокой задумчивости Тимофей побрился, сварил кофе, выпил его, почти не ощущая вкуса, и отправился на работу.

* * *

В обеденный перерыв Тимофей все-таки не выдержал: по секрету рассказал своему приятелю Жоре, вместе с которым вчера отмечал получение премии, что вечером, возвращаясь домой, задержал двух бандитов.

Жора, конечно, не поверил. Тимофей разгорячился, стал рассказывать подробности. Жора поднял его на смех.

— Какие бандиты? Ты же «тепленький» был, когда расходились. Заснул по дороге, и приснилось...

Тимофей обиделся, хотел уйти, но Жора, у которого с утра было скверное настроение, решил отыгаться.

— Ребята, — закричал он на всю столовую, — слышали, Тим-то наш вчера бандитов задержал.

— Скотина, — зашипел Тимофей. — Я же тебе по секрету, как другу, а ты!

— Зачем по секрету, — не унимался Жора. — Раз герой, надо всем знать. У нас в НИИ героев давно не было. Так, значит, ты нож у него вырвал, а он...

— Отстань, — отбивался покрасневший Тимофей, пытаясь вырваться и уйти. Жора не пускал, хохотал

прямо в лицо. Вокруг смеялись. Тимофея так и подмывало двинуть Жоре в поддыхало, как вчера долговязому, но неожиданно пришло избавление. В столовой появился Петр Семенович — директор НИИ. Уже само его появление в столовой было событием; обед ему обычно носила в кабинет секретарша — Нинель Аристарховна. Петр Семенович огляделся и направился прямо к Тимофею. Сотрудники почтительно расступились. Петр Семенович улыбался сдержанно, но благосклонно.

Подойдя к Тимофею, он неожиданно протянул ему руку и, продолжая улыбаться, покачал головой:

— Хорошо, скромник. И не доложил, что отличился. Ну поздравляю, поздравляю!

Тимофей испуганно пожал похолодевшими пальцами холеную директорскую руку. Вокруг оторопело молчали. У Жоры отвалилась нижняя челюсть.

Директор обнял Тимофея и, похлопывая его по плечу, продолжал своим красивым, хорошо поставленным голосом:

— Что же, друзья! Поздравим нашего героя. Вчера вечером двух опасных бандитов обезоружил и задержал. Мне сейчас звонили из исполкома. Сообщили, что нашему товарищу Иванову Тимофею... э-э... — Директор запнулся.

— Кузьмичу, — подсказала неведомо откуда появившаяся Нинель Аристарховна.

— Так-так... Тимофею Кузьмичу, — директор ослепительно блеснул золотыми зубами, — нашим исполкомом объявлена благодарность, и он представлен к награде ценным подарком.

И директор сложил руки и зааплодировал Тимофею. Вокруг жидковато захлопали.

— Вот так, — сказал директор, когда хлопки стихли. — Герои — они среди нас... Тимофей э-э... Кузьмич, вы после перерыва загляните ко мне, пожалуйста, голубчик.

— Ага, — обалдело пробормотал Тимофей, глядя исподлобья на директора и по привычке покусывая пальцы левой руки.

После ухода директора Тимофею пришлось трижды рассказать, как он разделался с бандитами. В первом варианте рассказ показался слушателям слишком лаконичным. Они требовали подробностей, и Тимофею пришлось на ходу придумывать подробности... К счастью, обеденный перерыв кончился. Все направились в свои отделы, а Тимофея почти тотчас же пригласили к директору.

Визиты к начальству почти всегда бывали чреватые неприятностями, и Тимофей по возможности избегал их. В кабинете директора НИИ Тимофею довелось быть только однажды. Тогда Петр Семенович поручил ему оформить поздравительный адрес для какого-то Ильи Степановича из другого института. Переписывая от руки славянской вязью текст адреса, Тимофей наделал ошибок. Петр Семенович остался недоволен работой. Адрес был забракован; потом его еще раз переписывал Жора. Жора, конечно, не преминул раззвонить об ошибках Тимофея, соответственно приукрасив их. Над Тимофеем долго потешались, однако в конце концов эта история вышла ему на пользу. Больше его уже не привлекали ни к каким внеплановым работам по заданию начальства.

В кабинете Петра Семеновича на этот раз оказался еще один посетитель — крупный широкоплечий человек лет пятидесяти в отлично сшитом сером костюме и модной полосатой рубашке с ярким галстуком. У него было плоское безбровое лицо с тонкими бледными губами и очень внимательные маленькие глазки, которыми он принялся буравить Тимофея, едва тот появился на пороге.

Тимофей стесненно остановился у самой двери.

— Проходите, проходите, — ласково сказал из-за своего стола Петр Семенович и приветственно помахал

пухлой ручкой. — Вот познакомьтесь — это Иван Иванович. Вы его, конечно, знаете...

Тимофей понятия не имел, кто такой Иван Иванович. Он сделал несколько шагов вперед и, остановившись посреди кабинета на мягком пушистом ковре, коротко поклонился в бок Ивану Ивановичу.

— Вот он такой, наш герой, — чуть нараспев сказал Петр Семенович, обращаясь к Ивану Ивановичу. — Да вы садитесь, пожалуйста, Тимофей... Кузьмич.

Тимофей сделал еще несколько шагов и осторожно присел на край глубокого кожаного кресла, напротив Ивана Ивановича.

Продолжая сверлить Тимофея маленькими внимательными глазками, Иван Иванович, не вставая, протянул ему большую рыхлую руку и что-то сказал низким утробным голосом.

— Что, простите? — переспросил Тимофей, поспешно вскакивая и торопливо вытирая о штаны потные пальцы, прежде чем ответить на рукопожатие.

— Савельев, — пророкотал Иван Иванович, — Савельев говорю... Зампредседателя...

— Очень приятно, — пролепетал Тимофей, снова саясь в кресло и погружаясь куда-то в глубину.

— Вот так, — сказал Петр Семенович. Он сцепил короткие пухлые пальцы, оперся на них круглым розовым подбородком и стал глядеть по очереди то на Тимофея, то на Ивана Ивановича, переводя взгляд с одного на другого и поблескивая очками в толстой золотой оправе.

Тимофей чувствовал, от него ждут рассказа о вчерашнем, но он решительно не знал, с чего тут следует начать. Может, со вчерашней квартальной премии или с того постового на перекрестке?.. В кабинете работал кондиционер, было прохладно, но Тимофей явственно ощутил, что рубашка на спине взмокает от пота. Он шеvelyнулся в глубине своего кресла и вопросительно поглядел на директора.

— Так расскажите же нам, дорогой Тимофей Кузьмич, как это все происходило, — сказал Петр Семенович. Голос его теперь звучал отчужденно, и в нем слышались металлические нотки. — Вот и Иван Иванович хотел послушать...

Иван Иванович молча кивнул, не отрывая пристального взгляда от лица Тимофея. Спасительная мысль блеснула неожиданно... Тимофей вдруг вспомнил фильм «Зорро», который смотрел несколько раз. Зорро определенно мог ему помочь... И Тимофей решил попробовать...

Он выпрямился, насколько это было возможно в глубине кресла, проглотил набежавшую слюну и принялся рассказывать.

Он старался не смотреть ни на директора, ни на Ивана Ивановича, продолжавшего буравить его взглядом. Он рассказывал свое удивительное приключение маленькому позолоченному амурчику, который украшал крышку массивной малахитовой чернильницы, стоявшей на столе директора.

— Значит, так... Шел я по бульвару Мира вчера около десяти вечера. Возвращался из института... Темно, дождь... Вдруг двое в темных очках, один с ножом, другой с кастетом. Я, не долго думая, в первую позицию, ногой по кастету, а левой рукой молниеносный прием... «мю». Правой — отвлекающий удар в челюсть — второму, который с ножом. Вижу, он метит мне ножом в сердце. Нагибаюсь, ловлю нож на лету, складываю его, кладу в карман, применяю прием... «фю». И все, оба бандита на земле. Еще несколько молниеносных приемов, чтобы не удрали. И зову милиционера. Он, как и полагается, поблизости. Остальное неинтересно.

— Вот так у нас, — многозначительно вздохнул Петр Семенович. — Прямо научная фантастика... Молодец, ну, молодец... Придется премировать из директорского фонда. — Он многозначительно поднял па-

лец. — В следующем месяце. В этом уже все израсходовано...

— Тренируетесь ежедневно? — пророкотал Иван Иванович.

— Конечно...

— И сколько в среднем?

— Три... то есть я хотел сказать — теперь час-полтора... Чтобы не выйти из формы. Раньше приходилось больше.

— И давно этим занимаетесь?

— С детства... То есть с седьмого класса...

— И в соревнованиях участвовали?

— Раньше случалось... Сейчас некогда... Вечерний институт... заканчиваю...

— Ясно, — резюмировал Иван Иванович. — Значит, так сделаем: ты здесь, Петр Семенович, в своем НИИ для начала секцию организуешь. Человек десять-пятнадцать. Руководители отделов и кое-кто из молодежи... И сам, конечно... Ни-ни — никаких отговорок... Для начала — час в день. Вместо производственной гимнастики... Я и своих ребят подкину. Кое-кого... Человечка три-четыре. Дело полезное. Потом можно расширить... Он, — Иван Иванович кивнул на Тимофея, — будет главным тренером. Оформить по совместительству, так, чтобы парню не обидно было. Талант надо поддерживать! Договорились?

— Но я... — начал Тимофей.

— Чего еще?

— Учусь на вечернем... Экзамены...

— Ну и учишься на здоровье... Тренировки днем в рабочее время.

— Так я на сдельной. Чертежник...

— Пустяки... Директор уладит!

— Может, после зимней сессии?

— Ни-ни... Со следующей недели... Так что готовься...

— Экзамен у меня скоро... Досрочный... то есть...

— Ничего-ничего... Если надо, позвоню ректору. Кто там у вас ректор?

— Ректор?.. — Тимофей растерялся. — Н-не знаю... То есть не помню... Вот замдекана — Аким Акимович Кнутов... А декан...

Тимофей попытался сообразить, кто же сейчас декан на вечернем. За годы учебы деканов сменилось несколько. Дубов? Или тот, который три года назад начерталку им читал?.. Как его фамилия?

— Ладно, — махнул рукой Иван Иванович. — Видно, что за начальством не бегаешь. Это хорошо. Сам узнаю и позвоню. Ну, а теперь главное, товарищ Иванов. За ваш смелый и, можно сказать, героический поступок, а вы помогли задержать опасного преступника, исполком нашего города объявляет вам благодарность и награждает часами — электронными с календарем и годом и прочее. Часы — самая что ни на есть новая модель. Вот такие, — и Иван Иванович сдвинул широкую манжету своей полосатой рубашки и показал сверкнувшие никелировкой наручные часы размером с небольшую электронно-счетную машинку с несколькими разноцветными шкалами.

Тимофей зачарованно уставился на это чудо техники, ожидая, что сейчас Иван Иванович снимет часы и вручит ему, но зампреда бросил взгляд на табло часов и покачал головой...

— Время-то бежит... Через десять минут заседание в исполкоме... Пойду... Твои сегодня в гравировку отдадим, — объяснил он Тимофею. — Так что вручим через несколько дней. Да ты вот что: напиши-ка сейчас поразборчивее на бумажке свою фамилию, имя, отчество, должность, год рождения... Что еще?.. — Он вопросительно взглянул на директора, который в ответ молча пожал плечами. — Еще, пожалуй, напиши «за задержание двух вооруженных преступников» и вчерашнюю дату...

Тимофей послушно написал все, что велел Иван

Иванович. Слово «вооруженных» заставило его задуматься: одно «н» или два?.. Он написал с одним «н», потом добавил второе, перечеркнул и исправил еще раз. Теперь это слово при желании можно было читать и с одним «н» и с двумя. Тимофей вздохнул, отдал бумажку Ивану Ивановичу, еще раз пожал его большую рыхлую руку, смущенно кивнул директору и отправился в свой отдел.

* * *

В милицию Тимофея вызвали через несколько дней, уже после того, как в исполкоме в торжественной обстановке ему вручили грамоту и наручные часы «Электроника» с дарственной надписью. На следующий день после вручения награды в вечерней газете появилась небольшая заметка о Тимофее, и он, возвращаясь с работы, останавливался у каждого газетного стенда и перечитывал эту заметку. А в киоске возле дома купил десять экземпляров газеты, пояснив старушке киоскерше, которую знал много лет: «Про меня сегодня написали». И показал — где... Старушка затрясла головой, сочувственно зацокала, но читать заметку не стала. Только отложила одну газету и, свернув ее, сунула в авоську, где лежали буханка хлеба и пакет с сахаром.

Одно было досадно... Журналист, написавший про Тимофея, спутал отчество. Вместо Иванова Тимофея Кузьмича в заметке говорилось про Иванова Тимофея Константиновича. Впрочем, знакомые едва ли обратят на это внимание. Большинство называло его просто Тимом, а многие, вероятно, даже и не помнили отчества...

Вызов в милицию испугал Тимофея. Опять все придется объяснять сначала. Да еще, пожалуй, предложат показать эти его «приемы». Тут и Зорро не поможет... А если объяснить, как в действительности было, разве поверят!.. Все эти дни Тимофей присматривался и прислушивался к себе как бы со стороны. Однако ничего

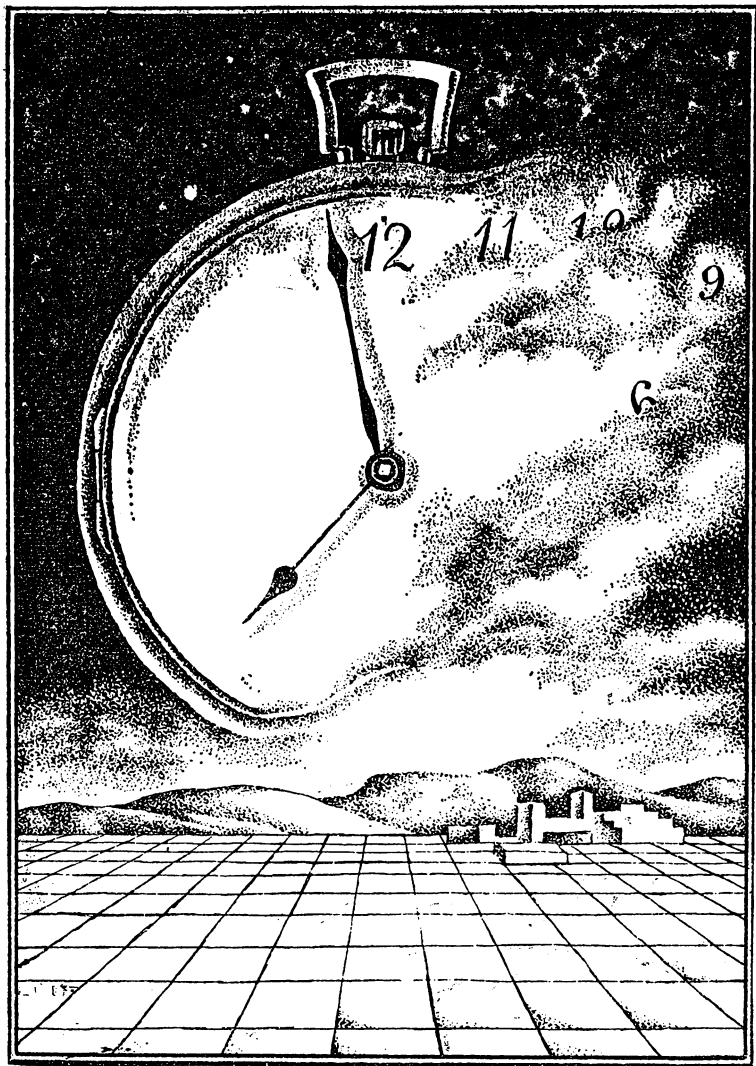
необыкновенного не замечалось... Все было привычно и обыденно. Пробовать останавливать время он больше не решался. А вдруг теперь ничего не получится! Сама эта мысль приводила его в ужас. Во всяком случае, если удивительная способность еще не исчезла, пользоваться ею надо с крайней осмотрительностью, в самых исключительных случаях. Скорее всего он владеет этой способностью в каком-то определенном объеме. В каком — он не знал... Любой объем составлял его — Тимофея — богатство. А богатство следовало беречь...

Он стал сосредоточен и молчалив... На работе это сразу заметили, но решили, что он просто задирает нос. Чтобы проучить «гордеца», условились при нем больше не вспоминать о его геройстве. Впрочем, когда Тимофея не было поблизости, разговоры неизменно возвращались к его поединку с бандитами. Вскоре некоторые девушки-чертежницы начали утверждать, что в Тимофее что-то есть... А Зойка Несерчаева во всеуслышание объявила, что всегда симпатизировала рыжим и вообще быть рыжим сейчас модно... И на следующий день перекрасила свои светлые волосы в рыжий цвет... Ее примеру последовали еще несколько чертежниц. Жора просто чернел и сох от неукротимой зависти, а Тимофей, казалось, ничего не замечал...

— Прикидывается, — сверкая глазами, утверждала Зойка. — Разыгрывает демоническую загадочность. Цену набивает! Ничего, подождем...

Впрочем, ее терпение быстро иссякло, и Зойка, вероятно, чтобы «расшевелить» Тимофея, стала вдруг необыкновенно внимательной к нему и заботливой.

А он, занятый своими мыслями, и этого не замечал. Когда Зойка на глазах всего отдела пропустила Тимофея перед собой вне очереди за кофе, он, вместо того, чтобы заказать кофе с пирожным и ей, заказал только одну порцию себе, а уходя от прилавка, ухитрился опрокинуть стакан с горячим кофе на ее новое платье. Он, конечно, расстроился, но совсем не так, как должен

был; поэтому Зойка долго и безутешно рыдала в туалете, пытаясь отмыть с платья отвратительные коричневые пятна.

Перед тем, как отправиться в милицию, Тимофей все-таки решил проверить, получается у него фокус со временем или нет.

Он положил перед собой свои электронные часы и, дрожа от волнения, мысленно приказал:

— Время остановись... пожалуйста... на две секунды...

Тотчас в зеленом окошечке электронного табло, где сменяли друг друга цифры, указывающие бег секунд, замерла без движения семерка. Судя по электронным часам, время остановилось. Тимофей перевел дыхание и вытер ладонью влажный лоб. Две секунды: сколько это давало времени ему? В комнате царила необычная тишина, хотя только что играло радио. Настенные часы тоже, казалось, остановились.

Тимофей решил посмотреть, что делается на лестнице. Он прошел в переднюю и быстро распахнул наружную дверь. На площадке стояла на одной ноге пожилая соседка, жившая этажом выше. Вторую ногу она подняла, чтобы поставить на ступеньку лестницы, но еще не успела этого сделать. Казалось, она застыла, выполняя па какого-то странного танца. В вытянутой вперед правой руке она держала на весу авоську с яйцами. На распахнувшуюся рядом дверь не обратила внимания и смотрела куда-то вверх и вперед. Тимофей подумал, что сейчас мог бы взять у нее из рук авоську с яйцами, занести к себе в квартиру, и она бы ничего не заметила. А потом, вероятно, рассказывала бы соседям про чудо с исчезнувшей авоськой... Однако сейчас Тимофея больше всего волновала продолжительность двух секунд... Когда время потечет нормально? Ведь не может же остановка продолжаться до бесконечности. Соседка все еще стояла неподвижно на одной ноге. Тимофей покачал головой, захлопнул входную дверь и

вернулся в комнату. В секундном окошечке электронных часов по-прежнему светилась семерка.

«Придется уточнить в другой раз, — решил Тимофей, — пора идти. Главное я проверил. Даже две секунды, это довольно много времени».

Глядя на табло часов, он мысленно приказал: «Время, нормальный ход».

Тотчас в секундном окошечке выскочила цифра «восемь», потом девятка, зазвучало радио и послышался чей-то громкий голос на лестнице.

«Ну, была не была, пойду», — решил Тимофей. Он засунул в карман открытку, присланную из милиции, надел плащ и снова открыл выходную дверь.

На площадке теперь оказалась целая толпа. Двери соседних квартир были открыты настежь. В дверях виднелись взволнованные лица соседей. Когда дверь квартиры Тимофея распахнулась, на площадке стало очень тихо, и все взгляды устремились на Тимофея.

— А может, эта, — услышал Тимофей чей-то голос. — Вы, молодой человек, минуту назад дверь не открывали?

На ступеньках лестницы, опершись спиной о перила, сидела соседка сверху — та самая, а рядом лежала авоська с разбитыми яйцами. Белок и желток, перемешавшись, уже образовали небольшие водопады, медленно стекавшие со ступеньки на ступеньку.

— Что случилось? — осторожно спросил Тимофей.

— Вроде кто-то дверь хлопнул... Мария Ивановна испугалась и яйца побила.

— Если бы хлопнул, — возразила Мария Ивановна, продолжая сидеть на ступеньках. — Что я, не слыхала, как дверьми хлопают? Не хлопнул, а стрельнул, или словно бы тут бомба какая атомная лопнула над самым ухом.

— У вас, Тим, никто не стрелял? — поинтересовался сосед, стараясь заглянуть в квартиру Тимофея.

— А у вас? — невежливо отрезал Тимофей, запирая дверь.

Сосед глупо хихикнул.

— Показалось ей, наверно, — заметила одна из женщин. — Мы-то никто ничего не слышали.

— Показалось! — возмутилась Мария Ивановна, с трудом поднимаясь на ноги. — Три десятка яиц коту под хвост. А вот не показалось... Не иначе кто-то из вас схулиганил. Я это так не оставлю. Заявление участковому напишу...

— Лучше лестницу вымойте, — сказал сосед Тимофея. — Поскользнется кто-нибудь, ногу сломает.

— Ладно, не учи. Отдохну, вымою.

— А сейчас что будет?

— Ну, мой сам, если тебе не терпится...

— Ишь разошлась, — сказала одна из соседок. — Напачкала и еще скандалит. Мы сами заявление напишем. Коллективное, чтобы знала, как себя вести...

Сопровождаемый разгоравшейся перебранкой, Тимофей поспешно спустился с лестницы и вышел на улицу.

Он шел и думал, что все это не так просто... И вообще надо соблюдать осторожность, когда останавливаешь время.

* * *

В управлении милиции Тимофея ждали.

Дежурный, проверив его документы, коротко сказал:

— Вам к заместителю — майору Вепрову. Я проведу.

В кабинете, куда дежурный привел Тимофея, кроме майора Вепрова, оказались еще несколько человек: худой лысый капитан в очках, старший лейтенант в новенькой с иголки милицмейской форме с академическим значком на кителе и грузный пожилой человек в штатском с коротко подстриженными седыми волосами.

Майор Вепров поздоровался с Тимофеем за руку и представил его остальным. Тимофей заметил, что капи-

тан посмотрел на него подозрительно, старший лейтенант с интересом, а пожилой в штатском, занятый раскуриванием трубки, даже не поднял глаз.

Майор сразу же перешел к делу:

— Понимаете, товарищ Иванов, вы нам, конечно, очень помогли, и мы вам за это благодарны, но кое-какие детали придется уточнить. Дело в том, что оба задержанные упорно твердят, будто вы их сначала загипнотизировали, а потом избили. В данной конкретной ситуации у вас, конечно, не было особенного выбора и все-таки, что вы скажете по поводу гипноза?

— Чушь какая-то, — пробормотал Тимофей. — Я абсолютно даже не знаю, как это делается...

Майор Вепров улыбнулся:

— Я так и думал. И все-таки, не могло ли это произойти подсознательно. Я имею в виду гипноз. Мы плохо знаем возможности нашего мозга. Ваше возбуждение, нервное потрясение могли стать, если хотите, спусковой пружиной для такого импульса биотоков вашего мозга, что мозг нападавших оказался подавленным, парализованным... Вы меня понимаете?

— Что, так сразу двоих? — подозрительно спросил Тимофей, начиная думать, что его хотят заманить в какую-то ловушку.

— Мы сейчас рассматриваем гипотетическую возможность... Задержанные утверждают, что были как бы парализованы и не могли сопротивляться... Конечно, уголовная практика достоверно таких случаев не знает, но извините, мне тоже, например, неизвестно достоверных случаев, чтобы одна особа, безоружная и отнюдь не геркулесовского сложения — смогла обезоружить и вывести из строя двух опытных вооруженных громил. А вы, товарищ Иванов, вышли из этого поединка не только с честью, но и без малейшей царапины. Так ведь?

Тимофей мрачно кивнул.

— А помните сенсационную историю с японской певицей, которая одна, применив каратэ, управилась с тре-

мя гангстерами, проникшими в ее костюмерную? — воскликнул старший лейтенант.

— Помню, — отрезал майор Вепров. — Но я говорил о достоверных случаях, известных мне лично...

У Тимофея мелькнула мысль, что майор Вепров, может, и недалек от истины... Может, все это действительно гипноз и самовнушение, а никакая не относительность времени?.. Может, он, Тимофей Иванов, в итоге окажется знаменитым гипнотизером? Даже еще неизвестно, что лучше... И, пожалуй, хорошо, что в милиции сомневаются. Может, обойдется без показа его «приемов»?

— Я, конечно, не знаю, как оно могло быть с биотоками, — сказал он, глядя исподлобья на майора, — но я даже никогда не думал, что могу такое...

— Что именно не думали, что можете? — резко спросил вдруг капитан в очках.

— Ну, загипнотизировать...

— Это мы еще проверим, — пообещал капитан. — А каратэ вы занимались?

— Ну, занимался... Правда, не совсем каратэ...

— Где? И что значит не совсем каратэ?

— Сам занимался... Сам...

— Как можно одному заниматься каратэ? Что вы нам рассказываете, Иванов? И почему вы не ответили на мой второй вопрос?

— На какой вопрос?

— Что значит «занимался не совсем каратэ»? Чем именно вы занимались?

Тимофей вдруг почувствовал, что его начинает захлестывать волна возмущения. Почему этот капитан так с ним разговаривает? А остальные молчат... В чем он, собственно, виноват? Бандитов он помог задержать? Помог. Наградили его за это? Наградили... Так в чем дело?

— А почему, собственно, вы разговариваете со мной таким образом, товарищ капитан? — начал Тимофей дрожащим от негодования голосом. — Что я — преступник, как эти бандиты? Они же меня ограбить хотели и

ограбили бы под носом у вашего постового. А могли и убить. И если я свои приемы использовал для самообороны, так что в этом плохого? Этого... как это называется... допустимого предела самообороны я не превысил. Или, может, по-вашему, превысил? Может, вам их жалко стало, этих подонков...

— Успокойтесь, товарищ Иванов, — сказал майор Вепров. — Никто вас ни в чем не обвиняет и не подозревает.

— А почему он со мной так разговаривать стал?

— Не «он», а «капитан милиции», — дернулся лысый капитан и даже постучал костяшками пальцев по крышке стола.

— И нечего на меня пальцами стучать, — окончательно обозлился Тимофей. — Я человек нервный. Знаете, сколько мне нервов стоила эта встреча с бандитами?

— Знаем, знаем, успокойтесь, — снова сказал майор. — А ты тоже этот свой тон оставь, — шепнул он, наклоняясь к капитану. — Поймите, товарищ Иванов, мы только хотели с вашей помощью установить, могли ли вы... — он на мгновение остановился, подбирая нужное слово, — могли бы ли вы...

— Что мог бы, — закричал Тимофей, — загипнотизировать кого-нибудь? Ну, проверяйте... Хоть сейчас... Что, могу я кого-нибудь из вас загипнотизировать? Ну!

Он оперся руками о колени, вытаращил глаза и уставился сначала на капитана, потом на старшего лейтенанта, потом на пожилого в штатском, который от изумления даже приоткрыл рот и чуть не выронил трубку.

У капитана от возмущения задергалась щека, а старший лейтенант развеселился и сделал вид, что аплодирует Тимофею.

— Перестаньте паясничать, Иванов, — с неудовольствием заметил майор. — Вам это совсем не к лицу. Вы сегодня очень возбуждены. Давайте прекратим наш разговор. Где ваш пропуск?

— Минуту, — поднял руку капитан. — Только одну

минуту, чтобы это время не оказалось полностью потерянным. Можете вы сейчас показать один из ваших «приемов», товарищ Иванов?

— Каких приемов?

— Один из приемов, которые вы применили, когда обезоруживали бандитов?

«Ах, чтоб тебя! — подумал Тимофей. — Что же делать: психануть еще разок или рискнуть?.. Была не была: рискну, пожалуй...»

— Могу, — сказал он вслух, глядя прямо в очки капитана.

— Позвольте, позвольте, — запротестовал майор, — в спортзале сейчас ответственная тренировка, ее нельзя прерывать.

— А зачем зал? — презрительно усмехнулся капитан. — Здесь пусть покажет. Места достаточно.

«Хорошо бы его проучить, — мелькнуло в голове Тимофея. — Ну ладно, посмотрим...»

— Так мне что — одному показать? — спросил он, поглядывая на капитана.

— Покажите один, — кивнул майор Вепров.

Тимофей встал, потянулся, поболтал кистями рук и вышел на середину комнаты. Все, включая и пожилого в штатском, с любопытством глядели на него.

— Отнимаю нож у нападающего, — объявил Тимофей.

Он нахмурился, закусил губы, подпрыгнул на полусогнутых ногах, поднял руки с растопыренными пальцами и занял положение, подобное тому, какое принимает боксер перед началом очередной схватки. Потом медленно протянул вперед правую руку, сжал пальцы, словно хватая что-то, и осторожно двумя пальцами левой извлек из своей правой воображаемое лезвие ножа. Затем он повернулся к своим зрителям и поклонился.

Все четверо глядели на него с изумлением, а бледное лицо капитана начало багроветь.

— Конечно, все это делается гораздо быстрее, — не-

винно заметил Тимофей, делая вид, что вытирает платком пот со лба.

— Как быстрее? — хрипло спросил капитан.

— Гораздо, гораздо быстрее, во много раз.

— Покажите.

Тимофей повторил всю пантомиму, несколько ускорив движения.

— И это все? — капитан едва сдерживал негодование.

— Все... Только надо еще быстрее.

— Да как быстрее, черт побери! Что морочите нам головы! Покажите с той быстротой, на которую способны.

— Но тогда вы ничего не увидите, — возразил Тимофей.

— Это еще почему?

— Движения будут слишком быстрыми.

— Не волнуйтесь, — усмехнулся капитан, хотя его глаза за стеклами очков стали почти бесцветными от злости. — Я как-нибудь разгляжу. Давайте.

— Пожалуйста, — сказал Тимофей.

Он в третий раз занял исходную позицию, постоял несколько секунд неподвижно, потом повернулся к капитану и, глядя прямо ему в очки, спокойно объявил:

— Все.

— Но вы даже не пошевелились! — закричал капитан. — Это уже надувательство.

Тимофей молча пожал плечами.

— Надувательство, — громко повторил капитан. — Что вы себе позволяете?

— Но ведь я обезоружил бандитов. Это же факт, — очень тихо сказал Тимофей и покачал головой.

— Нет-нет, я кое-что успел заметить, — объявил старший лейтенант, — но движения были действительно молниеносны.

— Ерунда, — твердил капитан.

Майор Вепров, покусывая мундштук нераскуренной

папиросы, с сомнением поглядывал то на капитана, то на старшего лейтенанта.

Неожиданно напомнил о себе пожилой в штатском. Он постучал трубкой по столу и, когда все взглянули на него, взял со стола небольшую пластмассовую линейку и молча протянул ее капитану.

Капитан удивился, но линейку взял.

— Иди, иди, — покашливая, сказал пожилой в штатском, — попробуйте-ка разыграть в четыре руки...

Капитан заметно смутился. Он встал из-за стола и медленно вышел с линейкой на середину кабинета.

Подойдя к Тимофею сказал, не глядя на него:

— Будете еще раз повторять? Вы, вероятно, устали?

— Устал, — подтвердил Тимофей, — но попробую.

— Что мы будем делать? — спросил капитан.

— Я отниму у вас линейку.

— И все? — подозрительно нахмурился капитан.

— А что вы еще хотели?

— Нет, ничего... Вы используете те движения, которые показывали?

— Угу, — кивнул Тимофей, думая только о том, удастся ему сейчас или не удастся задержать время. Ну, если не удастся, скажу, что от усталости...

— Исходное расстояние три шага, — сказал капитан.

— Два, — возразил Тимофей.

— Нет, три.

— Два... Вам же будет легче. Успеете ударить линейкой, я проиграл, и этот мой прием на вас, товарищ капитан, не годится.

— Ну хорошо, — согласился капитан, видимо польщенный. — Значит, если я успею ударить вас линейкой, на этом кончаем.

— Кончаем, — повторил как эхо Тимофей. — Вы готовы?

— Сейчас, — сказал капитан.

Он отступил на два шага, пригнулся, согнул ноги в

коленях и занял почти такую же позицию, как Тимофей в начале показа. Линейку он судорожно сжимал в правой руке.

Тимофей критически оглядел его и посоветовал держаться менее напряженно. Капитан в ответ только сверкнул очками. Тимофей потряс кистями рук, и капитан повторил этот жест. Потом Тимофей повернулся к зрителям, которые следили за их приготовлениями затаив дыхание.

— Товарищ майор, — попросил Тимофей, — может, вы подадите нам сигнал начинать? Чтобы все было по правилам.

— Ладно, — согласился майор. — Я хлопну три раза в ладоши. По третьему хлопку начнете.

Тимофей растопырил пальцы и повернулся к капитану.

— Осторожнее с очками, — предупредил майор капитана. — Может, лучше снимешь их?

— Не надо, — великодушно объявил Тимофей. — Буду действовать осторожно.

Капитан незаметно отступил на полшага. Тимофей поймал его взгляд и понял, что капитан очень волнуется.

«И правильно», — подумал Тимофей, обретая вдруг уверенность в успехе.

— Остановись время, — шепнул он, едва прозвучал третий хлопок. Наступила уже знакомая тишина. Тимофей неторопливо подошел к оцепеневшему капитану, не без труда извлек из его судорожно зажатой руки линейку, снял с капитана очки, сунул их себе в карман, потом заставил капитана нелепо растопырить руки, повернул его вполоборота к зрителям, вернулся на свое место, высоко поднял правую руку с линейкой и скомандовал времени: «Иди».

Эффект оказался поразительным. Капитан, которого Тимофей оставил в недостаточно устойчивом положении, устремился с растопыренными руками прямо перед собой и наскочил на письменный стол. С грохотом поле-

тели со стола графин с водой, ручки, настольная лампа с зеленым абажуром. Графин и абажур разлетелись на мелкие осколки в дальнем углу кабинета. Капитан оставился, держась за край стола, и растерянно шурился, пытаясь понять, что, собственно, произошло.

Первым обрел дар речи старший лейтенант.

— Вот это приемчик! — восторженно воскликнул он. — Вот это я понимаю! Что скажете? И никакого гипноза не требуется. Поздравляю, товарищ Иванов!

И старший лейтенант схватил руку Тимофея и принялся трясти ее.

Майор Вепров задумчиво покачал головой:

— Никогда бы не поверил, если бы сам не видел... Фантастика какая-то... — Он пожал плечами и посмотрел на капитана, который продолжал шуриться, держась руками за стол. — Слушай-ка, — продолжал он озабоченно, — а куда девались твои окуляры?

Все почему-то посмотрели в угол, где лежали осколки абажура и растекалась по паркету лужа воды.

— Не знаю, — пробормотал капитан, ощупывая свое лицо.

— Вот окуляры товарища капитана, — сказал Тимофей, извлекая из кармана аккуратно сложенные очки. — Пришлось их снять, на всякий случай, в момент обезоруживания.

Капитан прерывисто вздохнул и, не глядя на Тимофея, протянул руку за очками.

— Феноменально, — объявил старший лейтенант.

Майор Вепров промолчал. Он поглядел на Тимофея, потом на капитана, потом опять на Тимофея. Поднял с пола шариковую ручку и листок пропуска. Подписал пропуск и протянул Тимофею.

— Ну что же, — сказал он очень серьезно. — Спасибо, товарищ Иванов, идите отдыхайте. Может, мы вас еще разок потревожим, а может, и нет... Всего вам доброго.

— А в отпуск мне можно уехать? — поинтересовался

на всякий случай Тимофей. — Я в отпуске в этом году не был. Думаю в Крым поехать или на Кавказ...

— Поезжайте куда хотите, на здоровье.

— Только не прерывайте тренировок, — посоветовал старший лейтенант.

Облегченно выдохнув, Тимофей вышел в коридор.

После его ухода в кабинете некоторое время царило молчание.

— Вот такие пироги получаются, — заметил наконец майор Вепров. — Ну а ты, — обратился он к капитану, — ты ведь тоже каратэ занимался, чемпион. Что скажешь?

— Я абсолютно ничего не успел сделать, — расстроенно объяснял капитан. — Это было как молния.

— А вы, друзья, не догадались снять все это ускоренной съемкой? — поинтересовался пожилой в штатском, вынимая изо рта потухшую трубку.

— Не догадались, Пал Палыч, — сокрушенно сказал майор. — В следующий раз сделаем.

— Ни-ни, — погрозил пальцем Пал Палыч. — Никакого следующего раза. Оставьте пока парня в покое. Присматривайте за ним, конечно. Издали... С такими... способностями до беды недалеко. Вы меня поняли? Вот так. Людям верить надо... Раз говорит — тренировка, значит — тренировка. И у нас с этим пора порядок навести. Чтобы тренеры не зря деньги получали. Надо подготовить проект приказа. Ну ладно, поразвлекались, и хватит. Я пошел к себе...

С этими словами Пал Палыч поднялся, сунул в карман трубку и, тяжело ступая, вышел из кабинета.

— Ничего не понимаю, — покачал головой майор. — Просто чертовщина какая-то.

— Что вам, собственно, непонятно? — удивился старший лейтенант. — Тренировка... Вы слышали, и Пал Палыч тоже так думает. Йоги постоянными тренировками еще и не такого добиваются.

— Может, он действительно йог, — предположил капитан.

— Или пришелец из другой галактики, — невесело усмехнулся майор.

И снова все замолчали.

* * *

По дороге Тимофей почувствовал, что сильно проголодался, и завернул в гастроном. Народу в магазине было немного. На прилавке лежали аккуратные горки только что нарезанной ветчины. Стоя в очереди, Тимофей наметил себе горку, которую попросит. Однако мужчина, стоявший впереди, взял целый килограмм, и продавщица, набирая для него ветчину, бросила на весы и кусок, который приглянулся Тимофею. Когда подошла очередь Тимофея, нарезанной ветчины уже почти не оставалось, но рядом лежал аппетитный едва начатый окорок с симпатичной коричневой корочкой. Тимофей проглотил набежавшую слюну и отдал продавщице чек. Она быстро собрала с подноса остатки, шлепнула на весы.

— Нет, мне оттуда отрежьте, — запротестовал Тимофей и указал на окорок. — Обрезки мне не нужны. Беру всего двести граммов.

— Какие такие обрезки? — затараторила продавщица. — Мы обрезками не торгуем, у нас весь товар одинаковый. Заелись совсем... — И она принялась торопливо заворачивать отвешенную ветчину в бумагу.

— Отрежьте мне оттуда, — настойчиво повторил Тимофей. — Этого не возьму.

— А это куда девать буду? — завопила продавщица, швырнув пакет на прилавок под руки Тимофея.

— Не знаю. Я платил за ветчину, а не за обрезки.

— Не нравится, не бери, — отрезала продавщица, демонстративно поворачиваясь к Тимофею спиной.

— Жалобную книгу попрошу, — пригрозил Тимофей.

Очередь заволновалась, а какой-то солидный мужчина в кожаном пальто и модном трехцветном вязаном кепи — он стоял за Тимофеем — назидательно сказал:

— Нехорошо... При чем тут жалобная книга, молодой человек? Девушка все правильно сделала... Вы давайте проходите, не задерживайте очередь. — И он грубо потеснил Тимофея плечом.

— Что толкаетесь! — возмутился Тимофей. Но мужчина в кожаном пальто сделал вид, что не слышит, и, перегнувшись через прилавок, принялся что-то тихо объяснять продавщице. Та расцвела, закивала и начала старательно и деликатно нарезать тонкие пластики розовой ветчины от окорока, хотя на подносе еще лежало несколько размочаленных кусочков — таких же, какие она только что завернула Тимофею. Аккуратно нарезанные ломтики легли на весы; Тимофей заметил, что продавщица отвешивает тоже двести граммов.

Решение пришло мгновенно. Когда продавщица протянула аккуратный пакетик мужчине в кожаном пальто, Тимофей мысленно скомандовал: «Время, остановись...» Потом осторожно извлек из пальцев оцепеневшей продавщицы пакетик с ветчиной, вставил на его место свой с обрезками, взял с подноса ломтик белого ветчинного сала, сунул в открытый рот продавщицы, поддал плечом кожаное пальто и, лавируя среди неподвижных людских фигур, направился к выходу.

Проходя мимо кассы, он случайно заглянул внутрь и увидел пачки крупных купюр в выдвинутом ящике кассового аппарата. Застывшая кассирша рассматривала на свет пятидесятирублевку, только что полученную от накрашенной женщины в замшевом пальто.

У Тимофея перехватило дыхание. Он остановился и заглянул поверх стеклянной перегородки в кассу. Денег было очень много, и достаточно было протянуть руку, чтобы взять их, а потом уйти спокойно и безопасно... Все эти люди вокруг были сейчас персонами музея восковых фигур.

«Что со мной происходит, — думал Тимофей, тяжело дыша. — Что же это я? Да разве возможно такое? Никогда!.. Ни за что и никогда!».

И он стремительно выскочил из магазина и побежал по улице, петляя между неподвижными людскими фигурами. Только через три квартала в небольшом сквере он остановился и шепнул:

— Ну, время, давай, иди нормально...

Призрачный мир вокруг снова ожил, а Тимофей в изнеможении присел на скамейку, смертельно перепугав какую-то бабушку, гревшуюся на осеннем солнце. Старуха никак не могла сообразить, откуда взялся этот рыжий в черном плаще с бледным, без кровинки лицом и остановившимся взглядом. Она осторожно отодвинулась на самый край скамейки, перекрестилась, косясь на Тимофея, потом на всякий случай перекрестила его и, убедившись, что он все-таки не исчезает, кряхтя встала и поплелась к другой скамейке, от греха подальше.

* * *

Поразмыслив на бульваре, Тимофей решил, что теперь самое время попробовать сдать экзамен по теормеху. Поэтому вечером он отправился в институт и прежде всего зашел в вечерний деканат.

Замдекана Аким Акимыч Кнутов был на своем месте. Отчитывал очередного хвостиста. Дождавшись очереди, Тимофей присел к столу Акима Акимыча и молча положил перед ним листок бумаги.

— А, Иванов, — поднял на него глаза замдекана. — На отчисление?

— Что вы, Аким Акимыч! Я насчет теормеха...

— Сколько можно? Роза Львовна и слушать не хочет...

— Подготовлюсь, Аким Акимыч. Честное слово...

— Не знаю, не знаю... Даже если и выдuriшь у нее тройку, дальше-то что будет? Сессия на носу.

— Подготовлюсь, Аким Акимыч. Я сейчас мало пропускаю.

— Мало, мало, — повторил замдекана, роясь в своих бумагах. Ну конечно... Вот, пожалуйста; коллоквиум на прошлой неделе опять прогулял?

— Так получилось, Аким Акимыч. Целая история...

— У тебя, Иванов, вечно истории. Не одно, так другое... Нет, знаешь, я тебя на отчисление представляю. Сколько можно? Третий год на третьем курсе.

— Этот год будет переломным, слово даю.

— Все это ты проректору скажешь. Я больше не могу... У меня такие, как ты, вот где сидят. — И Аким Акимыч похлопал ладонью по своей худой шее.

— Аким Акимыч...

— Все, кончен разговор. Послезавтра придешь на прием к проректору.

Зазвонил телефон. Аким Акимыч взял трубку. Тимофей сидел совершенно растерянный, низко опустив голову. Что же теперь делать? Проректор с ним и разговаривать не станет. Подпишет отчисление, и конец. Может, рассказать Аким Акимычу про бандитов и про часы? А зачем? Скажет, что к теормеху это отношения не имеет, и вообще, скажет, последний срок сдачи был не на прошлой неделе, а месяц назад. И, в общем-то, это правильно... А может, рассказать ему про свое удивительное свойство, открывшееся на прошлой неделе? Но Тимофей тотчас прогнал эту мысль. Про такое лучше не рассказывать... Да и не поверит никто. Или подумают, что рехнулся... А что?.. Запросто могут подумать... Выхода явно не было; Тимофей тяжело вздохнул и поднял голову, намереваясь встать. Он заметил, что Аким Акимыч, прижав трубку левой рукой к левому уху, смотрит на него как-то странно. Видимо, сообразив, что Тимофей хочет уйти, Аким Акимыч, отрицательно затряс лохматой головой и ткнул указательным пальцем в крышку стола. Жест этот означал только одно — сиди... В душе Тимофея снова затепли-

лась надежда, и он стал прислушиваться к телефонному разговору. Но реплики Акима Акимыча были настолько отрывочны, что ничего понять было нельзя:

— Да... Нет... Может быть... Ну, не совсем олух... но около того... Понял... Понял... Не знаю... Тройки и то не с первого раза... Сейчас... Сейчас...

Тимофей подумал, что слова замдекана могут с равным основанием относиться и к нему и ко многим еще... Надежда снова начала угасать, но тут Аким Акимыч вдруг прервал разговор, и, прикрыв трубку ладонью, тихо спросил Тимофея:

— Вы где сейчас работаете?

Тимофей сказал, и Аким Акимыч тотчас повторил это невидимому собеседнику. Видимо, речь шла все-таки о Тимофее, и он снова с надеждой уставился на замдекана, стараясь не проронить ни слова.

На этот раз Аким Акимыч долго молчал, слушал, что говорилось на другом конце провода. Иногда он хмурился и раскрывал рот, но невидимый собеседник не позволил прервать себя. Только один раз Аким Акимыч громко сказал — «хм» — и с сомнением покачал головой. Потом он стал кивать и наконец сказал:

— Ясно... Все понял... Сделаем. — И положил трубку.

Тимофей ждал, не сводя с него глаз.

Аким Акимыч потер переносицу и придвинул к себе заявление Тимофея.

— Ну ладно, — сказал он задумчиво, — сдавай.

Тимофею показалось, что он ослышался.

— Теормех? Можно?... А когда, Аким Акимыч?

— Когда-когда? Когда готов будешь.

— Так срок-то какой даете?

— Какой еще срок! — вспылil вдруг замдекана. — Подготовитесь и сдавайте... Когда сможете.

— А Роза Львовна?

— Скажу ей завтра.

— Ух, ну спасибо, Аким Акимыч.

— Не за что! Ректор сейчас звонил, — замдекана указал на телефонный аппарат. — А ему из исполкома. Вот такое дело.

— Так я могу идти, Аким Акимыч? — спросил Тимофей, осторожно забирая со стола драгоценное решение.

— Пожалуйста, — дернул плечом замдекана. И уже, когда Тимофей был в дверях, Аким Акимыч вдруг подмигнул ему и спросил: — Кто это о тебе в исполкоме так печется?

— Дядя, наверно, — небрежно бросил Тимофей, прикрывая за собой дверь.

— Ух ты, — пробормотал Аким Акимыч, оставшись один. — Чуть не влип... Балда... — Он постучал кулаком по своей лохматой голове и углубился в бумаги.

* * *

На экзамен по теормеху Тимофей пришел во всеоружии... Он, конечно, готовился в последнюю ночь, а кроме того, в портфеле у него лежали два учебника, конспект лекций, взятый у знакомой девушки с четвертого курса, типовые решения задач и справочник по теоретической механике. Больше всего Тимофей надеялся на конспект и справочник, однако и в учебниках многие места он отметил закладками. Кроме того, в кармане у него были две «шпоры», сложенные гармошками, длинные, как солитеры.

Роза Львовна встретила Тимофея с видом обреченной великомученицы. На днях по поводу «этого Иванова» с ней долго и мутно разговаривал замдекана. Из разговора она уяснила только одно: и декан и ректор и еще какой-то «дядя Иванова» в исполкоме не допускают мысли, что студент-вечерник Иванов может четвертый раз подряд получить у нее двойку.

— Да проконсультируйте вы его и пустите к черту, то есть... с богом, — сказал в заключение замдекана.

— Уже консультировала, много раз.
— Еще проконсультируйте... Вода камень точит.
— Насчет камня, Аким Акимыч, я с вами согласна, но теоретическая механика, извините, не вода... будущему инженеру, а ведь мы с вами, кажется, готовим инженеров, без нее нельзя...

— Оставьте вы ваш ядовитый тон, — махнул рукой Аким Акимыч. — Одним дурнем больше, одним меньше, какая разница! Речь идет о тройке. А от тройки до двойки далеко ли? На производстве выучится, если дойдет до диплома.

— Приятно слышать такие речи от замдекана.

— А вы посидели бы на моем месте. Не то бы еще сказали.

— А вы на моем?

— Я экзамены тоже принимаю. Бывает: «три» пишу — «два» в уме...

— Ну хорошо, — вздохнула Роза Львовна. — Сдаюсь. Но учтите, в последний раз...

И она вышла из деканата с высоко поднятой головой, гордая тем, что донесет этот крест до конца...

«Крест» явился ей в лице Тимофея ровно в восемнадцать тридцать. Он поставил свой туго набитый портфель на столик возле дверей, вежливо поздоровался и положил перед ней экзаменационный листок с зачеткой.

— Может быть, у вас есть вопросы ко мне до экзамена? — жалобно спросила Роза Львовна.

Нет, вопросов у него не было.

— Ну хорошо, берите билет.

Он взял, не выбирая, верхний и, даже не посмотрев на него, пошел и сел в последний ряд.

Аудитория была совсем небольшая, их было только двое, и все-таки Роза Львовна запротестовала.

— Нет-нет, Иванов, садитесь поближе.

Он сел напротив нее во втором ряду, раскрыл чистую тетрадь и углубился в изучение билета.

«Странный он какой-то сегодня, — подумала Роза Львовна. — А может, все-таки подготовился и ответит что-нибудь?»

Она раскрыла журнал с только что опубликованной статьей по теории множеств и углубилась в чтение. Время от времени она поднимала глаза и подозрительно посматривала на Тимофея. Он сидел неподвижно, прикрыв ладонью глаза. Потом начал что-то писать, потом опять задумался. Роза Львовна прикинула, что он будет готовиться не меньше часа. Она за это время успеет прочитать статью, а может, и сделает выписки. Однако, к ее величайшему изумлению, через десять минут он поднялся и сказал, что готов отвечать. В тетради у него несколько страниц были исписаны мелким бисерным почерком.

«Когда он успел, — подумала Роза Львовна. — Наверно, списывал... Но как и когда?»

На всякий случай она бегло просмотрела его записи. Это были ответы на вопросы билета.

— Ну хорошо, я слушаю, — сказала она.

Он начал отвечать, поглядывая в свои записи. Первый вопрос, второй, третий... Он отвечал настолько прилично, что Роза Львовна не сочла возможным задавать дополнительные вопросы. Раз, правда, он сбился, но она не стала углубляться в его ошибку. У нее все время было ощущение, что они бредут по высоко натянутому канату, и если он сорвется, то, пожалуй, и она не сможет удержаться на высоте. Однако он благополучно дошел до конца третьего вопроса, отложил записи и билет и вопросительно взглянул на нее.

Она заколебалась. Задать ему дополнительный вопрос или нет? Дневнику за подобные ответы она могла бы с чистой совестью поставить четверку, без всяких дополнительных вопросов. Но тут четверка казалась ей кощунством. Экзамен сдавался в четвертый раз. «Задать все-таки один вопрос на сообразительность», — ре-

шила она. Он, конечно, не ответит, и я с полным основанием поставлю ему полноценную тройку.

Выслушав вопрос, Тимофей закусил губы.

— Можно подумать? — спросил он не очень уверенно.

— Думайте.

Он опять прикрыл ладонью глаза и некоторое время сидел неподвижно. Потом встрепенулся и начал что-то писать.

— Не надо записывать, — сказала Роза Львовна, — просто ответьте коротко, что получится.

Как ни странно, он ответил правильно. Не очень грамотно, но правильно... Опять получалась четверка, и Роза Львовна готова была заплакать от обиды. Ну какая же это четверка, если экзамен сдается в четвертый раз?!

Тимофей терпеливо ждал. «Кажется, он уверен, что отметка будет хорошей, — злорадно подумала Роза Львовна, — а я вот все-таки не поставлю четверку. Не поставлю, и все... Пусть жалуется, требует комиссию... Поставлю тройку».

Она объявила оценку, добавив, что снижает ее на один балл, потому что экзамен сдавался уже многократно.

— То есть многократно не сдавался, — поправилась она. — Сегодня вы отвечали вполне прилично, Иванов, но оценку за предмет я вам ставлю только «удовлетворительно». И если вы не согласны...

Он изумил ее еще раз, быстро заявив, что со всем согласен и благодарен ей.

— Спасибо и вам, — смущенно сказала Роза Львовна, — что все-таки выучили мой предмет.

Он усмехнулся как-то странно, попрощался и торопливо вышел.

Перед уходом из аудитории Роза Львовна все-таки заглянула внутрь стола, за которым он сидел. К ее величайшему облегчению, там ничего не оказалось.

Зимнюю экзаменационную сессию, к удивлению замдекана, Тимофей сдал успешно. Даже ухитрился получить две четверки. Аким Акимыч удивился еще больше, когда Тимофей, заглянув после сессии в деканат, объявил, что хочет кончать институт досрочно.

«Фантастика какая-то», — подумал замдекана и мысленно добавил — «ненаучная»; но вслух ничего не сказал, только плечами пожал; давай, мол, если сможешь...

Сам Тимофей лишь во время сессии по-настоящему оценил свой необыкновенный дар... В сущности, все оказалось чертовски просто. Останавливай время и учи сколько влезет. Хоть на работе, хоть дома... Начальник отдела сначала недобро косился на учебники, которые вдруг появились возле тимофеевского кульмана, однако молчал, потому что Тимофей стал значительно перевыполнять нормы и не заикался об отпуске, который ему полагался для сдачи экзаменов. А отпуска сотрудников в конце года, хоть и вполне законные, приводили начальника в состояние бессильной ярости, по причине горящих планов. Тимофей же молчал об отпуске потому, что задумал один эксперимент... Для этого эксперимента требовалось время, то есть отпуск, когда длительное исчезновение Тимофея могло пройти незамеченным. Ну а экзамены — с ними на этот раз удалось справиться без отрыва от НИИ.

Во время сессии Тимофей даже обрел вкус к занятиям. Если при сдаче первого экзамена в ход были пущены все пособия и подробные «шпоры», то на последнем Тимофей воспользовался лишь конспектом и то для перестраховки. На тройку материал был проработан. И тройку Тимофей законно получил бы без помощи конспекта. Ну а с конспектом вытянул на «четыре».

Для товарищей по отделу Тимофей стал полной за-

гадкой. Предположения, что он «загордился», что ему «газированная вода ударила в голову» отпали сами собой. Что-то с ним случилось, а вот что, никто не понимал... Отмечать премию он теперь отказывался, в кино вместе со всеми не ходил. На девушек-чертежниц не обращал внимания. Зойка просто с ума сходила от ревности, похудела и побледнела, отчего стала еще привлекательнее, а он — хоть бы что...

Жора, на остроты которого все вдруг как-то перестали реагировать, изнывал от осознанного и затаенного в глубине души ощущения собственной неполноценности рядом с Тимофеем. Когда распался в конце года спортивный кружок по освоению «приемов Иванова», как его называл сам Петр Семенович, который исправно посещал все занятия, Жора испытал только мимолетное удовольствие. А Тимофей, который на занятиях кружка играл роль дирижера в этом маленьком «оркестре» и который на глазах у всех от занятия к занятию все больше входил в расположение Петра Семеновича, не сделал ни малейшей попытки восстановить кружок своего имени. С точки зрения Жоры, все это было алогично, а где крылась причина, Жора не мог понять, как ни старался. И когда он читал во взгляде Тимофея вместо былой неуверенности и постоянной настороженности спокойную отрешенность и равнодушное превосходство, у него начинались колики где-то в желчном пузыре.

В довершение всех бед Тимофей получал теперь больше, чем Жора: за перевыполнение норм, за кружок... Могло даже случиться, что его выдвинут на Доску почета... А уж этого Жора не пережил бы.

Чтобы подправить свой явно пошатнувшийся авторитет, Жора решил на меру крайнюю, и с его собственной точки зрения весьма рискованную: он объявил, что поступает на вечернее отделение того самого института, в котором учился Тимофей. Это опромет-

чивое решение обернулось солью на его собственные незаживающие раны...

Тимофей, услышав о намерении Жоры, предложил ему помочь при подготовке к вступительным экзаменам. Жора счел момент благоприятным для ядовитой атаки.

— Нет уж, спасибо, Тим, — сказал он как можно радушнее, — я как-нибудь сам справлюсь. Лучше своими хвостами занимайся. А то ведь могут и исключить, не посмотрев, что ты у нас герой.

— Не хочешь, не надо, — пожал плечами Тимофей.

— Между прочим, Жорик, хвостов у Тима давно нет, — заявила Зойка. — А эту сессию он сдал лучше многих...

Тимофей удивился, что Зойка в курсе его последних институтских дел; он о них никому в НИИ не рассказывал. Потом он вспомнил, что видел ее однажды вечером в институте. «Вероятно, и она поступила на вечерний», — решил Тимофей и перестал об этом думать.

А Жора, которому очень нравилась Зойка, наоборот, думал об этом всю ночь, и, так как хорошо знал, что Зойка нигде не учится, он к утру решил поговорить и с Зойкой и с Тимофеем...

Подходящий случай представился на следующий день. Тимофей отпросился у начальника отдела и ушел на час раньше. Почти тотчас куда-то исчезла Зойка. Жора понял, что назначена встреча... С горечью во рту и с томлением в сердце он отправился на разведку.

До окончания работы оставался еще почти час. Жора спустился в вестибюль и обнаружил, что Зойкиного пальто на вешалке нет. Тогда он торопливо оделся и, соврав вахтерше, что идет в поликлинику, выскочил на улицу. Уже темнело, падал мокрый снег, и в десяти шагах ничего не было видно. Жора решил для начала проверить кассы кинотеатра, который находился поблизости; тем более что через полчаса должен был начаться очередной сеанс. Однако, едва повернув

за угол, Жора нос к носу столкнулся с Зойкой. Она торопливо шла навстречу в распахнутом пальто и небрежно брошенной на голову шерстяной косынке. В руках у нее была авоська со свертками. Авоська сначала удивила Жору, но он быстро сообразил, что, видимо, готовится более серьезная встреча у Зойки. Это открытие окончательно расстроило его.

— Жорик? — искренне удивилась Зойка, когда он преградил ей дорогу. — Ты куда собрался?

— А ты?

— Я? Никуда... На минуту в магазин забежала. Останусь сегодня работу кончать... Вот пожевать на вечер купила.

«Врет, ясно», — решил Жора и ядовито спросил:

— Что и Тимофей, конечно, останется?

— При чем тут Тимофей! — помрачнела Зойка.

— При том, что противно смотреть, как ты за ним бегаешь...

— А тебе-то что? Может, завидно?..

— Ох, Зойка! — В голосе Жоры послышалась угроза.

— Знаешь что, Жорик? Шагай-ка ты куда шагал. — Она попыталась обойти его, но он не позволил.

— Постой, мне надо с тобой поговорить...

— Не о чем нам разговаривать, Жора.

— Постой! — Он схватил ее за руку.

— Пусти...

Пытаясь вырваться, она поскользнулась и чуть не упала.

Неожиданно из снежной пелены возник Тимофей. При виде Жоры, который пытался удержать раскрасневшуюся, рассерженную Зойку, Тимофей в недоумении остановился.

— Ребята, вы что?

— А-а, значит, у вас тут встреча назначена, — зашипел Жора, отпуская Зойку.

— Скотина! — прошептала Зойка и, размахнувшись, вцепилась Жоре звонкую пощечину.

— Ах ты... — завопил Жора и так сильно оттолкнул Зойку, что она не удержалась и упала. Тимофей растерялся: то ли помочь Зойке, то ли проучить этого Жору? Так как Зойка, казалось, в полном недоумении сидела на снегу и Жора не делал ни малейшей попытки помочь ей, Тимофей выбрал первое.

— Ошалел? — крикнул он Жоре и принялся поднимать Зойку. Она медленно встала, держась за него, но когда Тимофей хотел собрать ее рассыпавшиеся покупки, она вдруг уткнулась ему в плечо и громко детски заплакала.

— Ну-ну, успокойся, Зоя, — тихо сказал Тимофей. — Успокойся... Ты ушиблась, что ли?

Зойка затрясла головой, продолжая всхлипывать. Жора молча наблюдал эту сцену. Тимофей мельком взглянул на него. Одна щека у Жоры была белая, а другая побагровела.

— Ну и хам же ты, Жора, — заметил Тимофей и, покачав головой, добавил: — Просто подонок...

— Ага, — подтвердила Зойка, вытирая слезы.

— Ну, кто из нас подонок, товарищ Иванов, это мы еще выясним, — угрожающе сказал Жора, делая шаг вперед. — Вали отсюда... У нас с ней личный разговор.

Тимофей с изумлением взглянул на Зойку. Она возмущенно затрясла головой.

— Он напился, что ли? — тихо спросил Тимофей у Зойки.

— Откуда я знаю! Просто одурел...

— Иди отсюда, пока цел, — повторил сквозь зубы Жора и, сделав еще шаг вперед, вдруг схватил Тимофея за плечо и сильно встряхнул.

Тимофей попробовал освободить плечо, но не смог. Жора держал его цепко.

— Отпусти, — сказал Тимофей, упираясь обеими руками в грудь Жоры и пробуя оттолкнуть его.

— Ах так,— завопил Жора,— драться хочешь! Ну так получай, получай!..

И он принялся молотить Тимофея кулаками, стараясь попасть в лицо и в горло.

Тимофей вначале только заслонялся от кулаков Жоры, но когда один из ударов пришелся по носу и Тимофей почувствовал на губах соленый вкус крови, он разозлился и сам перешел в наступление.

— Ребята, вы что, ребята, перестаньте! — кричала перепуганная Зойка, крутясь около них. — Тим, перестань... Жорка, ну хватит... Ребята!

Тимофей ослабил натиск и в этот момент получил такой удар в ухо, что кувырком полетел на землю. Ошеломленный падением, он еще не успел подняться, когда подскочивший Жора снова опрокинул его ударом ноги. Этот прием, видимо, понравился Жоре, и он принялся избивать лежащего Тимофея ногами, стараясь попасть в живот и в голову.

— Жорка, перестань, убьешь его, перестань, — громко кричала Зойка, стараясь оттащить Жору от лежащего Тимофея. — Помогите кто-нибудь...

Повернув к ней искривленное яростью лицо, Жора наотмашь ударил Зойку по голове.

Она тоже упала и, уже лежа на снегу, крикнула с обидой и болью:

— Тим, что же ты! Ну примени какой-нибудь прием...

«Да, действительно, — мелькнуло в голове лежащего Тимофея, который только заслонялся от сыпавшихся на него со всех сторон ударов. — Что это я? Время, стой!..»

Тишина... Замершие в воздухе снежинки. Неподвижный Жора с занесенной для удара ногой... Тимофей с трудом поднялся. Все тело ныло. Лицо было мокрое. Он провел ладонью по лицу. Кровь... Рядом на снегу сидела Зойка, глядя на Тимофея широко раскрытыми немигающими глазами. Он хотел помочь ей, но пере-

думал. Обернулся к Жоре. Тот застыл на одной ноге, как в развороте лихого танца. На носке ботинка другой высоко поднятой ноги виднелась кровь. Это была его — Тимофея — кровь...

— Ну, Жора, ну друг! — ошеломленно пробормотал Тимофей и осуждающе покачал головой. — Вот ведь каков...

Бить Жору было противно, и Тимофей, заглянув в неподвижные, побелевшие от ярости глаза Жоры, решил наказать его иначе... В двадцати шагах от места схватки на пустынном бульваре находился фонтан «Хрустальная струя». Он еще действовал. Ровная, словно стеклянная лента воды обрывалась с бетонной ступени в небольшой водоем, окруженный узкими деревянными ящиками, в которых летом были цветы.

Тимофей подхватил под руки неподвижного Жору, не без труда доволоч до фонтана и, раздвинув ногой ящики, окунул его в бассейн с водой, на поверхности которой искрились тонкие прозрачные льдинки. Воды в бассейне оказалось Жоре по пояс. Этого было явно недостаточно. Тимофей подтянул Жору к неподвижной хрустальной струе, которая накрыла его до плеч, подобно блестящей мантии.

Полюбовавшись на дело своих рук, Тимофей прихрамывая возвратился к Зойке и пустил время в ход. Тотчас вокруг них закружились снежинки, и Зойка радостно сказала:

— Тим, милый, ты жив?.. Боже, что он с тобой сделал... Дай, оботру тебе лицо.

Тимофей помог ей встать, и она принялась осторожно вытирать его лицо своим носовым платком, а потом газовой косынкой, которую сняла с шеи. И на платке и на косынке Тимофей заметил краем глаза темно-красные пятна.

— А где он? — вдруг с испугом спросила Зойка и оглянулась по сторонам.

«Действительно, что с ним? — подумал Тимофей. — Не захлебнулся бы».

В этот момент послышалась странная возня, фырканье, плеск воды, и Тимофей разглядел сквозь снежную мглу, как что-то темное выбралось на четвереньках из бассейна, судорожными рывками поднялось на ноги и, тихо скуля и подвывая, рвануло вдоль бульвара.

— Ой, Тим, что ты с ним сделал? — прошептала пораженная Зойка, глядя на Тимофея широко раскрытыми глазами, в которых читались и восторг, и ужас, и восхищение.

— А я ему п-поддал, и он — в бассейн, — сказал Тимофей и вдруг почувствовал, что у него подгибаются колени. Он пошатнулся, ухватился за Зойку. Она поняла: осторожно поддержала его, а потом он вдруг увидел ее лицо совсем близко и ощутил на своих израненных губах осторожное прикосновение ее прохладных нежных губ.

* * *

На другой день Жора на работу не вышел, а в обеденный перерыв по НИИ пополз слушок, что вчера вечером Тимофей Иванов зверски избил Жору из-за Зойки...

Проверить ничего было нельзя. Тимофея и Зойку вместе с целой бригадой сотрудников НИИ с утра послали в овощехранилище сортировать картошку. Они вернулись в институт только к концу рабочего дня, и слухи тотчас получили подтверждение: во-первых, у Тимофея вся физиономия была в синяках, ссадинах и зеленке, а во-вторых, его тотчас же вызвали в местком. Зойка, узнав, в чем дело, попыталась опровергнуть слухи и стала рассказывать, как все происходило в действительности. Ее слушали, загадочно улыбаясь, а неизвестно откуда взявшаяся Нинель Аристарховна нравоучительно заметила:

— Уж вам-то, моя милая, в этой ситуации лучше помолчать...

Зойка густо покраснела и ринулась к председателю месткома. Распахнув без стука дверь его кабинета, она обнаружила, что там полно людей. В центре их внимания был Тимофей, который сидел на стуле, низко опустив голову. Председатель месткома, увидев Зойку, сказал не допускающим возражений тоном:

— Я занят. Не заходите. — И многозначительно пообещал: — Вас еще вызовем...

Заседание в месткоме затянулось. Зойка решила дожидаться его окончания. Ждать пришлось долго. В конце концов дверь распахнулась и из кабинета начали выходить участники заседания. Большинство делали вид, что не замечают Зойку, которая стояла у самых дверей. Некоторые исподтишка поглядывали на нее с откровенным любопытством. Тимофей вышел одним из последних. Он тоже хотел проскользнуть мимо Зойки, но она схватила его за руку и пошла рядом. Он хмуро косился на нее и молчал.

В вестибюле она заставила его сесть на скамейку и сама села рядом. Тимофей продолжал молчать. Наконец она не выдержала:

— Ну в чем дело, Тим? Он наврал что-нибудь?

— Наврал...

— Что именно.

— Заявление прислал... Что он хотел по-хорошему, я его избил и пытался утопить... И какой-то там акт медицинской экспертизы... Пишет, что подаст на меня в суд за избиение и чтобы меня исключили из профсоюза.

Зойка схватилась за голову:

— Эх, Тим, мы с тобой вчера не сообразили... Надо было тебе идти в поликлинику и взять справку от врача, что тебя избили. Это еще и сегодня не поздно.

Тимофей махнул рукой:

— Никуда я не пойду... Понимаешь, почему-то они

все, — он кивнул в сторону месткома, — ну все, как один, против меня. И ничему не хотят верить.

— Поверят... Вон, как он тебя изуродовал. Я же молчать не стану. Он сначала меня зацепил...

— Понимаешь, Зойка, он и про тебя в заявлении написал... Такое... — Тимофей махнул рукой.

— А что он мог про меня написать? — искренне удивилась Зойка. — Что по морде ему съездила? Так за дело.

— Не знаю, — расстроено сказал Тимофей. — Я ведь не знаю, что там у вас с ним было...

— Ничего не было...

Тимофей настороженно взглянул на нее.

— А вот он написал...

— Да что написал-то?

— Много... Ну, в общем, что... — Тимофей замаялся. — Ну, жил с тобой.

Зойка онемела от изумления. У нее даже перехватило дыхание. Она хотела что-то сказать и не могла. Наконец она с трудом выдавила:

— Врешь, Тим...

— Ну что ты! — пожал плечами Тимофей.

— Да как он мог?

— А еще написал, что... ты от него ушла и... мы с тобой... ну, понимаешь?.. А он хотел заставить тебя вернуться

Зойка вдруг расхохоталась:

— Очумел совсем. Что за дурак!

Тимофей удивленно взглянул на нее. После двухчасовых разговоров в месткоме все это совсем не казалось ему смешным.

— Значит, справку взял из поликлиники, — сказала Зойка, становясь вдруг серьезной. — Что ж, и я могу справку взять... — она закусил губы и умолкла.

— Какую справку? — не понял Тимофей.

— А вот увидишь... И возьму, если они не оставят

тебя в покое... Так что не беспокойся, Тим, все будет хорошо... Ну, пока... Я сегодня остаюсь работать.

И она убежала наверх.

Тимофей махнул рукой и пошел одеваться.

* * *

В покое их, однако, не оставили...

Уже на следующий день вокруг них сомкнулось кольцо отчуждения. В отделе многозначительно переглядывались, поглядывали на Тимофея и Зойку с усмешками, шептались, но сразу умолкали, как только кто-то из них оказывался близко. Зойкины подружки-чертежницы старательно избегали ее удивленных взглядов, отвечали односложно, сами не заговаривали с ней. Зойка обиделась и расстроилась, даже всплакнула в обеденный перерыв, а Тимофей еще больше замкнулся и совсем перестал отзываться. Зойке с трудом удалось вытянуть из него несколько слов.

Жора появился в отделе через два дня. Он пришел с палкой, прихрамывал, страдальчески кривился, шея была замотана теплым шарфом. К удивлению многих, на лице у Жоры не было ни кровоподтеков, ни ссадин. Только нос был красный и распух. Впрочем, скоро все догадались, что это от насморка. Жора часто и громко чихал... Тимофея и Зойку он демонстративно не заметил. Разумеется, они ответили тем же. Со всеми остальными сотрудниками и особенно с сотрудницами отдела Жора был очень сердечен. Он по очереди обошел всех и подолгу каждому что-то тихо рассказывал. И все сокрушенно качали головами и осуждающе поглядывали в сторону Тимофея и Зойки.

Бесконечные разговоры так и не позволили Жоре до перерыва взяться за работу. После обеденного перерыва начальник отдела осторожно поинтересовался у Жоры, по какое число у него бюллетень. Жора чихнул и небрежно объяснил, что от бюллетеня отказался, поэтому можно считать, что он уже на работе.

— Ну, тогда давай... — сказал начальник.

— Да, да, — пообещал Жора и ушел в местком.

В месткоме он пробыл долго, а когда возвратился, туда вызвали Зойку. Она вернулась довольно быстро, раскрасневшаяся и очень возбужденная, бросила странный взгляд на Жору и издали от своего стола усмехнулась Тимофею. Смысла этой улыбки Тимофей не понял. В кармане у него лежал полученный утром вызов в милицию, и Тимофей весь день гадал — приглашают ли его в связи с задержанными бандитами или уже сработало заявление Жоры. Чтобы успеть к назначенному часу, Тимофею опять пришлось отпрашиваться у начальника. Он показал вызов. Начальник вздохнул, покачал головой и поинтересовался, как у Тимофея с работой; чертежи были срочные...

Тимофей заверил, что завтра к перерыву все кончит.

Начальник почесал за ухом и ни к селу ни к городу неожиданно сказал:

— И чего было с ним связываться?.. Дерьмо ведь на палочке, — и вопросительно посмотрел на Тимофея.

— Чего, чего? — не понял Тимофей.

— А, ничего, — махнул рукой начальник. — Это я так... Лирика... Идите, а то опоздаете.

* * *

В управлении милиции он попал к тому самому лысому капитану в очках... Если у Тимофея еще и оставались какие-то сомнения, то при виде непроницаемо торжествующего взгляда капитана они мгновенно исчезли.

— Присядем, гражданин Иванов, — сказал капитан тоном, который не обещал ничего хорошего.

Тимофей весь похолодел и присел.

Капитан раскрыл папку, извлек оттуда лист бумаги и принялся внимательно перечитывать его. Время от времени он поднимал голову и испытующе смотрел на Тимофея.

Наконец он кончил читать, отложил бумагу, откинулся в кресле, скрестил руки на груди, прищурился под очками и сказал:

— Как же это вы, гражданин Иванов? Рукоприкладство в общественном месте... Нанесение телесных повреждений и еще после того, как вы у бедного парня девушку отбили. Вы что же, для этого тренировались?

Тимофей промолчал.

— Вы поняли, по какому делу я вас вызвал?

Тимофей молча кивнул.

— Хулиганские действия, попытка покушения на жизнь. Это уголовное преступление: статья...

Капитан задумался, под какую статью лучше всего подвести Тимофея.

— Не было ничего такого, товарищ капитан, — устало сказал Тимофей. — Написать можно что угодно... А свидетели?

— К заявлению потерпевшего медицинское заключение приложено, — перебил капитан. — Вот оно. — И он показал Тимофею синий листок-анкету, густо исписанный мелким корявым почерком, со штампом и печатями.

— Все равно не было, — повторил Тимофей. — По-другому было... Я его только окунул в бассейн у «Хрустальной струи». Разве там можно человека утопить?

— Человека можно в любой луже утопить, — назидательно сказал капитан. — Были случаи.

— Так ведь свидетель есть, — настаивал Тимофей. — Она все видела.

— Вы имеете в виду гражданку Несерчаеву? — уточнил капитан.

— Ее...

— Ну, видите ли, она лицо заинтересованное и не может рассматриваться в качестве беспристрастного свидетеля.

— В чем она заинтересована?

— Это вы оставьте, Иванов. Мне ведь все известно.

— Клевета, товарищ капитан. По-другому было.

— Что именно по-другому? Я вам заявления потерпевшего еще не показывал.

— А я его знаю. Он такое заявление в местком подал... Меня уже вызывали и...

— Что «и»?

— Заявление показали... Ругали... Грозили... Он в заявлении написал, чтобы меня судили и исключили из профсоюза.

— Вот что, — сказал капитан. — Значит, в местком тоже... Ну, судить вас или нет, это мы будем решать... Посмотрим...

— Так за что судить-то, товарищ капитан?

— А вот за это самое, — капитан постучал пальцем по заявлению Жоры. — Кстати, Иванов, почему у вас физиономия в синяках? Еще с кем-нибудь подрались?

— Это он, — сказал Тимофей.

— Кто он?

— Он, — Тимофей указал на заявление Жоры.

Капитан явно удивился:

— И вы позволили?.. Между прочим, у него на лице синяков я не заметил.

— А откуда им взяться? Я ему ничего не успел сделать.

— Не успели? Как не успели?

— Очень просто... У него руки длинные.

— А эти ваши «приемы»?

— Я их не применял... Забыл про них...

— Чудеса рассказываете... А бассейн?

— Так это уже после было, товарищ капитан. Я упал, и он меня ногами стал бить. Ну, и тут я вспомнил... про приемы... И купнул его в бассейне. Он сразу вылез, но больше драться не стал... Убежал...

— Еще бы, — сказал капитан и почему-то поежился.

— А больше ничего не было, — заверил Тимофей и

осторожно потрогал кончиком языка свою разбитую губу, которая опять начала кровоточить.

Капитан задумался, внимательно глядя на него. Потом подвинул несколько листов чистой бумаги и сказал:

— Напишите объяснение. Все как было, с самого начала. Подробно и разборчиво.

Тимофей пересел за соседний стол и принялся писать. Писал он долго. Получилась почти целая страница. Однако капитан забраковал его работу.

— Что это вы придумали, — недовольно сказал он, пробежав глазами написанное. — При чем тут время?.. И надо подробнее. Все как было. Пишите еще раз, только побыстрее.

Тимофей тяжело вздохнул. Бросил взгляд на часы. Скоро семь. Он сидит уж два часа... Подробнее, это еще два часа... Выхода не было, и Тимофей решил приостановить время...

— Вот, — сказал он, протягивая капитану исписанные листки.

— Уже, — встрепенулся капитан, откладывая газету. — Ну это другое дело... Но, — он озадаченно взглянул на Тимофея, — когда вы успели?

— А что?

— Быстро очень...

— Так вы и велели побыстрее.

Капитан некоторое время с сомнением разглядывал лежащие перед ним листки бумаги, потом испытующе посмотрел на Тимофея.

«Опять промахнул, — подумал Тимофей. — Надо было обождать немного...»

К счастью, капитан, видимо, сам торопился:

— Ну ладно, — сказал он. — Идите пока.

— Куда? — уточнил Тимофей.

— Домой, вероятно, — пожал плечами капитан и протянул Тимофею его пропуск.

Выходя из кабинета, Тимофей еще раз взглянул на табло часов. Девятнадцать и одна минута...

«Странно, что не придрался», — мелькнуло у него в голове.

* * *

Утром, придя на работу, Тимофей обнаружил, что его почти готовый чертеж залит зеленой тушью. В другое время подобное происшествие вызвало бы в отделе бурю возмущения и море сочувствия. Но теперь все было иначе... Соседи посматривали на испорченный чертеж с подчеркнутым безразличием и плохо скрываемым злорадством. Никто даже не подошел.

— Не надо было оставлять, — услышал Тимофей чью-то реплику.

Неоконченные чертежи оставляли на столах все, закрывая их бумагой или газетами. Так же поступил вчера и Тимофей перед уходом в милицию. Тушь кто-то вылил на чертеж, предварительно приподняв застилавшую его газету. Собственно, кто это сделал, Тимофею, было ясно, но никаких доказательств у него не было.

Прибежала Зойка, заахала, стала советовать, как попытаться смыть тушь. Перевернули чертеж, и оказалось, что пятна прошли насквозь.

— Знаешь, Тим, а ведь это не тушь, — заявила Зойка, понюхав самое большое пятно, — по-моему, это зеленка.

Пустой флакон из-под зеленки действительно валялся под столом Тимофея.

— Ну вот, сам и залил, — насмешливо сказали сзади. — Нечего было сюда зеленку притаскивать. Мазался бы дома...

— А ты сюда ее принес? — тихо спросила Зойка.

Он отрицательно покачал головой. Зойка только вздохнула в ответ.

Пришел начальник отдела. Увидел испорченный чертеж. Всплеснул руками:

— Сегодня сдавать... Уже назначена защита проекта... Черт знает что!

— Я переделаю, — сказал Тимофей.

Начальник посмотрел на него с состраданием и молча отошел.

Тимофей взял чистый лист бумаги и направился к светостолу. Через минуту он возвратился, прикрепил бумагу к чертежной доске, подперся ладонью и задумался. Вокруг перемигивались, посмеивались, но так как Тимофей сидел неподвижно и не начинал чертить, на него перестали обращать внимание.

Незадолго до обеденного перерыва Тимофей вдруг встал, свернул бумагу в рулон и пошел в кабинет начальника отдела. Когда дверь за ним закрылась, все заговорили сразу.

— Сколько человек подвел...

— Сегодня срок. Защиты не будет... Премия — ау...

— Ничего, сейчас начальник всех на прорыв бросит... Выкрутятся...

— А я откажусь... Я свое задание только к четырем кончу.

— И я...

— И я...

— И вообще Иванов вместо того, чтобы начать переделывать, полдня впустую просидел. Думал о чем-то.

— О чем? О своих делах... Судить ведь будут.

— И правильно...

Дверь в кабинет начальника отдела отворилась, и в чертежной сразу стало тихо.

Вышел Тимофей с рулоном, за ним начальник отдела. Вид у начальника был странный: одной рукой он чесывал затылок, другой — поглаживал подбородок, а на лице у него застыло выражение приятного обалдения. Он проводил Тимофея до середины зала, остановился, хотел что-то сказать, но раздумал. Постояв немного, он повернулся на каблуках, сунул руки в

карманы и, насвистывая вальс из «Мартина-рудокопа», вышел в коридор.

По чертежной пробежал легкий шелест. Так шелестит морская волна, тихо набегая на влажный песок. Но шелест, стремительно нарастая, превратился в гул прибоя, когда Тимофей подошел к своему столу, развернул рулон, и все увидели готовый чертеж, уже визированный начальником...

* * *

Следующим днем было воскресенье, и Тимофей решил осуществить наконец опыт, о котором думал давно... Чудесная способность замедлять время и растягивать его как резиновую ленту заставила Тимофея задать себе вопрос, а нельзя ли время ускорить, как бы подогнать его...

Если он обладал и такой способностью, то, превратив часы в секунды, а годы в часы, он может стать путешественником во времени, и тогда... Тогда открывались такие перспективы, о которых Тимофей боялся даже мечтать. Кто знает, быть может, у него, опережая его собственное время, просто проявилось свойство, которое в будущем станет достоянием всех людей. Тогда его место там — в этом неведомом, но обязательно прекрасном будущем.

Тимофей понимал, что опыт с ускорением времени весьма опасен. Если окажется, что ускорение слишком велико, он может опоздать в понедельник на работу, или того хуже — затормозить время лишь во вторник, а это уже будет означать прогул. В его нынешнем положении прогул без уважительных причин стал бы еще однимотягчающим обстоятельством.

Он решил начать опыты прямо с утра. Встал рано, застелил постель, приготовил на завтрак кофе и яичницу с колбасой. Сел к столу и на всякий случай еще раз проверил свою способность замедлять время. Все было в полном порядке.

Цифры, показывающие отсчет секунд на табло электронных часов, сразу замерли без движения.

Тимофей подождал немного, не отрывая взгляда от часов, потом мысленно сказал «о'кэй!» и пустил время в ход.

Очень довольный, он отхлебнул кофе, отрезал кусочек яичницы, положил в рот, но ему так не терпелось проверить вторую возможность, еще более драгоценную, чем первая, что он не вытерпел и, зажмурившись, произнес:

— Время, пожалуйста, иди быстрее...

Ему показалось, что ничего не произошло. Он испытал ужасное чувство разочарования и, подождав немного, открыл глаза. На всякий случай он бросил взгляд на часы и вдруг увидел, что цифры сменяют друг друга с невероятной быстротой. Он сначала подумал, что это секунды, но оказалось, что это часы. В окошечках для минут и секунд вообще ничего нельзя было разобрать.

Сообразив, что случилось, Тимофей отчаянно закричал:

— Стой, время, стой... Иди нормально...

Стремительный бег чисел на табло часов остановился, проступили минуты и с обычной скоростью стали сменяться отсчеты секунд. Электронные часы теперь показывали девятнадцать часов сорок одну минуту и тридцать пять секунд.

Тимофей вздохнул с облегчением. Хорошо еще, что успел. Отсчет секунд изменился на сорок, потом на сорок пять. За окно было темно. Тимофей вдруг почувствовал неприятный вкус во рту. Вероятно, одно из яиц оказалось не совсем свежим. Именно этот кусочек он положил в рот перед началом своего опыта и еще не успел прожевать. Тимофей поспешно выплюнул его и с недоумением обнаружил, что вместо недавно поджаренной яичницы на сковороде лежит высохший желто-зеленый блин с отвратительным запахом.

И тогда он понял... Бросил испуганный взгляд на календарь часов. На календаре был четверг. Хорошо, что месяц и год не изменились...

Он еще не успел сообразить, что теперь делать, как послышался очень сильный стук в дверь. Тимофей пошел открывать. На площадке стояли двое из НИИ. Один был Вася — совсем молоденький паренек; он работал в отделе первый год, поэтому его избрали страх-делегатом. Второго Тимофей почти не знал. Звали его Тихон Терентьевич... Он был членом месткома и работал не то пожарником, не то по технике безопасности. Тихону Терентьевичу было за пятьдесят. Его морщинистое, словно сжатое в кулачок личико с маленьким вздернутым носом и длинными торчащими усами напоминало морду кота, перекошенную от нестерпимого любопытства.

— Чего вы так барабаните? — спросил Тимофей, приглашая их в переднюю.

— Никто не открывал, мы четвертый раз заходим, — сказал Вася. — А ты что, заболел?

— Я — нет, то есть да, — поправился Тимофей, сообразив, почему они пришли. — Да вы раздевайтесь, проходите в комнату, — добавил он, помолчав.

— Мы не надолго, провести только, — объяснил Вася. — Вот тебе яблок принесли. Возьми. — И он сунул в руки оторопевшему Тимофею пакет с яблоками. — Ну, раз ты болеешь, тогда ничего не выйдет... Вы завтра, Тихон Терентьевич, скажите в месткоме...

— А чем больны-то? — поинтересовался Тихон Терентьевич, стараясь заглянуть в комнату.

— Да... с головой что-то, — сказал Тимофей и для большей убедительности постучал себя пальцем по виску.

— Так-так... Голова, значит, болит... Бывает, конечно, — многозначительно заметил Тихон Терентьевич и потянул носом, пригнувшись.

— А что в отделе слышно? — спросил Тимофей.

— Ничего особенного, — пожал плечами Вася. — Проект защитили. На «хорошо»... Ребята до сих пор понять не могут, как ты тогда с чертежом успел. Спорят... Ты как, тушь со старого смыл или новый сделал?

— Новый...

— Просто фантастика! — сказал Вася, глядя с восхищением на Тимофея. — Хотел бы я так научиться...

— Между прочим, — заметил Тихон Терентьевич, продолжая принюхиваться и морщась, — на завтра суд назначили. Переносить его или придете?

— Какой суд? — не понял Тимофей.

— Товарищеский... Из милиции бумага пришла, что они привлекать не будут и предлагают рассмотреть на заседании товарищеского суда.

— Вот как, — оторопел Тимофей. — Значит, товарищеским... А кого?

— Как кого? — искренне удивился Тихон Терентьевич. — Вас, конечно. Кого же еще?

— Меня одного? — уточнил Тимофей.

— Одного.

— Ну ладно... Только я завтра не приду.

Тихон Терентьевич развел руками:

— Перенесем... А вы выздоравливайте скорее!

Не успел Тимофей закрыть дверь, как зазвонил телефон. Это была Зойка.

— Тимофей? Что с тобой? Ты где был?

— Дома.

— А почему не брал трубку?

— Спал, наверно.

— Я раз десять звонила. Что с тобой?

— Заболел.

— Так, может, помочь? Я приду.

— Не надо. Уже лучше.

— Слушай, Тимофей, они на завтра товарищеский суд назначили.

— А я не приду...

— Правильно, только они ведь не отвяжутся. Жор-

ка все воду мутит... Да ты не бойся. Я обязательно выступлю и расскажу, как было. Ему еще и за клевету всыпят.

— А от тебя они отцепились?

— Понимаешь, отцепились... Я еще в прошлую пятницу, когда меня в местком вызвали, все им выложила. Сказала, что могу доказать, что Жорка врет... Председатель месткома испугался и говорит, что дело не во мне, а в драке, то есть в тебе. И если я буду сидеть тихо, то обо мне разговора не будет... Сказал даже, что на Доску почета меня выдвинут... Но я все равно выступлю и скажу.

— Не надо, — устало возразил Тимофей. — Раз они тебя не трогают, я сам как-нибудь выкручусь. Хорошо, что милиция отцепилась...

— Нет, Тим, ты меня не уговаривай, — перебила Зойка и снова начала, как автоматными очередями, про справку, про Жорку, про чистую воду, про правду, которая должна восторжествовать...

Тимофей слушал ее, а сам думал о том, как завтра получить бюллетень.

* * *

Придя на следующий день к участковому врачу, Тимофей в ответ на обычный вопрос — на что жалуетесь — выпалил:

— Я проспал четверо суток подряд.

Врач, полная пожилая женщина, подняла на него удивленные глаза:

— Ну и что?

— Разве это нормально?

— Не совсем, конечно, но если вы перед тем сильно устали... И, кроме того, вы же не все время спали. Вы просыпались, ели и так далее.

— Ни разу.

— Так ни разу и не поднимали голову от подушки?
— Ни разу с утра в воскресенье до вечера в четверг. И я не на кровати, я у стола сидя спал...

— Вы рассказываете мне странные вещи, — медленно произнесла врач и испытующе посмотрела в глаза Тимофею. — Ну, давайте я вас послушаю.

Тимофей разделся, и она очень внимательно выслушав его, велела лечь на диван, пощупала живот, посчитала пульс и даже измерила кровяное давление.

— Одевайтесь, — сказала она строго. — Я не вижу никаких отклонений. Вы совершенно здоровы, молодой человек. Легкие как кузнечные мехи, а сердце — дай бог каждому.

— А если я опять засну? — спросил Тимофей, одеваясь.

— Вот тогда и приходите.

— А если я... умру во сне?

Врач сурово глянула на Тимофея:

— Вы что же, с понедельника на работе не были?

— Не был.

— И воображаете, что таким способом можете получить бюллетень.

— Я правду говорю, — обиделся Тимофей.

— Единственно, что могу сделать, — сказала врач, быстро записывая что-то в карточке Тимофея, — это послать вас к невропатологу. Но бюллетеня я вам не дам. Хотите направление к невропатологу?

Не получив ответа, она взглянула на Тимофея. Он сидел неподвижно, скрестив руки на груди. Глаза его были закрыты.

— А ну-ка перестаньте дурачиться, молодой человек, — недовольно сказала врач. — Здесь не цирк!

Он никак не реагировал, и она испугалась. Присмотревшись внимательно, она увидела, что он не дышит. Тогда она с криком выбежала из кабинета.

Сквозь опущенные веки Тимофей различал быстрое чередование света и темноты. Вероятно, он находился в какой-то очень светлой комнате, и мигание означало смены дня и ночи. С самого начала он стал считать их и на сотой вспышке подумал:

— Пора... Время, иди нормально!

Сразу после этого он почувствовал свое тело, почувствовал, что лежит на чем-то мягком, и открыл глаза.

Он был один в небольшой комнате с высоким белым потолком. Белые стены, белая постель, на которой он лежал под простыней совершенно голый, белая ширма; за ней стол, уставленный блестящими приборами. Белая занавеска на окне, а за окном темнеющее вечернее небо и густая зеленая листва на деревьях.

«Сколько же времени прошло?» — подумал Тимофей. Его электронных часов поблизости не было видно. Он медленно поднялся, закутался в простыню и сделал несколько шагов. Все было нормально, только немного кружилась голова. Он заглянул за ширму. Там рядом со столом стоял белый табурет, и Тимофей присел на него. На столе лежал график со множеством ломаных и кривых линий. Все они обрывались на дате 20 мая.

«Однако, — мелькнуло в голове Тимофея, — почти полгода, если, конечно, это тот самый год... Кажется, я просчитался...»

Бесшумно отворилась белая дверь. В дверном проеме возникла женская фигура в белом халате. Увидев, что постель пуста, а Тимофей сидит у стола, фигура взмахнула руками, что-то негромко крикнула, и тотчас возле Тимофея очутились несколько человек в белых халатах. Они осторожно подняли его и понесли на кровать.

— Ни к чему, — пробовал убеждать их Тимофей. — Я — сам и вообще лучше посижу...

— Молчите, молчите, — очень тихо, но строго сказал кто-то. — Вам нельзя разговаривать. И закройте глаза. Вы должны привыкнуть к свету.

«А я и не отвыкал, — хотел возразить Тимофей, но раздумал. — Пусть делают что хотят. Надо еще выяснить обстановку. Может, не тот год?..»

Его осторожно положили на кровать. Подсоединили к нему какие-то провода. Множество проводов. Что-то записывали, тихо переговаривались. А потом он неожиданно для себя уснул.

Проснулся он, по-видимому, только на следующий день, потому что небо в окне теперь было ярко-голубым, а деревья освещены солнцем с другой стороны.

Едва он проснулся, возле него появились врачи в белых халатах. Его опять заставили закрыть глаза, долго ощупывали, прикладывали к телу электроды. Пощелкивали какие-то приборы. Звучали непонятные слова. Потом ему разрешили открыть глаза, и один из врачей восхищенно сказал:

— Необыкновенный, феноменальный случай... Никакой патологии.

Другой не соглашался, и они начали спорить шепотом. Остальные внимательно слушали. Спор неожиданно прекратился, и врачи ушли, дружески покивав Тимофею, а одна из женщин, самая молодая, даже ласково погладила Тимофея по голове. Тотчас же на столике ему прикатали завтрак: полстакана бульона, маленькую чашечку жидкого чая и кучу разноцветных таблеток. Тимофей проглотил все это и почувствовал сильный голод.

— Есть хочу, — сказал он сестре, которая увозила столик.

Она улыбнулась и объяснила, что обед будет в два часа.

Тимофей сел на кровати и почесал голову. Опыт в

целом удался, но задержка в больнице не входила в его планы. Можно, конечно, попробовать сбежать... Смушало, правда, отсутствие одежды и неизвестность. Надо срочно выяснить, какой теперь год. Для этого достаточно заполучить обратно его электронные часы... Можно, конечно, и прямо спросить у сестры... Поразмыслив немного, Тимофей от этого намерения отказался. Чересчур прямые вопросы могли вызывать недоумение и подозрительность.

Тимофей недолго оставался один. Вошли две молоденькие сестры и, увидев, что Тимофей сидит, заставили его лечь. Потом они принесли много белых стульев и расставили их рядами напротив его кровати. Тимофей понял, что готовится какое-то собрание. У него мелькнула мысль о товарищеском суде, о котором говорили Тихон Терентьевич и Зойка.

Тимофей почувствовал себя очень неудобно, исчезло даже ощущение голода, а во рту появилась противная горечь... Он уже приготовился увидеть знакомые лица, но в палату стали входить один за другим очень солидные люди в белых халатах и белых шапочках, похожие на профессоров, которых он иногда видел на вечернем факультете. Тимофей хотел приподняться, но сестра, оказавшаяся рядом, придержала его за плечи и принялась поправлять подушку и простыню.

Пришедшие, а их было человек пятнадцать, неторопливо расселись, с интересом поглядывая на Тимофея. Впереди оказались трое: толстый краснолицый старик с седыми бровями и коротко подстриженными седыми усами и двое худощавых, смуглых, горбоносых, неопределенного возраста. У горбоносых были одинаковые дымчатые очки в толстых прямоугольных оправах.

«Заграничные», — с легкой завистью подумал Тимофей. Он приготовился выслушать рассказ о себе, но, к его удивлению, старик заговорил не по-русски, обращаясь главным образом к горбоносым. Те слушали

внимательно, вежливо кивали головами. Старик говорил медленно, и Тимофей по отдельным словам догадался, что разговор скорее всего ведется по-английски.

Тимофей впервые в жизни пожалел, что никогда всерьез английским не занимался, а на вечернем только «сдавал знаки», списывая перевод у кого-нибудь из девчонок.

Горбоносые стали что-то спрашивать по очереди. Старик отвечал каждому очень обстоятельно, иногда указывал на Тимофея. Потом обернулся к сидящим сзади и поднял руку. Тотчас в его руке оказался график, который вчера разглядывал Тимофей. Теперь всеобщее внимание переключилось на график. Последовало еще одно очень обстоятельное, но совершенно непонятное для Тимофея объяснение.

Наконец старик умолк и передал график одному из горбоносых. Тот принялся внимательно изучать его и что-то сказал. Старик сделал знак сестре, стоящей у изголовья, и она осторожно сняла с Тимофея простыню. Тимофей засмутился и хотел закрыться, но ему не дали. И он лежал, не зная, куда девать глаза, а все разглядывали его так, словно никогда не видели ничего более интересного. Затем его осторожно перевернули на живот, и Тимофей засмутился еще больше. К счастью, все это скоро кончилось, Тимофея снова перевернули на спину и накрыли простыней.

Теперь стал говорить один из горбоносых. Он говорил очень быстро, время от времени многозначительно поднимал вверх указательный палец правой руки. Краснолицый старик слушал горбоносого внимательно, иногда кивал, видимо, соглашался. На этот раз Тимофей не понял ни одного слова и начал сомневаться, по-английски ли говорит горбоносый.

Дальше начался общий разговор. Кое-кто из врачей говорил по-английски, медленно подбирая слова, другие по-русски, и тогда старик вполголоса начинал переводить горбоносым. Наконец-то Тимофей смог кое-

что понять... Правда, и теперь понял он немного, потому что врачи пересыпали нормальную речь загадочными медицинскими терминами. И все-таки Тимофей уяснил главное: по мнению большинства присутствующих, у него был особый — редчайший — случай летаргического сна, продолжавшегося три с половиной месяца... Больного, то есть его — Тимофея, пробовали питать искусственно, но необходимость в этом отпала, потому что... Почему, Тимофей не понял, но опять почувствовал зверский голод... Горбоносые оказались коллегами из Индии... Им были известны подобные случаи у йогов, которые... Дальше Тимофей опять не понял... В заключение Тимофей уяснил, что он, со своим редчайшим заболеванием, представляет величайшую ценность для медицинской науки и теперь должен постоянно находиться под наблюдением врачей. Тимофей подумал, что, вероятно, он представлял бы еще большую ценность, если бы они догадались, в чем действительная причина его «сна».

И все-таки Тимофею надо было кое-что уточнить. Когда конференция подошла к концу и присутствующие начали вставать, Тимофей открыл рот и сказал: — Можно вопрос?..

Но все отрицательно затрясли головами, даже горбоносые, а краснолицый старик погрозил Тимофею пальцем и мягко, но решительно сказал:

— Никаких вопросов, больной. Лежать тихо и набираться сил. Через недельку-две, если все будет хорошо, мы вас переведем в другую палату, тогда и поговорим... А пока отдыхать...

* * *

Эти две недели показались Тимофею бесконечными. На улице была весна, светило солнце, иногда проносились стремительные майские грозы, а ему не разрешали подниматься с постели и даже не открывали окна. Вско-

ре Тимофей выяснил, что и дверь его палаты изнутри открыть нельзя. По существу, он находился в заключении. Угнетала и строгая диета. Правда, теперь ему с каждым днем давали все больше еды, но он испытывал постоянное чувство голода. И ему стало казаться, что силы начинают покидать его.

Оставаясь один, он вскакивал с постели, делал гимнастические упражнения, даже пробовал вставать на голову, как рекомендуют правила йоги. Но стойка на голове получалась плохо, кроме того, Тимофей боялся, что его упражнения заметит сестра. Это грозило постоянным дежурством в палате, что только ухудшило бы его и без того трудное положение.

Седой краснолицый старик приходил к Тимофею ежедневно. Тимофей уже знал, что его зовут Юлий Афанасьевич, что он доктор медицинских наук, профессор, и очень знаменит. Юлий Афанасьевич всегда являлся в окружении молодых врачей, но с Тимофеем почти не разговаривал, а на его вопросы, когда Тимофею разрешили говорить, чаще отвечал каламбурами. И Тимофей вскоре понял, что для знаменитого профессора он не живой человек, а всего лишь очень интересный объект исследования, в котором самое главное — работа сердца, кровообращение, пульс, дыхание, стул, а вовсе не те мысли, которые волновали Тимофея.

В один из визитов Юлий Афанасьевич привел с собой высокого сутулого молодого человека с прыщавым лицом и испуганными глазами.

— Ну, вот вам тема кандидатской диссертации, Игорь, — сказал Юлий Афанасьевич, указывая на Тимофея и радостно потирая руки. — Познакомьтесь с его историей болезни и начинайте.

— Здравствуйте, больной, — немного заикаясь, сказал прыщавый Игорь, — теперь я буду вас вести.

«Тебя только мне не хватало», — подумал Тимофей, но промолчал.

Прыщавый стал приходиться по несколько раз в день.

Подробно и нудно выпрашивал Тимофея о его жизни, начиная с самого раннего детства. Тимофею он сразу ужасно надоел, и, чтобы отвязаться, Тимофей рассказывал ему всякие небылицы, вроде того, что в детстве страдал галлюцинациями — ему мерещились египетские пирамиды, жрецы, фрески, что он пять раз перенес скарлатину и никогда в жизни не брал в рот спиртного...

Прыщавый удивлялся, но все аккуратно записывал в большую толстую тетрадь.

Наконец Юлий Афанасьевич разрешил Тимофею встать. К тому времени от длительного лежания и строгой диеты Тимофей уже основательно ослаб. Сестра принесла ему пижаму и туфли, помогла одеться и бережно поддерживала во время первой прогулки. А он вынужден был опираться на нее, потому что кружилась голова и ноги были совсем как ватные.

Через несколько дней Тимофея перевели в другую палату, где, кроме него, лежал еще один больной — веселый толстяк лет семидесяти с чистым породистым лицом, пышными седыми волосами под актера и молодыми умными глазами.

— Привет соседу, — сказал толстяк, приподнимаясь, и представился, — Воротыло Ефим Францевич — профессор физики.

Тимофей назвал себя, но кем работал, не сказал, постеснялся.

— А вы наша местная знаменитость, — продолжал Воротыло, — вас уже все в больнице знают. Шутка ли проспать столько! Я, между прочим, тут тоже давно, — добавил он. — После инфаркта... Вылеживаюсь.

Профессор оказался на редкость интересным соседом. Тимофей с удовольствием слушал его рассказы об истории физики, о последних достижениях физиков-ядерщиков, о загадках, которые возникают после новых открытий, о кризисе современной физики. Самыми долгими и захватывающими бывали ночные беседы, когда им никто не мешал. Обычно после того, как дежурная

сестра гасила в палате свет и, пожелав им спокойной ночи, удалялась, Ефим Францевич приподнимался, ставил подушку на попá, прислонялся к ней спиной и, взглянув на Тимофея из-под насупленных седых бровей, негромко спрашивал:

— Ну, о чем сегодня разговор? О Максвелле, Эйнштейне, Боре?..

И начиналось... Ученые, которых Тимофей до сих пор знал лишь по именам, в рассказах Ефима Францевича вдруг превращались в живых понятных людей с их печальями и радостями, недостатками и достоинствами, победами и промахами. И путь каждого из них в науке, значение их открытий становились вдруг осязаемо близкими, яркими, зримыми... Раскрывал их Ефим Францевич тоже по-особенному, словно освещал прожектором в темноте с разных сторон, и от этого каждый становился еще ярче, рельефнее.

Значение Альберта Эйнштейна для последующих поколений, по словам Ефима Францевича, заключалось не столько в существовании его открытий, сколько в его личности — рыцаря науки без страха и упрека; его принципиальности, честности, гуманизме и выросшем на их основе огромном непререкаемом авторитете.

Нильс Бор — один из «отцов» квантовой механики и атомной бомбы предстал в его изображении дьявольски умным стариком, который под невозмутимостью пожилого профессора сохранил огонь юности и «души высокие порывы» и который, прекрасно сознавая ответственность ученых перед человечеством, больше всего боялся «проиграть мир» на родной планете... Своих коллег — современных ученых — и себя самого Ефим Францевич судил строго.

— По нынешним временам самое ценное качество ученого — умение сомневаться в собственной непогрешимости, — посмеиваясь, говорил он Тимофею. — Потеряв его, ученый запросто превращается в обывателя, в такого самодовольного носорога, не желающего и

не способного воспринимать ничего нового... В лабиринте «безумных» гипотез нашей эпохи, во всей этой «абракадабре» микромира, которую мы уже готовы принять как нечто привычное и очевидное, единственная дорога настоящего ученого — это пионерский путь вперед по грани неведомого... Следуя этим путем, приходится подниматься, опускаться, отступать, балансировать на грани риска, но это единственное направление к вершине, с которой или откроются новые горизонты, или новые скалистые грани, которые опять придется преодолевать. И путь этот бесконечен, юноша. А справа и слева — удобные тропинки вниз. Одна ведет в обывательское болото самолюбования и самовосхваления за те «следы», которые удалось оставить где-то в окрестностях науки, другая — прямехонько в удобное кресло «организатора науки»... Окаянное слово! Как будто человек, который сам неспособен вести исследования, может организовать научную работу других!

— Но сейчас говорят и пишут в газетах, что открытия делают коллективы, — несмело возражал Тимофей. — И даже премии дают коллективам.

— Правильно... Но во главе научного коллектива должен стоять ученый с большой буквы, именно из тех, кто не отступит с грани; настоящий специалист и знаток своего дела. Он должен быть и генератором идей и обладать авторитетом, способным увлечь и зажечь весь коллектив. А тот, кто «сошел с дистанции» и сел в кресло «организатора науки», может только паразитировать на других... Это тормоз, а не организатор.

— А чем занимаетесь вы, Ефим Францевич?

— Я всю жизнь со студенческой скамьи занимался теми переменчивыми таинственными частицами материального мира, которые мы привыкли изображать смешными знаками в виде концентрических окружностей с крошечным ядром посредине. А еще — теми удивительными и непостижимыми скачками, которые хитроумная материя зачала в себе, чтобы существовать вечно... Или

которые мы, может быть, придумали, чтобы хоть как-нибудь ориентироваться в хаосе микромира...

— Вы говорите про строение атомов? — уточнил Тимофей.

— Если угодно... Но я имел в виду, главным образом, атомные ядра. Это моя узкая специальность.

— Я где-то читал, что ядра тоже устроены сложно, — сказал Тимофей, — из разных частиц — нейтронов, протонов, мезонов...

— Увы... Все правильно, юноша. Частиц этих сейчас, к сожалению, набралось слишком много... И открываются все новые и новые...

— А вы открыли что-нибудь?

— К сожалению, пришлось.

— Почему к сожалению?

— Потому что все было бы гораздо проще и удобнее для нынешней науки, если бы элементарных частиц оказалось поменьше. Впрочем, я предвижу кое-какие радикальные реформы в этом балагане... Они просто необходимы... И, должно быть, начнутся скоро... Хотелось бы дожить до этого...

— Как много вы всего знаете! — вырвалось у Тимофея.

— В сущности, ничего мы, дорогой мой, по-настоящему не знаем, — усмехнулся Воротыло. — Предположения, предположения, модели, формулы. А истинная картина мира остается величайшей загадкой. Начальный взрыв, пространство, время, кто объяснит, что все это такое...

— Ну, пространство и время — это формы существования материи, — несмело возразил Тимофей.

— Это-то конечно, — весело согласился профессор, — а дальше?

— Что дальше? — не понял Тимофей.

— Их свойства, особенности, законы, которыми они управляют. Вот, скажем, время. Что мы с вами о нем знаем? Что оно течет? А куда оно течет и откуда, и по-

чему? И можно ли его ускорить, замедлить, остановить, сжать, растянуть, повернуть вспять?

— Можно, — решительно заявил Тимофей.

— Почему вы так думаете?

— Я... просто знаю...

— Как это — знаете? Каким образом? — удивился профессор.

— Ну, чувствую...

Воротыло задумался.

— Конечно, ваши ощущения должны быть совсем особенными, — сказал он наконец. — Полгода летаргии... Интересно, ощущали вы как-нибудь свое существование в это время?

— Ощущал, — ответил Тимофей не очень уверенно.

— А что именно ощущали?

— Ну, вроде бы смену дня и ночи, — сказал он, вспомнив мигания, которые пробовал считать.

— А ощущали вы само течение времени?

— Как это? — опять не понял Тимофей.

— Казалось ли вам, например, что время тянется медленно?

— Наоборот, казалось, что оно летит очень быстро...

— А вы не боялись?

— Чего?

— Что можете не проснуться.

— Нет... Я знал, что могу проснуться... когда захочу.

— Вот как? — удивился профессор. — И что же! Получилось?

— Получилось...

— Очень интересно... — покачал головой Воротыло, задумчиво глядя на Тимофея. — А вы не боялись, что вас... похоронят живым... или положат на анатомический стол?..

— А почему? Я же был живой.

— При летаргии это не всегда улавливается. Кроме того, врачи могли ошибиться. Бывали такие случаи.

— Ну-у, — испуганно протянул Тимофей и решил, что, ускоряя время, никогда больше не станет связываться с врачами.

Так они разговаривали подолгу, перескакивая с одной темы на другую. Мешал только прыщавый Игорь, который по-прежнему приходил со своей толстой тетрадью и продолжал «исповедовать» Тимофея. Ефим Францевич Воротыло быстро заметил, что при нем Тимофей стесняется отвечать на бесконечные вопросы молодого врача. Поэтому он вставал и уходил из палаты, как только Игорь появлялся. А Тимофей, оставаясь с Игорем наедине, продолжал плести ему свои небылицы.

Игорь, в конце концов, стал догадываться, что над ним потешаются. Он уже не записывал все подряд и начал возвращаться к записям, сделанным раньше, видимо, сопоставляя их со словами Тимофея. И когда Тимофей рассказал ему, что во время своего долгого сна видел другие планеты, и принялся объяснять, как там было, Игорь захлопнул тетрадь и, не глядя на Тимофея, сказал, что читал об этом... в «Стране багровых туч» братьев Стругацких. Тимофей не помнил, кто такие братья Стругацкие, однако смутился, потому что действительно рассказывал сейчас то, что вычитал в какой-то книжке. Игорь посидел немного, печально глядя в угол, потом встал и вышел из палаты. И после этого не появлялся несколько дней.

Впрочем, Тимофею скучать не пришлось... На другой день его навестили Вася и Тихон Терентьевич. Увидев двух посетителей сразу, Ефим Францевич Воротыло поспешно выскользнул из палаты.

— Здорово, Тим, — сказал Вася, подходя к кровати и протягивая руку Тимофею. — Ну ты даешь! Полгода на бюллетене... А выглядишь вроде нормально.

— В месткоме поговаривают, тебя надо на инвалидность, — заметил от двери Тихон Терентьевич.

— А вы проходите, садитесь, — пригласил Тимофей.

— Ничего, можем и постоять, — Тихон Терентьевич прислонился к косяку двери.

— Он заразиться боится, — подмигнул Вася, присаживаясь в ногах Тимофея. — Я уж ему говорил — сонная болезнь — она не заразная.

— У меня никакая не сонная болезнь, — обиделся Тимофей. — Летаргия. Сон такой.

— А какая разница? — удивился Вася.

— Большая... Ну а что в институте нового?

— Что у нас может быть нового? — развел руками Вася. — Работаем... В чертежке понемногу нормы выполняем. Вспоминаем тебя...

— Суд решили на осень перенести, — вставил от двери Тихон Терентьевич.

— К тебе тут не пускали, — продолжал Вася. — Я много раз справлялся. А вчера сказали — можно... Ты как себя чувствуешь-то? Когда думаешь выходить?

— Не знаю, — сказал Тимофей.

— Ну, к осени-то выпустят, — заверил Тихон Терентьевич.

— Может, выпустят, а может, и нет... Очень моя болезнь врачей заинтересовала.

— Тогда, значит, на инвалидность, — кивнул Тихон Терентьевич.

— А судить меня как же? — поинтересовался Тимофей. — Если меня, к примеру, из института попрут по инвалидности, как же с товарищеским судом?

Тихон Терентьевич озадаченно заморгал, видимо, не находя ответа.

— У нас отпуска начались, — продолжал рассказывать Вася. — Сейчас многие в отпусках... Зойка тоже недавно в Крым уехала... Она часто в больницу ходила. Все справлялась о тебе.

— А Жорка? — поинтересовался Тимофей.

— Ух, он на тебя злой, — Вася даже зажмурился, чтобы показать, как зол Жорка. — Такое про тебя рассказывал, такое... Уж ребята и верить совсем перестали.

И так он всем надоел со своими разговорами, что его в рабочий контроль выбрали. Теперь ходит всех проверяет.

— А к Зойке пристаёт?

— Нет... Она его так понесла на собрании... Он ее теперь боится.

— И правильно, — задумчиво сказал Тимофей.

Вася с недоумением посмотрел на него, потом встретился:

— Знаешь, Тим, мы тебе яблок принесли, а внизу говорят нельзя... Ты на какой-то диете особой.

— А яблоки где? — спросил Тимофей.

— Внизу в портфеле. Сказали, ни в коем случае...

— Жалко...

— У меня тут осталось одно в кармане, но не знаю как...

— Давай, — Тимофей протянул руку.

Вася заколебался, оглянулся на Тихона Терентьевича, но тот изучал распорядок дня, вывешенный на дверях палаты.

— Ну ладно, — сказал Вася. — Бери. Только чтобы хуже не стало.

— Не будет, — заверил Тимофей, надкусывая яблоко, и тотчас спрятал его под одеяло, потому что в палату вошла сестра.

— Поговорили, — сказала она нараспев. — Вот и хорошо... А теперь собирайтесь, гости дорогие. Этого больного утомлять нельзя.

— Поправляйся, Тим, — сказал Вася, подавая на прощанье руку. — Я теперь буду заходить.

— Заходи, конечно. — Тимофей подтянул Васю за руку поближе и шепнул: — Ты, вот что, в следующий раз колбасы мне принеси. Только внизу не показывай.

— А тебе можно? — засомневался Вася.

— Мне все можно, — заверил Тимофей, — кроме того, что нельзя. А колбасу давно можно. Это я точно знаю...

Как только они ушли, возвратился профессор Воротыло.

— Товарищи с работы приходили? — поинтересовался он, укладываясь на свою кровать.

— С работы.

— Это хорошо.

— А что к вам не заходят? — спросил Тимофей.

Воротыло усмехнулся:

— Звонят иногда... Я, знаете, человек одинокий... Сварливый к тому же... Если придут с кафедры, начну расспрашивать, советовать, не дай бог, выругаю... А так: и им хорошо и мне спокойно...

Он продолжал улыбаться, но улыбка была печальная.

— А вы, значит, кафедрой заведуете?

— Веду пока... Но уже недолго буду.

— А почему?

— Молодым надо дорогу уступать. У меня там вырос... один ученичок... Крайне ему не терпится место мое занять. А я вот ведь какой упрямый... И инфаркт меня не берет... Но придется уходить...

— А зачем? Вы же поправились.

— А затем, юноша, что хотелось бы еще несколько годков пожить. С жизнью ой как не хочется расставаться... Но давайте-ка лучше сменим пластинку... Вы мне вот что скажите: когда вы лежали в летаргическом сне, сны у вас были?

— Нет...

— Так... Значит, снов не было... Смену дней и ночей вы ощущали. И вам не казалось, что время тянется очень медленно.

— Нет, наоборот.

— Тогда получается, что благодаря вашему состоянию вы как бы спрессовали время и перескочили из начала года прямо в его середину...

— Или ускорил течение времени, — сказал Тимофей

и испугался, как бы эта магическая формула не сработала.

— Нет, слово ускорение тут не подходит, — возразил профессор. — Время ускорить или замедлить нельзя. А вот сжать его, спрессовать, по-видимому, человек может. И ваш летаргический сон — одна из подобных возможностей, подсказанная самой природой... Есть и другие, — задумчиво продолжал он, — например, анабиоз... И все это — возможные пути в будущее... — Он вздохнул. — Для желающих, конечно.

— Вы думаете, люди в будущем научатся управлять временем?

— Как управлять?

— Ускорять, замедлять, останавливать.

— Нет, это невозможно... Убежден, что невозможно...

— Даже и через тысячу лет?

— Даже и через десять тысяч. Время неуправляемо, юноша.

— Нет, тут я с вами не согласен, — решительно возразил Тимофей.

— Это почему же, позвольте спросить?

— Потому что я могу...

— Что можете?

— Ну, управлять... Немного... Замедлять или наоборот...

— Вы имеете в виду вашу летаргию. Но ведь она — выпадение из нормы. Болезнь, если угодно. Никто не знает, почему вы заснули. И дай бог, чтобы это не повторилось.

— Нет, я сам. Захотел... и заснул. Могу и опять.

— Чудеса изволите рассказывать... И знаете ли, хочу рекомендовать: врачам не надо об этом. А то они вас еще в психиатрическую клинику упрячут.

— Знаю...

— К сожалению, время не только неуправляемо, но и бесконечно загадочно, юноша. Может быть, именно в нем — главная загадка бытия... Вот, например, время в

микромире. Что мы знаем о нем? Мы пытаемся измерить его долями нашей секунды. Но ведь это, строго говоря, абсурд. Там свое течение времени, своя длительность процессов. Ничтожные доли нашей секунды могут соответствовать тысячелетиям микромира... Или время в большом космосе. Мы тоже измеряем его земными мерами. А что такой земной час или год в окрестностях Веги, Арктура, в бесконечности межзвездных пространств?

Тимофей покачал головой:

— Я не про то, Ефим Францевич. Я про свое время, которое мне дано. Мне, к примеру, сейчас двадцать девять. Сколько еще проживу? Пусть столько же... Значит, до двухтысячного года.

— Больше проживете.

— Пусть до две тысячи десятого, если атомной войны не будет... А я в трехтысячные года хочу, и еще дальше — полный коммунизм посмотреть, как у И. Ефремова. Вы «Туманность Андромеды» читали?

— К сожалению, не успел. В моей науке сейчас столько фантастики, что на литературную уже и времени не остается.

— Вот видите, времени... Вашего, Ефим Францевич, а не того — в космосе или еще где. Для человека главное его время. И чтобы правильно им распорядиться. Одним словом — управлять. Вот я, к примеру, это могу...

— Да вы не волнуйтесь, Тимофей.

— А я и не волнуюсь... Вы мне не верите и зря. Хотите докажу? Вот вы новый журнал сейчас принесли. Я его и в руках не держал. Давайте какой хотите рассказ или повесть, за секунды прочитаю и все вам расскажу.

— Это вы так называемое быстрое чтение имеете в виду?

— Да нет... А хотя, — Тимофей задумался, — мо-

жет, оно так и получается. Тогда, значит, не я один такой...

Он замолчал, и в этот день Ефим Францевич, как ни пытался, уже не смог разговорить его.

* * *

Тимофея выписали из больницы в середине лета. Еще перед этим ему дали инвалидность и уволили из НИИ «по собственному желанию». Заявление он передал с Васей, и Вася же принес в больницу деньги, полученные по бюллетеням, и трудовую книжку.

Краснолицый Юлий Афанасьевич напутствовал Тимофея множеством совершенно бесполезных советов. Долго распространялся, какой режим Тимофей должен соблюдать; что есть, чего ни-ни, не касаться; какую работу выбрать...

Посоветовал постоянно носить в кармане карточку с фамилией и адресом, на которой должно быть написано, что он — Тимофей Иванов — предрасположен к летаргии и в случае нового приступа должен быть немедленно доставлен в ближайшую больницу.

— А уж оттуда, не беспокойтесь, мы вас сразу заберем к себе, — пообещал Юлий Афанасьевич.

Тимофей вежливо поблагодарил.

— И про Игоря не забывайте, — добавил Юлий Афанасьевич. — Он остается вашим опекуном. Не реже раза в месяц напоминайте о себе. Являйтесь прямо сюда — в отделение.

Выйдя из больницы, Тимофей прежде всего отправился в институт. Вечерний деканат был закрыт. По опустевшим коридорам, засыпанным опилками и заляпанным известкой, бродили студенты в рабочих спецовках. В институте шел ремонт, никого из администрации на месте не было. Уже при выходе Тимофей встретил знакомую студентку, и она сказала, что, кажется, его отчислили по состоянию здоровья...

Таким образом, первый опыт ускорения времени обо-

шелся Тимофею потерей работы и исключением из института. Тимофей, правда, не сомневался, что в НИИ его снова взяли бы, но возвращаться туда не хотелось...

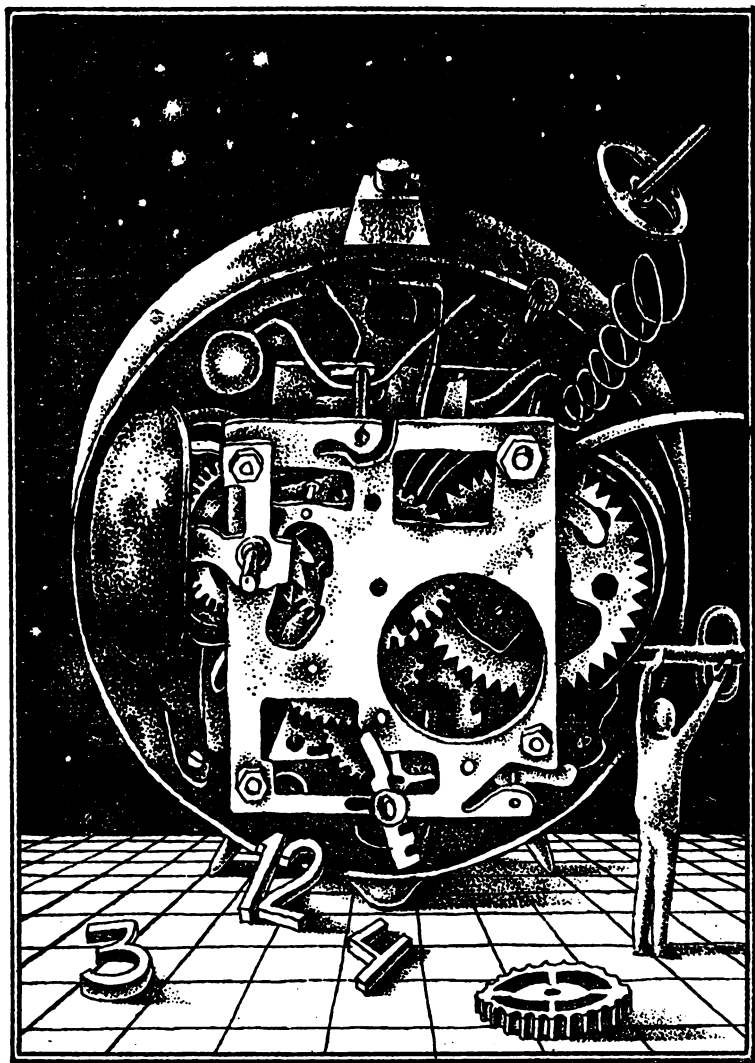
На другой день Тимофей отправился навестить профессора Воротыло, который вышел из больницы двумя неделями раньше. Однако дверь в квартиру профессора оказалась опечатанной, и какой-то мужчина, спускавшийся по лестнице, объяснил Тимофею, что профессор умер.

— Три дня как похоронили, — добавил он и попросил у Тимофея закурить.

Услышав, что Тимофей не курит, мужчина неодобрительно покачал головой и поинтересовался, не родственник ли Тимофей старого профессора, а узнав, что нет, потерял к нему всякий интерес и удалился.

Выйдя из дома профессора, Тимофей присел в сквере напротив. День был душный, солнце неярко светило сквозь белесые разводы облаков. На западе над крышами громоздились тучи. Собиралась гроза. В сквере по пыльным дорожкам бегали и кричали дети. Бабушки с вязаньем в руках степенно переговаривались, сидя в теничке напротив чахлого фонтана.

Тимофею было ужасно грустно и горько. Пожалуй, еще никогда в жизни он не чувствовал себя таким одиноким... С первых дней знакомства с Ефимом Францевичем Тимофей испытывал к нему необъяснимую симпатию. Они почти подружились. Старый профессор, покидая больницу, пригласил Тимофея навещать его. И вот что случилось... Тимофей остро пожалел, что не может вернуться в свое прошлое. Если бы мог, он обязательно разыскал бы Воротыло еще до того, как тот заболел. Тогда, может, удалось бы уберечь старика и от инфаркта и от того, что произошло несколько дней назад... Тимофей обязательно разыскал бы и «ученичка», который выживал Воротыло с кафедры. Ух, он и проучил бы его: почище, чем тех бандюг... Но время нельзя повернуть вспять, как часто говаривал Ефим Францевич. Тут он

был прав... А вот насчет ускорения и замедления ошибался. Почему Тимофей прямо не рассказал ему о своих удивительных способностях? Сколько раз он собирался сделать это, когда они разговаривали по ночам. Возможно, Воротыло не поверил бы... Объяснил бы все заболеванием Тимофея. И все-таки следовало рассказать... Даже и сегодня, идя к профессору, Тимофей колебался — рассказывать или нет. Может, и рассказал, если бы Воротыло был жив. Единственный раз повстречал человека, которому можно было довериться, и не воспользовался такой возможностью...

«Даже владея чудом, остаюсь неудачником, — думал Тимофей. — А что, разве не правда? Обладая резервом замедленного времени, я мог бы стать и знаменитым ученым и великим музыкантом, даже писателем... Выдающимся мастером любого дела».

Мог бы... Но, как и всякий раз, когда он начинал думать об этом, в памяти всплывали самодовольная морда Жоры и перекошенная от хитрого любопытства усатая физиономия Тихона Терентьевича... Перспектива воображаемых свершений сразу тускнела и утрачивала свою привлекательность.

Конечно, он мог еще улететь в какую-нибудь далекую страну, стать там, например, неуловимым гангстером или смелым революционером — борцом за права угнетенных. Подходящих мест немало: хотя бы в Чили или где-нибудь в Центральной Америке. Он мог бы действовать как Овод, Фидель или Че Гевара... Однако и тут таилась загвоздка — язык. Способностей к языкам у него не было — это Тимофей знал точно.

«Надо же случиться, что удивительнейшее свойство — управлять своим временем — прорезалось именно у такого недотепы, как он. Просто насмешка судьбы! Ведь любой другой на его месте... — Тимофей тяжело вздохнул. — Единственное, что в его силах — заглянуть подальше в будущее... До полного коммунизма включи-

тельно. Это он обязательно попробует сделать, если, конечно, чудо сохранится».

Потемнело, зашумел ветер, начал накрапывать дождь. Бабушки сзывали внучат, торопливо уходили.

Тимофей тоже поднялся. Подгоняемый порывами ветра, поплелся домой. Дождь стал сильнее, загредел гром, и пришлось укрыться в каком-то парадном.

Пока Тимофей переживал грозу, ему вдруг пришло в голову, что возможность проучить «ученичка», который вогнал в гроб старого профессора, еще не потеряна. Что-что, а уж это он сможет осуществить. Даже обязан... Надо только узнать, где и на какой кафедре работал Ефим Францевич Воротыло. Тимофей решил, что займется этим в ближайшие дни, одновременно с поисками новой работы. Предстояло найти такую работу, которая облегчила бы следующий шаг в будущее. Больницу и помощь врачей Тимофей теперь исключал.

* * *

Изучая многочисленные объявления, которые приглашали на работу, Тимофей для начала остановился на двух вариантах — детская библиотека и Исторический музей. Кстати, о спокойной работе в какой-нибудь библиотеке упоминал, расставаясь с ним, и Юлий Афанасьевич. Музей же привлекал тем, что там рабочий день начинался в десять утра. Детская библиотека отпала сразу: Тимофею не понравилась заведующая, которая чем-то напоминала Тихона Терентьевича...

В Историческом музее нужен был ответственный дежурный или попросту дневной сторож в отдел археологии Востока. Работа, как сказали в отделе кадров, была совсем не трудная: сидеть в одном из залов, когда он открыт для посетителей, и смотреть, чтобы никто не трогал руками экспонатов. Правда, платили совсем мало, но деньги у Тимофея пока были, а там видно будет. Он сказал, что место его, пожалуй, устраивает, взял анкету и обещал прийти в понедельник.

С поисками «ученичка» профессора Воротыло оказалось гораздо сложнее. Тимофей не знал, где работал старый профессор, а вузов в городе было много. Заглянув в несколько институтов, Тимофей ничего не выяснил. Приемные экзамены еще не начинались. Повсюду шел ремонт, бродили бледные, пугливые абитуриенты. Все, кого Тимофей пытался спрашивать, недоуменно пожимали плечами.

Тимофей решил попробовать через адресное бюро. В будочке на центральной улице он попросил справку об адресе Ефима Францевича Воротыло, семидесяти лет. Через двадцать минут ему вручили письменную справку. В ней был адрес, который Тимофей хорошо знал. Тогда он сказал, что хотел только уточнить адрес; квартира по этому адресу закрыта, а Воротыло ему очень нужен. Поэтому он просит дать адрес места работы.

Старушка в будке посмотрела на Тимофея с сомнением.

— Вообще-то мы не даем таких адресов, — сказала она, хмурясь. — Но профессор Воротыло человек известный. Я сама слушала его лекции в обществе «Знание». Только, кажется, он умер. А работал он в университете...

Тимофей поблагодарил и отправился в университет. Потом он не раз сам удивлялся, что заставило его пойти туда сразу же, хотя был близок конец рабочего дня. Выяснилось, что факультеты разбросаны по всему городу. Факультета Тимофей не знал. Он решил обратиться в отдел кадров. Трудовая книжка была при нем, он мог сказать, что ищет работу, сослаться на профессора Воротыло. Девушка в отделе кадров, критически оглядев Тимофея, процедила сквозь зубы, что надо поговорить с начальницей отдела кадров, а она занята... Тимофей решил подождать.

В маленькой комнате, откуда дверь вела в кабинет начальницы, еще две девушки сидели за пишущими машинками. Они оживленно разговаривали, а когда Тимофей зашел и присел на свободный стул, застучали по

клавишам машинок, недовольно поглядывая в его сторону. Прошло минут двадцать. Девушки все чаще поднимали глаза на Тимофея; наконец одна, перестав печатать, насмешливо сказала:

— Так вы никогда не дождетесь. Постучите.

— А можно? — спросил Тимофей.

— Конечно, можно, — сказала девушка, а другая добавила: — Даже нужно. Там у нее профессор с кафедры физики; он может сидеть часами. Рассказывает, какой он хороший...

Девушки захихикали, а Тимофей, услышав слово «физика», насторожился. Что, если ему вдруг повезло? Он поспешно встал, подошел к двери и постучал. Внутри что-то сказали, и Тимофей осторожно приоткрыл дверь. В просторном кабинете за большим письменным столом восседала полная широколистая женщина с неестественного цвета оранжевыми волосами в очень ярком платье. Напротив в глубоком кожаном кресле сидел, развалившись, длинноногий спортивного вида мужчина средних лет в сером костюме с узким бледным лицом, тонкими губами и крохотными рыжеватыми усиками. Мужчина небрежно перебирал похожие на анкеты карточки, которые вынимал из деревянного ящика, стоящего возле кресла на полу.

— Вам что? — спросила женщина очень низким, грубоватым голосом.

— Я насчет работы... — начал Тимофей.

— Подождите... Хотя, — Она вопросительно посмотрела на сидящего перед ней мужчину.

Тот, не глядя на Тимофея, махнул рукой:

— Пусть заходит. Мне он не мешает.

— Ну, заходите, — басом сказала женщина с оранжевыми волосами.

Тимофей вошел, объяснил, что ищет работу, и протянул трудовую книжку.

— Чертежник, значит, — сказала женщина, листая книжку. — Чертежники сейчас не нужны.

При слове «чертежник» мужчина в сером костюме встрепенулся и мельком взглянул на Тимофея. Тимофей успел заметить, что глаза у мужчины бесцветные, круглые, холодные и очень внимательные.

— Я могу и другое, — заметил Тимофей, косясь на мужчину в кресле.

— Что именно? — спросила начальница.

— Лаборантом... или...

— Вас рекомендует кто-нибудь? — отрывисто перебила она, с неудовольствием поглядывая на Тимофея. — Если рекомендует, скажите кто?

— Я недавно в больнице лежал с одним вашим профессором, — сказал Тимофей, переминаясь с ноги на ногу, — он посоветовал мне узнать на кафедре, только я забыл, какая кафедра.

Тимофей заметил, что при словах «больница» и «профессор» мужчина в кресле насторожился и стал внимательно слушать, прикрыв глаза.

— А фамилию профессора помните? — спросила женщина.

— Помню... Ефим Францевич Воротыло.

Мужчина подскочил в кресле и уставился на Тимофея. Взгляд у него был ужасно неприятный, Тимофею почему-то вдруг вспомнился взгляд змеи...

Женщина за столом развела руками:

— К сожалению, наш Ефим Францевич...

— Я слышал, — сказал Тимофей.

— Просто не знаю, что вам сказать, — продолжала она, — свободных штатных мест сейчас нет. Вот разве по безлюдному фонду? Вы, Петр Степанович, говорили, что вам нужен чертежник на кафедру.

— Даже очень, — сказал мужчина в кресле неожиданно приятным, каким-то бархатным голосом, — очень, Евдокия Кирилловна. Крайне.

— Так, может, поговорите с молодым человеком? — благосклонно кивнула оранжевоволосая Евдокия Кирилловна. — Это новый заведующий кафедрой; профессор

Петр Степанович Овратов, — пояснила она. — Вместо покойного Ефима Францевича.

«Вот это да! — мелькнуло в голове Тимофея. — Впервые в жизни так повезло...»

Петр Степанович некоторое время внимательно изучал Тимофея, пристально глядя на него льдистыми, бесцветными глазами.

— Давно знаете Ефима Францевича? — спросил он наконец, отводя взгляд к потолку.

— Я его совсем не знаю, — простодушно сказал Тимофей. — Мы... несколько дней рядом лежали в больнице.

— Раньше вы с ним не встречались?

— Никогда.

— Ну хорошо, — бархатно сказал Петр Степанович, поднимаясь. — Пойдемте ко мне на кафедру побеседуем.

— Прямо сейчас? — удивился Тимофей.

— А разве сейчас вам неудобно?

— Нет... Почему же... Могу и сейчас.

— Вот и прекрасно. Сразу обо всем и договоримся. Работа не любит ждать. — Он улыбнулся Тимофею, но глаза остались ледяными. — Будьте здоровы, Евдокия Кирилловна. Я завтра еще загляну к вам.

— Всегда вам рада, Петр Степанович.

Через час Тимофей вышел из университета с целой папкой эскизов и толстым рулоном ватмана. Эскизы он должен был как можно скорее превратить в красочные чертежи, которыми Петр Степанович предполагал украсить стены коридоров на своей кафедре.

* * *

Прошло два месяца. Наступила осень. Деревья на бульварах пожелтели, все чаще хмурилось небо. У Тимофея теперь не оставалось времени скучать... Днем он дежурил в музее, а вечерами чертил — дома или на кафедре Петра Степановича.

Странная это была кафедра. Странная во всем, начиная с названия... Называлась она кафедрой общей и теоретической физики, сокращенно КОТФ, а на студенческом жаргоне — КОТ.

— Пошли, ребята! Следующая пара у кота, — слышал не раз Тимофей, когда развешивал в коридорах свои чертежи.

Непонятно было, то ли прозвище относилось к кафедре, то ли к Петру Степановичу, которого все называли заведующим, но который пока лишь исполнял обязанности заведующего кафедрой. И чем больше Тимофей присматривался к Петру Степановичу, тем больше он казался ему похожим на длинного худого кота, который постоянно находился в движении, что-то выслеживал, вынюхивал, копал и закапывал, ластился к начальству и тотчас же шипел на тех, кого считал ниже себя. Хмурый, каверзный кот с круглыми змеиными глазами. Студенты его явно не любили, на его лекции ходили плохо. Впрочем, лекций у него было мало. Всего два раза в неделю: раз в утренние часы, раз в вечерние. Тимофей, работая вечерами на кафедре, иногда осторожно заглядывал в его аудиторию. Петр Степанович, сидя за столом, что-то говорил своим красивым бархатным голосом, а за партами дремали, заслонившись портфелями, шестеро-семеро студентов. Тем не менее, возвращаясь после лекции на кафедру, Петр Степанович каждый раз, словно невзначай, бросал дежурной лаборантке:

— Сегодня у меня опять комплект. Полная аудитория!

Или:

— Хорошо ребята ходят. Сегодня только одного не досчитался.

И иногда добавлял:

— Не понимаю, почему Ефим Францевич утверждал, будто вечерники плохо ходят на лекции...

Тимофей, как-то оставшись наедине с лаборанткой,

осторожно выразил сомнение в справедливости слов профессора.

Лаборантка пожала плечами, но промолчала. Тимофей поинтересовался, сколько же студентов числится на вечернем потоке, где читает Петр Степанович.

— Побольше, чем ходят, — усмехнулась лаборантка.

— А все-таки?

— Человек пятьдесят...

Тимофей ахнул:

— Так у него больше десяти в аудитории я не видел.

— И на дневном так же, — шепнула лаборантка и испуганно оглянулась. Дверь в кабинет заведующего кафедрой была плотно закрыта, и лаборантка добавила, наклоняясь к самому лицу Тимофея:

— Он потому и не читает сам... Все лекции доцентам отдал. Разве такое при покойном Ефиме Францевиче возможно было! — И она безнадежно махнула рукой.

— А Ефим Францевич хорошим был заведующим? — поинтересовался Тимофей.

— О-о, — сказала лаборантка, и голос ее дрогнул. — Такой был человек, такой человек... Пусть земля ему будет пухом. Умный, сердечный, справедливый, все сам умел делать. Дачу собственными руками из бревен срубил — конечно, когда был помоложе. А как он лекции читал! Яблоку упасть было негде... Из других вузов приходили. — Она вздохнула. — В одном ошибся...

— В чем?

— В этом. — Лаборантка кивнула на закрытую дверь профессорского кабинета.

— А почему? — спросил Тимофей.

— Голову заморочил. Обхаживал, льстил, поддакивал, твердил направо и налево, что он ученик Ефима Францевича, а защитил докторскую, утвердили — все. Сразу когти показал...

— А он и вправду на кота похож, — заметил Тимофей после короткого молчания.

— Кто это на кота похож? — ласково прозвучало у них за спиной.

Тимофей страшно смутился, а лаборантка, даже не оглянувшись, спокойно сказала:

— Наш новый вахтер. Усы, как у кота. Вы обратите на него внимание, Петр Степанович.

— Ах, вот что, — протянул исполняющий обязанности заведующего кафедрой и, склонившись над чертежом, только что законченным Тимофеем, принялся рассматривать его.

— Неплохо, неплохо, — пробормотал он и, окинув их настороженным взглядом, снова удалился в свой кабинет, плотно закрыв дверь.

— Когда успел войти? — шепнул Тимофей.

— А вот так, — сжала губы лаборантка. — Сколько раз зарок давала: не распускать слюни... Господи, только бы до пенсии дотянуть. Еще год и три месяца...

Это был самый откровенный разговор за все время, проведенное Тимофеем на кафедре покойного Ефима Францевича. Народу на кафедре числилось человек пятнадцать, но кто-то находился в командировках; кто-то в декретном отпуске, и во время заседаний обычно собиралось человек восемь-девять.

Заседания кафедры тоже проходили странно. Говорил обычно один Петр Степанович. Кто-нибудь из преподавателей писал протокол. Остальные сидели и молчали. Ассистенты во время заседаний торопливо проверяли студенческие работы. Петр Степанович по каждому вопросу говорил долго, обстоятельно, со вкусом; подробно описывал новые мероприятия, осуществленные в последние месяцы, хотя они и так всем были известны, ненавязчиво подчеркивал свои личные усилия в деле придания кафедре «известности и научного блеска», как он любил выражаться. И в заключение всегда призывал к единству взглядов и устремлений, к дружескому сплочению для создания здорового творческого коллектива.

— Тем более, — многозначительно добавлял он, — что теперь для этого созданы все условия...

После того, как призывы к сплочению кафедры прозвучали в девятый или десятый раз, Тимофей, который во время вечерних заседаний часто чертил в углу за шкафами, поинтересовался у одного из доцентов, существовал ли здоровый творческий коллектив при старом заведующем.

— Идите-ка вы, Тимофей, знаете куда... — невежливо, но решительно сказал доцент и добавил, наклоняясь к самому уху Тимофея: — У меня эти разговоры знаете где сидят?..

Так как Тимофей не знал, он показал, где у него сидят эти разговоры, и ушел.

Тимофей уже с первых дней заметил, что сотрудники кафедры почти не разговаривали друг с другом. Приходят к занятиям или к заседаниям, сидят молча по своим углам, что-то там делают, а окончив дела, торопятся исчезнуть.

Тимофей не слышал ни научных споров, ни обсуждения новых книг, ни сообщений на научные темы. На заседаниях обычно говорилось о текущей успеваемости студентов, о выполнении графиков контрольных работ, о посещении студенческих общежитий, о новых креслах и гардинах для кафедры. Однажды кто-то из преподавателей заикнулся о приборах в одну из лабораторий. Петр Степанович долго объяснял тогда, что кафедра в основном теоретическая; это направление они и должны развивать, следовательно, приборы — не самое главное...

При всей антипатии к Петру Степановичу Тимофей не мог не признать, что на кафедре именно он — фигура самая активная. Он обычно приходил рано и уходил позже всех. Без дела не сидел: что-то писал в своем кабинете, разговаривал по телефону или бегал по университету, подолгу пропадая у ректора, проректоров, в ученом совете. Тимофей не раз видел, как он,

остановив в коридоре кого-нибудь из старых профессоров, деликатно брал его под локоть, отводил в сторону и подолгу убеждал в чем-то, придерживая за пуговицу пиджака. Еще до начала учебного года на глазах Тимофея на кафедре заменили столы, шкафы, настольные лампы. Тимофей сам помогал Петру Степановичу принести со склада телевизор, который затем был установлен в кабинете заведующего кафедрой. Вскоре на кафедре появились ковры и диваны, таскать которые снизу пришлось преподавателям во время специально назначенного субботника. Петр Степанович лично следил за чистотой в помещениях кафедры и, не довольствуясь работой уборщиц, требовал, чтобы лаборантки стирали пыль на подоконниках, столах и витринах, а иногда вечерами сам брал тряпку и стирал пылинки с листьев фикуса и с абажуров настольных ламп.

В помещениях кафедры стало уютно. Тимофей с удовольствием приходил сюда чертить по вечерам, после дежурства в музее. Если не было заседания, на кафедре становилось совсем хорошо и спокойно. Преподаватели уходили на занятия с вечерниками, лаборантка читала за столом, а Петр Степанович сидел в своем кабинете.

Время от времени он бесшумно появлялся, давал какое-нибудь указание лаборантке, подходил к Тимофею, бросал быстрый взгляд на очередной чертеж и снова исчезал. Тимофей ему явно нравился. Он стал поговаривать о возможности взять Тимофея в штат на должность лаборанта. Тимофей помалкивал, а Петр Степанович все настойчивее расхваливал работу на кафедре и рисовал заманчивые перспективы постепенного продвижения от лаборанта к старшему лаборанту, заведующему учебной лабораторией и так далее до защиты диссертации включительно.

— Вечерний я вам помогу окончить, — ласково говорил он своим бархатным голосом, не спуская с Тимофея холодных льдистых глаз. — Три курса у вас за пле-

чами. Перезачтем, и через год-два к диплому подойдете.

Тимофей вздыхал, согласно кивал, говорил, что подумает, а в душе удивлялся, зачем он понадобился Петру Степановичу.

* * *

Незаметно прошла осень и наступила зима. Раз в месяц Тимофей приходил в больницу к Игорю. Игорь осматривал его, обстукивал, заглядывал в глаза и в рот, но теперь расспрашивал мало, ограничивался вопросами о самочувствии, аппетите, сне. Потом записывал что-то и отпускал до следующего раза. В НИИ Тимофея не тянуло, особенно после того, как Вася, позвонив как-то вечером по телефону, между прочим, сообщил, что Зойка выходит замуж.

— В Крыму познакомились, — пояснил он. — Военный моряк, лейтенант. Недавно заходил в отдел к Зойке. Ничего... Видный парень.

В милиции о Тимофее, вероятно, тоже позабыли.

Так постепенно обрывались нити, связывающие Тимофея с его недавним прошлым. Можно было бы уже попытаться осуществить задуманное, тем более что Тимофей обнаружил в музее именно то, что было необходимо для дальнейшего «путешествия»... Но задерживал долг, который лежал на Тимофее. Долг, самым возложенный на себя. Долг перед Ефимом Францевичем, о котором Тимофей вспоминал постоянно...

Присматриваясь к сотрудникам кафедры, Тимофей в конце концов понял, что покойного заведующего помнит и чтит не только старая лаборантка. По редким репликам, вздохам, реакции на замечания Петра Степановича Тимофей догадался, что скрытая неприязнь преподавателей к новому заведующему связана не только с его личными качествами. Слова его, поступки, вся нынешняя обстановка на кафедре сознательно или бессознательно сопоставлялись каждым с тем, как было при

жизни Ефима Францевича. Преподаватели почти не разговаривали друг с другом на кафедре. За ее пределами — в коридорах, в столовой, в холле — они становились другими людьми: оживленными, разговорчивыми, остроумными. Впрочем, и тут, подолгу беседуя друг с другом, они часто оглядывались — не появился ли на горизонте «ио», как они называли между собой Петра Степановича, который все еще не был утвержден и оставался исполняющим обязанности. Тимофею они, кажется, тоже не доверяли, вероятно, потому, что его уже несколько раз публично похвалил Петр Степанович. Поэтому они замолкали всякий раз, когда Тимофеем оказывался поблизости в коридоре или в столовой.

«Почему же на кафедре они все такие безответные?» — недоумевал Тимофей.

Однако вскоре выяснилось, что не совсем безответные. Как-то вечером — был уже конец января, и на кафедре стали появляться студенты-хвостисты — Тимофеем чертил в своем углу. За соседним столом сидела одна из ассистенток — женщина очень спокойная, неопределенного возраста. Она тихо беседовала с двумя студентами, которые пришли переписывать контрольную работу. Неожиданно и как всегда бесшумно появился Петр Степанович. Он подошел к столу, за которым сидели студенты, и некоторое время прислушивался к их разговору с преподавательницей. Потом поинтересовался, скоро ли она освободится.

Преподавательница вздрогнула, испуганно обернулась и молча покачала головой.

— Тогда прервите, пожалуйста, вашу беседу, — сказал Петр Степанович, — и пройдите на минуту в мой кабинет. У меня к вам срочное дело.

— Может быть, немного позже? — неуверенно попросила преподавательница. — Я уже дала задание, и товарищи отвечают...

— Я, кажется, сказал «срочное», — холодно прервал Петр Степанович, и в его бархатном голосе послышались

металлические нотки. — Студенты подождут. Еще подумают. Им это только на пользу.

— Но... — совсем растерялась преподавательница, — они ведь...

— Ну, хорошо, — поджал губы Петр Степанович. — Я понял, что в этом исключительно важном случае мне следует подождать... Зайдите, как отправите их.

И он с оскорбленным видом удалился к себе.

Тимофей заметил, что, пока продолжался разговор преподавательницы со студентами, дверь кабинета заведующего несколько раз приоткрывалась, и оттуда выглядывал Петр Степанович. Выражение его лица с каждым появлением становилось все более каменным, а на бледных щеках даже выступил румянец.

Наконец студенты поднялись и ушли, а преподавательница достала из сумочки зеркало и стала поправлять волосы, видимо, перед тем, как идти в кабинет к Петру Степановичу.

Вдруг дверь кабинета распахнулась, и он сам снова появился на пороге.

— Долго мне вас ждать? — прошипел он. — Что за вызывающее поведение при студентах? Вы, очевидно, забыли, что кафедрой заведует уже не Воротыло. Я того балагана, что здесь когда-то был, не допущу...

— Позвольте, — сказала преподавательница, страшно побледнев, — почему вы считаете возможным разговаривать со мной подобным образом? Разве занятия со студентами не самое главное, для чего мы здесь...

— Я не собираюсь с вами обсуждать, что главное и что не главное, — закричал Петр Степанович, выбегая на середину комнаты. — Но когда заведующий кафедрой требует, преподаватели обязаны немедленно выполнять. Вы поняли?.. И чтобы такое было в последний раз,—добавил он уже спокойнее. — Я вам не Воротыло.

— Оставьте Ефима Францевича в покое, — дрожащим голосом сказала женщина, встав из-за стола. —

И если вы, Петр Степанович, еще раз при мне подобным образом оскорбите его память, я... я...

Она не кончила и закрыла лицо руками.

Овратов остолбенел. Он открыл рот и изумленно уставился на нее. Даже взгляд его изменился, глаза утратили холод и пустоту, это был взгляд почти нормального человека, удивленного и озадаченного.

— Ну-ну, успокойтесь же, — сказал он наконец. — Пройдемте ко мне в кабинет.

Он бросил быстрый взгляд на Тимофея, нахмурился, закусил губы и быстро ушел в кабинет. Преподавательница оперлась рукой о стол и уронила на пол зеркальце. Он разлетелось на мелкие кусочки.

Женщина сокрушенно охнула, наклонилась, хотела собрать осколки, но махнула рукой и, низко опустив голову, прошла в кабинет.

Прибежала лаборантка, заахала, стала замечать стекла, приговаривая:

— К несчастью... Это к несчастью...

Тимофей так и не дождался окончания разговора в кабинете заведующего. Когда в десять вечера он собрался уходить домой, дверь в кабинет еще оставалась плотно закрытой.

* * *

Придя вечером следующего дня на кафедру, Тимофей сразу догадался: что-то случилось... Преподаватели, которых в комнате собралось пятеро, были очень возбуждены, а лаборантка сидела за своим столом как истукан; лицо у нее было в красных пятнах и глаза заплаканы. Тимофей тихонько устроился в своем углу и начал чертить. Вопреки обыкновению никто не уходил. Все словно чего-то ждали... Дверь в кабинет заведующего, как всегда, была плотно закрыта, но из-за двери доносились голоса. Впрочем, разобрать, о чем говорилось, было невозможно.

— Два часа выясняют отношения, — заметил один из преподавателей, покачивая головой. — Ну я, пожалуй, пойду...

— Подожди, — сказал второй. — Интересно, чем все это кончится.

— А ничем, — усмехнулся третий. — Все останется по-прежнему, но защищать он ему не даст.

— Возможно, ты и прав, — задумчиво сказал первый. — Ему надо было защищать при Ефиме Францевиче, или по крайней мере пропустить при нем диссертацию через кафедру. Тогда все было бы просто. А сейчас... — Он махнул рукой.

— И главное, непонятно, как теперь ему помочь, — пожал плечами пожилой доцент, который сидел недалеко от Тимофея и которого звали не то Иннокентий Лаврентьевич, не то Лаврентий Иннокентьевич. — Шеф в одном прав... Работа все-таки несколько устарела, и ее надо дополнить новыми данными. Но на это требуется время...

— Нисколько она не устарела, — решительно возразил первый. — Просто удобная отговорка для «ио»... В этой работе важны сами идеи. Они уже носят в воздухе, если подзатянуть с защитой, вот тогда действительно работа может устареть. На это он и бьет.

— А по-моему, — сказал пожилой доцент, — наш шеф даже и не понимает существа этой работы... Ему важно другое: чтобы на кафедре не появился конкурент с докторской степенью. А сама работа... Он же не читал ее, уверяю вас.

— А вы читали?

— И я не читал... Я в этом тоже ничего не понимаю. Как и большинство на нашей кафедре. Не обижайтесь, но для меня важно, что работу успел прочитать Ефим Францевич и дал блестящий отзыв.

— Так шеф же сказал, что отзыв устарел...

— А что ему еще делать?.. Он не может не понимать, что специалисты оценят эту работу высоко.

— Вот именно, — кивнул Лаврентий Иннокентьевич, — поэтому он и настаивал, чтобы работа была послана на заключение... в институт, где ее просто не смогут по-настоящему оценить.

— Алексей Иванович не зря сопротивляется...

— Еще бы...

Только теперь Тимофей, пораженный разговорчивостью преподавателей, понял наконец, в чем дело. Алексей Иванович — был тот самый доцент, который на одном из заседаний кафедры настаивал на приобретении новых приборов. Пожалуй, он держался более независимо, чем остальные преподаватели. К нему чаще чем к другим приходили студенты. Тимофей слышал, что он пишет или даже заканчивает докторскую диссертацию. Видимо, сегодня во время заседания кафедры состоялся разговор об этой диссертации.

На всякий случай Тимофей решил уточнить:

— Алексей Иванович там? — спросил он у Лаврентия Иннокентьевича, указывая на дверь кабинета.

— Там, — кивнул тот. — Третий час там... А вы все рисуете, молодой человек?

— Рисую.

— А зачем?

— Как зачем?

— Вы разве не думали, зачем нужны ваши красивые рисунки?

— Для студентов...

— Вот что! А я полагал, для украшения... коридорных стен.

— Но ведь это... учебный материал, — осторожно возразил Тимофей. — Законы физики, формулы, графики...

— Так, по-вашему, студент и в перерывы должен физические законы изучать? Он курить хочет или, извините, в уборную... Вот если в туалете с умом развесить, пользы будет больше...

Тимофей смутился и покраснел.

— А вы, Тимофей, не расстраивайтесь, — сказал молодой преподаватель, который до сих пор сидел молча. — Ваше дело не совсем бесполезное. Случается, что и смотрят на ваши плакаты...

— Когда опаздывают на лекции и слоняются по коридорам? — спросил Лаврентий Иннокентьевич.

— Не только... Сегодня утром Петр Степанович ректора приводил, показывал ему, как теперь красиво в коридоре и на кафедре... Ректор улыбался весьма благоклонно.

— А вчера проректора по науке, — добавил Лаврентий Иннокентьевич. — Позавчера еще одного. Так что польза есть, конечно.

Все рассмеялись.

— Неужели его все-таки утвердят? — спросил кто-то.

— А неужели вы сомневаетесь? — прозвучало в ответ.

И опять все рассмеялись. Но смех показался Тимофею невеселым.

— Не понимаю, — сказал преподаватель, начавший весь этот разговор. — Решительно не могу понять, — повторил он, обводя взглядом присутствующих, — если он уверен, что совет его не забаллотирует, чего же он так навалился на Алексея Ивановича? Защита, утверждение ВАКом, утверждение в профессорском звании ведь это минимум три года. Алексей Иванович, даже если бы захотел, а я уверен, он и не захочет, три года не может быть конкурентоспособен.

— Вы воображаете, что наш шеф только на три года вперед планирует свою карьеру, — усмехнулся Лаврентий Иннокентьевич. — Уверяю, у него уже запланировано, когда он станет заслуженным деятелем науки, когда членом-корреспондентом...

Снова все рассмеялись. На этот раз совсем невесело.

В комнате стало тихо. Только гудели лампы дневного света под потолком, да из-за закрытой двери по-прежнему доносились голоса. Они стали заметно громче.

— А ведь там баталия не на шутку, — заметил один из доцентов. — Может, зайдем на подмогу?..

— С ума сошел! Кому не известно, что шеф принимает нас только поодиночке? Сколько раз он говорил...

— Вот так и слопают поодиночке.

— Всех не слопают...

— Всех, конечно, нет... Кое-кого на свою сторону временно перетянет. Пока ему это нужно... Двоих-то уже нет... До начала учебного года ушли... По собственному желанию...

— Да, неважные дела, — пробормотал Лаврентий Иннокентьевич и вдруг обернулся к Тимофею. — А вы слышали, молодой человек, — сказал он очень серьезно, — у Клавдии Сергеевны инфаркт.

— Не может быть! — вырвалось у Тимофея.

— Вот, все говорят — не может быть, — вздохнул собеседник. — А тем не менее правда. Печальная правда... Наша лаборантка уже все глаза выплакала.

Клавдия Сергеевна была той самой преподавательницей, на которую вчера накричал «ио» и которая после этого разбила зеркальце.

В комнате опять воцарилась тишина. На этот раз надолго. Тимофеем отложен фломастер. Не было сил продолжать работу.

— Ну я, пожалуй, пошел, — сказал Лаврентий Иннокентьевич поднимаясь. — Если кто-нибудь дождется конца встречи, позвоните — какой счет...

Вскоре ушли еще двое. Остались только два молодых преподавателя, которые почти не принимали участия в разговоре. Один писал конспект, другой перебирал студенческие работы и прислушивался к тому, что происходило за дверью. Когда они остались вдвоем, он встал, подошел поближе к двери и, прислушиваясь, смущенно улыбнулся Тимофею. Вдруг за дверью раздался шум, что-то упало. Молодой преподаватель поспешно отскочил в угол к столу Тимофея.

Дверь распахнулась. На пороге появился Алексей

Иванович, сравнительно молодой еще человек с очень правильными чертами лица и светлыми слегка выющими-ся волосами. Он старался казаться спокойным, но руки его слегка дрожали, а по красивому лицу время от времени пробегала судорога.

Он неторопливо закрыл за собой дверь, оглядел присутствующих и попытался улыбнуться.

— Ну что? — в один голос спросили оба преподавателя.

Алексей Иванович возвел глаза к потолку и покачал головой.

— Просто феноменальная сволочь, — сказал он возможно спокойнее. — Вы не можете себе представить, что за сволочь... Я под конец не выдержал и напомнил, что это он довел Ефима Францевича до инфаркта... Так он хватил книгой о стол, завопил, что я хулиган, что он требует привлечь меня к уголовной ответственности и так далее...

— А вы?

— Я? Завтра подам рапорт ректору об увольнении... по собственному желанию...

— А диссертация?

— Там видно будет... Он, оказывается, уже успел развонить, что моя диссертация чуть ли не плагиат, мысли там нашего покойного шефа, причем устаревшие...

— Этому же никто не поверит...

— Поверят, поверят... Можете не сомневаться. Разве вы наш совет не знаете? Если создать аромат скандалчика... Нет-нет. Я недооценивал его способности. Такой далеко пойдет, уверяю вас... Ну ладно... Поеду в больницу, узнать, как там Клавдия Сергеевна...

Едва Алексей Иванович успел выйти, дверь в кабинет шефа отворилась. Выглянул Петр Степанович, спокойный и невозмутимый.

— Зайдите, пожалуйста, ко мне, — сказал он молодому преподавателю, который все еще стоял возле чертежного стола Тимофея. — А вы, — обратился он к дру-

тому, который торопливо запихивал в портфель книги, — тоже не уходите. Мне надо с вами побеседовать...

Тимофей почувствовал, что сегодня он больше работать не может. Он сложил чертежные принадлежности, заслонил неоконченный плакат газетой и, как только дверь в кабинет «ио» закрылась, отправился домой.

Он шагал по свежавыпавшему снегу, устилавшему тротуары, а в голове звучало: «Если создать аромат скандальчика...» «Аромат скандальчика»... Вот оно то, что сейчас требовалось. Надо только все хорошо продумать и подготовить...

* * *

Подготовку Тимофей начал давно... В музее, где он работал, в самом конце лабиринтов запасника стоял древний деревянный саркофаг. Саркофаг был из Египта, но, видимо, не представлял особой ценности. Надписи почти не читались, дерево было источено жучками.

Снаружи саркофаг покрывал толстый слой пыли, которого руки уборщиц не касались много лет. Вообще в эту часть запасника редко кто заглядывал, а уж про саркофаг, путь к которому загромождала баррикада упаковочных ящиков и штабель старинных мраморных надгробий, видно, давно все позабыли. Саркофаг Тимофей и решил избрать своим убежищем на время путешествия. На всякий случай он уместил в саркофаге небольшой запас продовольствия — десяток банок консервов, несколько пачек хрустящих хлебцев, пачку сахара, витамин С в таблетках и термос для кипяченой воды. Теперь он мог в любой момент проникнуть в свое убежище, накрыться деревянной крышкой и подать сигнал к ускорению времени. Тимофей рассчитывал не без основания, что несколько лет, а может, и десятилетий, никто его в саркофаге не потревожит. Время от времени он будет проверять по ночам, до какого года добрался. События в мире развивались быстро, и до полного ком-

мунизма, Тимофей был в этом убежден, лет оставалось не очень много. А уж при коммунизме люди наверняка избавятся не только от несправедливости, зла, клеветы и прочих отрицательных явлений в целом, но и от таких отдельных подонков, как те бандюги, Жора, Петр Степанович... Там, в счастливом блистающем мире будущего, если удастся до него добраться, Тимофей попробует решить загадку, которая его мучит с того самого момента, как он узнал о своих удивительных способностях. Однако до начала путешествия предстояло выполнить еще одну нелегкую задачу...

Примерно через неделю после вечернего объяснения на кафедре Тимофей увидел в деканатском коридоре объявление. В нем сообщалось о заседании Большого ученого совета.

В повестке дня два пункта привлекли внимание Тимофея. Под одним значился доклад исполняющего обязанности заведующего кафедрой общей и теоретической физики доктора физико-математических наук, профессора П. С. Овратова — «Воспитательная, учебно-методическая и научная работа на кафедрах физического цикла»; в скобках было скромно указано — «на опыте работы кафедры общей и теоретической физики». В следующем пункте сообщалось, что состоятся выборы заведующего кафедрой КОТФ. Тимофей понял, что пришло время действовать.

На кафедре снова было тихо. Из больницы поступили известия, что Клавдии Сергеевне лучше. Алексей Иванович подал заявление об увольнении. Преподаватели, проходя на кафедру, снова забивались в свои углы и молчали. А Петр Степанович ходил торжественный, важный, высокомерно-благосклонный. Он, видимо, уже ощущал себя полноценным заведующим кафедрой. Увидев Тимофея, хлопнул его покровительственно по плечу и сообщил «по секрету», что «выбил» у ректора штатную единицу лаборанта персонально для него — Тимофея. И, даже не выслушав, что скажет Тимофей, распорядился:

— Расставайтесь быстрее с вашим музеем, с первого марта будете работать у меня...

«До первого марта еще дожить надо», — подумал Тимофей, принимаясь за очередной чертеж.

Вскоре на кафедре появился новый преподаватель на место Алексея Ивановича. Привел его сам Петр Степанович, представил как доцента и кандидата наук и объявил, что отныне Андрей Андреевич Дубский, так звали нового доцента, будет штатным заместителем заведующего кафедрой.

— Прошу любить и жаловать Андрея Андреевича, — торжественно сказал Петр Степанович. — Он у нас человек новый, надо ему помогать... Ну и, конечно, помните, он — мой заместитель. Теперь по всем вопросам прошу адресоваться к нему, а он будет докладывать мне. Так мы постепенно заведем на кафедре настоящий порядок.

Все ожидали, что Андрей Андреевич тоже что-нибудь скажет для первого знакомства, но он только осмотрел всех с высоты своего огромного роста — а был он большой, массивный, широченные плечи и какая-то угловатая голова. Закончив осмотр, он глянул через плечо на Петра Степановича, который стоял сзади, и сказал:

— Ну ладно, пошли к тебе, поговорим.

Обращение на «ты» ошеломило сотрудников кафедры. Никто из них не помнил, чтобы кто-нибудь, когда-нибудь, даже до того, как Петр Степанович стал доктором и профессором, осмеливался переходить с ним на «ты». Тимофей тоже удивился и с интересом посмотрел на Петра Степановича. Ему показалось, что «ио» недоумен... Он бросил на Андрея Андреевича быстрый, холодный взгляд, но, видимо, превозмог себя. Взял Андрея Андреевича под локоть и увел в свой кабинет.

После их ухода на кафедре воцарилось подавленное молчание. Потом кто-то вздохнул за шкафами:

— О, господи, где он такого выкопал?..

А всезнающий Лаврентий Иннокентьевич бодро ответил:

— Да, коллеги, поздравляю с подарком. Я об этом голубе слышал. Его из трех вузов поперли и еще откуда-то... Это действительно дуб... Просто не знаю, что он у нас может сделать.

— Нашему именно такого помощника и надо... Теперь все будет делать руками этого типа, — слышалось из дальнего угла.

— Господи, только этого нам не хватало, — снова вздохнули за шкафами.

«А, так вам и надо, — со злостью подумал Тимофей, — если прячетесь по углам и молчите. Вот я покажу, что можно сделать...»

* * *

В день заседания совета Тимофей отпросился на час с дежурства в музей. Ему надо было получить деньги за выполненные чертежи. Он получил их в кассе университета. Денег оказалось больше, чем Тимофей предполагал; «ио» добился для него более высокой расценки.

«Задабривает, — подумал Тимофей. — И чего я ему понравился? Знал бы, не задабривал...»

Заседание совета еще только началось. Коридор около актового зала был пуст, и Тимофей осторожно заглянул в щель неплотно притворенной двери. Выступал ректор. Стоя за столом президиума, он монотонно читал какую-то бумагу. Петр Степанович очень торжественный с высоко поднятой головой сегодня тоже восседал за столом президиума недалеко от ректора. Члены ученого совета, разместившиеся вдоль двух очень длинных столов, покрытых зеленым сукном, тихо переговаривались. Некоторые уже дремали.

«Рано пришел», — подумал Тимофей. Он положил принесенный рулон чертежей на подоконник и присел рядом. Неожиданно в коридоре появился Лаврентий Инно-

кентьевич. Эта встреча совсем не устраивала Тимофея, он весь сжался, чтобы быть возможно незаметнее. Но Лаврентий Иннокентьевич сразу приметил его и подошел.

— Привет, молодой человек, — сказал он, присаживаясь рядом с Тимофеем на подоконник, — что тут делаете? Выступать на совете собираетесь?

— Собираюсь, — в тон ему ответил Тимофей.

— Хорошее дело, — кивнул Лаврентий Иннокентьевич. — Я вот тоже собирался...

— И выступили бы, — заметил Тимофей.

Лаврентий Иннокентьевич испытующе посмотрел на него, прищурив один глаз.

— А, вы полагаете, поможет?

— Под лежащий камень вода не течет, — отпарировал Тимофей.

— Вот вы какой! — загадочно протянул Лаврентий Иннокентьевич и совершенно неожиданно добавил: — Мне до пенсии без году неделя...

— Не понимаю, — покачал головой Тимофей. — Никого из вас на этой вашей кафедре понять не могу. Вас много, вы вроде все видите. А сами... Вы, к примеру, о пенсии беспокоитесь, лаборантка — тоже, Алексей Иванович совсем ушел, Клавдия Сергеевна в больнице оказалась. И никто — ничего... А ведь вы все вместе с Ефимом Францевичем работали.

— Вот вы, оказывается, какой! — повторил Лаврентий Иннокентьевич. — Ну и ну! Говорить-то просто, а сами? Под него подлаживаетесь? Некрасиво... Знаете, как это называется?

— Вы бросьте! — разозлился Тимофей. — Ни под кого я не подлаживаюсь. И никогда не подлаживался. Рисую что велят. За это деньги получаю. Я ведь и не в штате у вас...

— Но будете. А в штат так просто у нас не берут.

— Ладно, — вздохнул Тимофей, — мне-то, в общем,

все равно, как тут у вас получится. За Ефима Францевича обидно, за его память...

— Вот и выступили бы в защиту. Это никому не возбраняется. Вы ведь его тоже, кажется, знали.

— Кто меня послушает. Я — человек маленький, а тут и вовсе посторонний. Не дело говорите.

— Конечно... Это я так — по скверности характера, — Лаврентий Иннокентьевич вдруг помрачнел и низко опустил крупную седую голову с тщательно расчесанным пробором. — Молодым надо, — продолжал он, не поднимая головы, — в бой за справедливость, за настоящую науку без паршивой рекламы... А молодые тоже о себе думают... Вот так... Не знаете, наших там нет? — уже совсем другим тоном спросил он, кивнув в сторону актового зала.

Тимофей отрицательно покачал головой.

— Наверно, нет, — сам себе ответил Лаврентий Иннокентьевич. — Чего ради они пойдут. А с телевидения пришли?

— С телевидения? — удивился Тимофей. — Почему?

— Наш как-то сумел договориться... Так что не пропустите сегодня последние известия.

— Я никого не видел, — сказал Тимофей.

— Наверно, уже в зале. Они всегда раньше приходят...

— Вы на заседание совета шли? — спросил Тимофей, чтобы как-нибудь избавиться от своего собеседника.

— Шел... Но сейчас думаю, стоит ли? Я, понимаете, рассеяться хотел, настроение поправить. Очень у меня сегодня плохое настроение, молодой человек. А там, — он опять кивнул в сторону зала, — глядишь, и услышал бы что-нибудь потешное.

— А почему у вас сегодня плохое настроение?

— Да так... Впрочем, что скрывать. Вы, можно сказать, свой человек... Заместитель нашего уважаемого шефа испортил мне настроение. Он, знаете, не только дурак, он еще и хам вдобавок... Сегодня утром, едва успел

прийти, прицепился к лаборантке, даже не знаю из-за чего. Ну а она дама с характером, свое положение знает. Она ему — потише, не кричите...

При покойном Ефиме Францевиче она «сестрой-хозяйкой» на кафедре была. И надо вам заметить, службу знала. Ефим Францевич, как каждый большой ученый, человек был мягкий, деликатный, в мелочи никогда не вмешивался. А она за порядком хорошо смотрела... Случая не припомню, чтобы мы когда-нибудь сводку или отчет не вовремя подали. Это сейчас с криком, из-под палки, а прежде все само собой совершалось по давно заведенному обычаю. Вот так, молодой человек. — Он тяжело вздохнул и вдруг спохватился: — А, о чем это я начал рассказывать? Вот склероз окаянный!

— Про заместителя...

— Ну конечно... Как я запомнил! В общем, начал он ей хамить. Она растерялась и в плач. Пришлось вмешаться. Думал его утихомирить. Куда там! Он и на меня: что нечего его учить, что он знает, как с лаборантками разговаривать. Лаборантка должна знать свое место; она обязана и пол мыть, если велят, и вообще лаборанткам, да еще в таком возрасте, нечего рот разевать. И мне, между прочим, о пенсии надо думать. И, если я воображаю, что после пенсии хоть один день тут продержусь, то я глубоко заблуждаюсь. Все в таком роде... Хотел я соответственно ответить, но, чувствую, сердце сжало, дышать нечем. Плюнул, хлопнул дверью и сюда пришел...

— Вот и опять отступили!

— Перед превосходящими силами убежденного хамства, молодой человек. Вы разве не отступали?

— По-разному случалось. — Тимофей вспомнил Жору и задумался.

— Ну что примолкли? У меня тоже по-разному. И у каждого так. Лбом стенку не прошибешь. Хамство и убежденность в собственной вседозволенности — всегда бок о бок идут.

— Ваш и. о. не последняя инстанция. Ректор есть, партком, — Тимофей хотел добавить «местком», но удержался.

— Так-то оно так. А с другой стороны, уж если кто вырвался на финишную прямую, к захвату кафедры, его голыми руками не остановишь.

— А как можно?

— Не для моей головы задача, — усмехнулся Лаврентий Иннокентьевич, вставая. — Пойду все-таки послушаю. Мудрые слова иногда полезно слушать, — пояснил он, протягивая Тимофею руку. — Ну, до свидания, будущий лаборант кафедры.

— Прощайте, Лаврентий Иннокентьевич, — сказал Тимофей.

— А чего это вы прощаетесь? — спросил он и снова остановился. — Вечером увидимся... И, между прочим, молодой человек, запомните: Иннокентий Лаврентьевич. Ну, если так трудно, запомните иначе: в молодости меня Кешей звали. Иннокентий — Кеша. Был у вас какой-нибудь приятель в школе — Кеша?

— Не было, — покачал головой Тимофей. — Извините, Иннокентий Лаврентьевич. А «прощайте» я сказал потому, что ухожу от вас. Совсем.

— Как уходите? Куда?

— Совсем ухожу.

— А почему, разрешите узнать?

— Не нравится мне здесь.

— Ах вот что... Так-так... Тогда понятно... — Он помолчал, глядя в пол, потом поднял глаза на Тимофея, еще раз протянул ему руку и сказал очень серьезно: — Ну, всего вам лучшего, Тимофей... Как вас по батюшке?

— Просто Тимофей.

— Тимофей так Тимофей... Знаете, а так вы мне даже больше нравитесь. Наверно, правильно поступаете. Пусть вам удастся все задуманное...

— Спасибо, — сказал Тимофей. — А вы, Иннокентий

Лаврентьевич, как войдете в зал, дверь плотно не закрывайте. Я отсюда послушаю.

— Будет сделано, — улыбнулся Иннокентий Лаврентьевич и исчез в зале, оставив дверь полуоткрытой.

* * *

Тимофей ждал долго. Он даже начал дремать на своем подоконнике и испуганно встрепенулся, когда из актового зала донесся какой-то шум. Оказалось, что оступился Петр Степанович, поднимаясь по ступенькам кафедры. При этом он рассыпал листки доклада, долго собирал и укладывал их по порядку, покусывая губы, смущенный и покрасневший. А члены совета пробудились, начали переговариваться, потревоженные неожиданной интермедией.

Наконец Петр Степанович справился с текстом, откашлялся, оглядел зал с высоты кафедры и начал читать доклад. Настроение его явно испортилось, он запинаясь, голос звучал глухо, хрипловато. Зал шумел. Слушали плохо, и ректору пришлось несколько раз постучать концом указки по столу, призывая к тишине. Подождав несколько минут, Тимофей скомандовал: «Время, остановись!» — и проскользнул в замерший зал.

На кафедре с раскрытым ртом и глазами, опущенными к тексту, застыл докладчик. Члены совета замерли в самых удивительных позах: у одних на лицах застыли ухмылки, у других — пренебрежительные гримасы, кто-то оцепенел, запустив в рот вместо зубочистки указательный палец, а один — даже в момент зевка; его лицо было неестественно вытянуто, глаза зажмурены, а рот разинут так широко, словно он собирался проглотить докладчика, а заодно и большую часть ученого совета.

Тимофей быстро подошел к кафедре. Рядом на больших деревянных стояках висели таблицы и графики, служившие иллюстрациями к докладу. Некоторые были вычерчены Тимофеем; например, центральный, где изо-

бразился рост научных публикаций сотрудников кафедры по годам. Этот график пестрел полутора десятками разноцветных ломаных линий, которые многократно пересекались; высоко над ними парила ярко-красная линия, устремленная вверх — символ научной продукции самого докладчика. Тимофей быстренько снял все таблицы и на их место приклеил другие, нарисованные в виде увеличенных телеграфных бланков. «Телеграммы» были адресованы ректору и ученому совету и подписаны «И. о. заведующего КОТФ доктор физико-математических наук профессор П. С. Овратов». В первой телеграмме говорилось: «Меня интересует не наука, а карьера в науке тчк Цель оправдывает средства тчк». Во второй: «Труды и идеи моего бывшего учителя профессора Воротыло устарели тчк. Он получил инфаркт и умер своевременно тчк Кафедрой он руководил плохо тчк». На третьей. «Я не потерплю на кафедре конкурентов тчк за полгода я оздоровил кафедру зпт трое ушли по собственному желанию зпт одна с инфарктом в больнице тчк». И так далее на десяти листах. В центре Тимофей поместил большой лист двойного формата в траурной обводке. На нем было крупно выведено: «Я карьерист, болтун, интриган, верхогляд, импотент в науке, как ученый я мертвец, но попробуйте меня тронуть — у меня есть знакомые в министерстве. Предлагаю всем членам ученого совета проголосовать за меня».

Тимофей окинул взглядом свои таблицы, поправил одну, отыскал глазами телевизионщиков. Объектив камеры был нацелен на докладчика и стояки с таблицами. Позади телевизионщиков стояли ряды стульев, на которых сидело довольно много преподавателей, пришедших послушать заседание совета. Среди них где-то находился и Иннокентий Лаврентьевич. Значит, были и зрители... Это вполне устраивало Тимофея. Очень довольный, он еще раз оглядел актовый зал и дело своих рук.

«Ну, кажется, все, — мысленно сказал он себе. — «А теперь вперед смелей, да, теперь вперед смелей!...» —

припомнилась вдруг музыкальная фраза из «Севильского цирюльника» Россини.

Напевая ее, Тимофей схватил рулон снятых таблиц и выбежал в коридор. Он спустился на первый этаж, заглянул в туалет, забросил там рулон на старинную кафельную печь, которая доходила почти до потолка, вернулся на лестницу и только тогда прошептал: «Ну, время, иди нормально». По лестнице спускалась сверху большая группа студентов. Они остановились, потому что в актовом зале послышался какой-то странный гул, который все нарастал и нарастал, подобно приближающемуся землетрясению. Двери актового зала вдруг распахнулись, и оттуда в коридор и на лестницу посыпались члены ученого совета и зрители.

Они едва держались на ногах, корчась от приступов неудержимого хохота. Побагровевшие, тяжело дыша, они вытирали слезящиеся глаза, трясли головами и никак не могли успокоиться. А в проеме распахнутых настежь дверей был виден ректор, который бегал вдоль стола президиума, махал руками и что-то кричал, видимо требуя, чтобы телевизионщики прекратили съемку.

«Вот и все», — сказал себе Тимофей. Он спустился в гардероб, оделся, вышел на улицу и возвратился в музей. Перед самым концом рабочего дня Тимофей закрыл зал, сдал ключи, расписался в книге об уходе с работы, затем остановил время и вернулся наверх. Давно подобранным ключом открыл дверь запасника, пробрался в дальний конец за баррикаду из ящиков и могильных плит. Тут он вернул времени нормальный ход, извлек из кармана два бутерброда с копченой колбасой. Не торопясь съел, запивая горячим кофе из термоса. Затем отодвинул тяжелую крышку саркофага, забрался внутрь, глянул на электронные часы. Было восемнадцать часов десять минут 27 февраля 1977 года. «Хватило бы элементов», — мелькнула мысль. Он задвинул изнутри тяжелую деревянную крышку и сказал:

— Ну, время, давай иди быстрее! Как можно быстреей!

И начал считать. Когда досчитал до пятидесяти, он заметил, что сквозь одну из щелей снаружи проникают слабые проблески света, быстро сменяющиеся темнотой. Свет мерцал значительно быстрее, чем он считал. Тимофей ускорил счет, стараясь поспевать за вспышками света. Досчитав до трехсот, он устал и решил передохнуть, а заодно проверить, что получилось. Он скомандовал: «Время, иди нормально!» — и прислушался. Снаружи было тихо, и свет в щель не проникал. Тимофей приподнял крышку и выбрался из саркофага. Освещение в запаснике было выключено, хотя он оставил его включенным. Сквозь запыленное окно снаружи проникал тусклый свет фонаря. Воздух в запаснике показался более затхлым, чем тогда, когда он пришел сюда. Тимофей глянул в окно. Оно выходило на музейный двор. слабо освещенный единственным электрическим фонарем. На дворе лежал снег.

«Получилось или не получилось?» — недоумевал Тимофей и тут вспомнил о часах. Он поднял руку и начал приглядываться. На табло часов ничего не было видно. Энергия микроэлементов исчерпалась, и это могло означать лишь одно — Тимофей переместился во времени не меньше, чем на год. Надо было уточнить, куда он попал. Он начал пробираться к выходу. Ему опять показалось, что в запаснике ничего не изменилось: баррикада из надгробных плит и ящиков была на месте и тот же узкий проход между статуями и прислоненными к стенам картинами вел к двери. Дверь удалось без труда открыть изнутри его ключом. Оказалось, что в залах музея ремонт. Витрины и статуи сдвинуты, накрыты чехлами и пластиком, а паркет устлан газетами. Тимофей походил по залам и ничего не выяснил. Тогда он решил посмотреть газеты, лежавшие на полу. Даты и сами газеты были разные. Некоторые очень старые. Потом он нашел газету от июня 1977 года. Это было уже

кое-что... Он принес газету к окну, забрызганному мелом, и при свете, проникавшем с улицы, просмотрел ее. Ничто не привлекло его внимания, кроме самой даты. Мир и страна жили теми же делами и интересами, что и полгода назад.

Тимофей продолжил поиски. Наконец ему попался обрывок газеты от ноября 1979 года. Это было уже лучше. Он снова вернулся к окну и принялся читать. И опять ничего интересного не обнаружил. Рекламы цветных телевизоров новых марок, новые фильмы в кино... Заметка о воспитательной работе в университете, но конец был оборван. Знакомых имен и фамилий не попало. Тимофей почувствовал голод. Он запустил руку в карман, куда положил жестяную коробочку с таблетками витамина С. Коробка оказалась на месте, но в кармане были дыры. Тимофей ощупал пиджак и обнаружил, что и пиджак в дырах и буквально расползается под его пальцами. Едва ли это мог быть 1979 год... Тимофей вздохнул, открыл жестяную коробочку и сунул одну таблетку в рот. Она была как камень; только спустя некоторое время во рту ощутился слабый кисло-сладкий вкус. Побродив по залам, Тимофей осторожно выглянул на главную лестницу. Внизу у барьера дремал за столом вахтер. Возле него лежала газета, а на газете — два больших бутерброда с ветчиной, половинка огурца и термос. Тимофей почувствовал страшный голод и решился. Он остановил время, спустился вниз по лестнице, забрал со стола один бутерброд, разломил половинку огурца на две части, одну тут же съел, закусывая бутербродом, выпил половину кофе и глянул на газету. Она показалась ему совсем свежей, дата была 12 декабря 1979 года. Тимофей закрыл поплотнее термос с остатками кофе, снял муху со второго бутерброда, поднялся по лестнице и только тогда переключил время на нормальный ход. Затем он вернулся в запасник, не забыв запереть за собой дверь.

Итак, расчет был простой. Если считать до трехсот,

получается три года. Значит, досчитав до трех тысяч, он очутится в начале XXI века. Тимофей решил сделать следующую остановку именно там. Он опять полез в свой саркофаг. Навстречу вылетела целая стайка серебристых молей. Тимофей принялся махать руками, чтобы изгнать из саркофага всю моль, сожравшую его пиджак. Иначе ему грозило очутиться в XXI веке совсем голым. Когда моли не стало видно, он задвинул крышку, ускорил время и принялся считать. А когда досчитал до тысячи, он незаметно для себя уснул...

* * *

Спал он долго, ему снились странные цветные сны. Когда он проснулся и сообразил, что спал, ужас охватил его. Он боялся подать времени команду, совершенно не представляя, что может ожидать его... Приоткрыв чуть-чуть глаза, он различил только свет, ярчайший свет, который уже не мигал, а горел светло и ровно. «Может, это пожар и я горю», — мелькнула страшная мысль. Но пожар не мог продолжаться долго, а тело его чувствовало только приятное тепло. И тогда он решил... Однако, подав времени команду идти нормально, он еще боялся пошевелиться и открыть глаза. Первое, что он почувствовал, был воздух, необыкновенно чистый и бодрящий. Он глубоко вздохнул, и воздух, словно проникнув мгновенно во все клетки тела, оживил его и наполнил небывалой радостью.

«Я живу», — подумал он, усмехнулся и открыл глаза. Сказочный мир восстал перед ним. Бесконечная анфилада огромных светлых залов тянулась в обе стороны от того места, где он находился. Стены и потолок залов были прозрачные, за ними простирались зеленые волны холмистых равнин, пересеченные сетью разноцветных прямых линий, вдали сверкали стеклом и металлом удивительные и прекрасные сооружения, не похожие ни на что, виденное им раньше. И над этим миром покоя,

гармонии и красоты светило в голубом небе солнце и медленно плыли белые чистые облака.

Он взглянул на себя. Совершенно обнаженный, он полулежал на наклонном прозрачном ложе. Осторожно коснувшись ложа ладонью, он ощутил его удивительную эластичность и исходящее от него тепло. Тогда он приподнял голову и оглядел свое тело. Нагота почему-то не смущала его, обеспокоили только странные рубцы на животе. Раньше их не было. Видимо, ему сделана какая-то операция?.. Ложе, на котором он полулежал, было прикрыто прозрачным колпаком без отверстий. Он ощутил его упругую гибкость, когда поднялся и встал на ноги. Ноги вначале чуть дрожали, но живительный воздух с каждым вдохом возвращал силы. Странно только, что он совсем не испытывал голода... За прозрачным колпаком, замкнувшим его, как кокон, виднелись ряды других колпаков разных размеров и форм, а под ними покоились, а может быть, спали, подобно ему, удивительные существа, не то растения, не то животные. Знакомых форм он не видел. Вот только, может быть, одна подальше. Она напоминала египетскую мумию в пеленах. И тут он сообразил: это музей, музей будущего, одним из экспонатов которого он почему-то оказался. Но даже это открытие его не испугало. Наверно, так и должно было случиться... Ведь он заснул в старом египетском саркофаге музейного запасника...

Сколько же времени протекло с тех пор? Чтобы узнать это, надо выбраться из прозрачного кокона. Он огляделся и слегка коснулся эластичной поверхности кокона ладонью, пробуя, нельзя ли приподнять его. Прозрачный материал немного уступил нажиму руки, но больше ничего не изменилось.

«Как же приподнять его? — мелькнула мысль. — Мне надо выйти наружу».

И, словно повинувшись его желанию, прозрачный колпак легко поднялся вверх. Теперь он был свободен.

Но едва он успел сделать первые несколько шагов

в этом прекрасном саду-музее, как он услышал чей-то голос. Нет, даже не услышал. Голос звучал где-то внутри него, был чист, нежен и звонок, как маленький колокольчик.

— Ты восстал ото сна, Тим. Приветствуем тебя! Мы знали, что рано или поздно это должно случиться.

— Кто вы, почему я вас не вижу? — он не успел это сказать, только подумал и тотчас услышал ответ:

— Мы люди. Сейчас ты увидишь нас.

И действительно, они тотчас появились вокруг, словно возникли из окружающего воздуха. Их было четверо в легких развевающихся одеждах, которые в ярком свете дня переливались всеми цветами радуги. Их прекрасные лица, обнаженные плечи и руки казались смуглыми, но он сразу понял, что это загар, подаренный солнцем. И еще он понял, что двое из них женщины, а двое мужчины. У женщин волосы были чуть длиннее, губы ярче, а глаза блестели сильнее. Все они смотрели на него спокойно, дружески и улыбались. А он стоял перед ними, совершенно обнаженный, и это его несколько не смущало.

— Пойдем, — сказала одна из женщин, глядя на него с ласковой улыбкой. То есть он понял, что она это сказала, хотя губы ее не дрогнули.

— Куда?

— В наш мир. Теперь ты человек нашего мира, хотя и родился много тысячелетий назад.

— Тысячелетий? — он удивился, но не очень сильно.

— Конечно. Сейчас три тысячи восемьсот шестьдесят шестой год коммунистической эры Земли, а тебя усыпили в эпоху среднего царства в Египте.

Он хотел возразить, но решил, что сейчас это не самое главное.

— А что здесь? — спросил он, сделав широкий жест рукой.

— Это Паноптикум Вселенной, — сказал один из

мужчин. — Величайшее собрание редкостей из всех миров, которых когда-либо достигали земляне.

— И я находился здесь давно?

— Очень. На тебя смотрели глаза многих поколений еще до того, как мы стали хранителями этого собрания, Тим.

— Откуда вы знаете, что меня так зовут?

— Все люди Земли знают твое имя, Тим, — сказала одна из женщин, восторженно глядя на него. — Ты задал немало загадок ученым разных поколений. Когда при археологических раскопках нашли твой саркофаг, эта находка заставила изменить многие датировки в истории древнего мира. А инвентарь твоего захоронения и столетия спустя продолжал вызывать споры. По-иному стала выглядеть и сама история. Люди поняли, что древнейшие народы бассейна Нила владели величайшими тайнами, утерянными потом в веках. И самой удивительной была тайна времени... Ты покоился в своем саркофаге вне времени. Это была победа над тем, что всегда казалось людям непреодолимым.

— Значит, управлять временем вы так и не научились? — горестно воскликнул он. А может, не воскликнул, только подумал. — Даже в вашем три тысячи восемьсот шестьдесят шестом году коммунистической эры...

Они возразили все хором. То есть и теперь губы их не шевельнулись, только глаза заблестели ярче, но он понял, что они говорят:

— Нет, нет, Тим! Люди вернули тайну древней мудрости; вернули благодаря тебе.

— Благодаря мне?

— Конечно. Лет восемьсот назад твоим изучением занялся один из величайших гениев Земли — Борк, создатель современного языка — языка мыслей. После долгих экспериментов ему удалось проникнуть в тайники твоей памяти, расшифровать хранящуюся там информацию. Вот тогда ученые и поняли, что ты не только один из выдающихся деятелей древнего мира — непобе-

димый воитель, борец за справедливость и торжество правды, но и последний представитель многовековой династии жрецов, которая с незапамятных времен хранила секрет управления временем.

Несмотря на величайшие почести, которые, без сомнения, воздавали тебе твои современники, ты решился передать эстафету знания далеким потомкам. Ты дал живо похоронить себя и, таким образом, начал самое необыкновенное путешествие, которое когда-либо совершал человек, рожденный на Земле. Ну а понять остальное было уже проще. Благодаря открытию Борка, а также благодаря одной очень древней работе, написанной медиком по имени Игорь около трех с половиной тысяч лет назад — к сожалению, работа эта в подлиннике не сохранилась — удалось проследить твое перемещение во времени. В пути ты, видимо, совершал остановки, тебя не один раз перезахороняли, отсюда смешанный материал твоего последнего погребения...

Несмотря на живительную свежесть необыкновенно чистого воздуха, Тим почувствовал, что в голове у него начинается какая-то свистопляска.

«То есть все, конечно, могло быть и так, как рассказывала эта прекрасная женщина, но с другой стороны...»

Он попытался сосредоточиться и не мог.

— Что волнует тебя, великий Тим? — участливо спросил один из мужчин. — Мысли твои так стремительны, что мы не в состоянии уловить их.

— Не зовите меня великим, — жалобно попросил он. — Зовите просто Тимом.

— Хорошо, — сказали они хором. — Извини нас, но этот эпитет принадлежит тебе по праву. И твой отказ от него свидетельствует о твоей необыкновенной скромности.

Он совсем засмутился и, чтобы сменить тему, спросил:

— Ну а как же все-таки у вас со временем? Научились управлять им?

— Некоторые из нас умеют сжимать и растягивать время, — сказала одна из женщин. — В определенных пределах, конечно... Это дается с трудом... и не всегда...

— Сжимать и растягивать... — повторил он и вспомнил профессора Воротыло, который говорил именно об этом. Разговор происходил в больнице минувшим летом... Хотя нет, не минувшим летом — три с половиной тысячи лет тому назад... С ума можно сойти!.. Мысли его снова стали путаться.

— Управление временем достигается путем очень длительных тренировок, — продолжала женщина, не сводя с него ласкового взгляда больших сияющих глаз. — Тренировки мы начинаем с детства, после целого ряда вступительных проверок. Однако до полного подчинения времени человеку еще далеко.

— Люди воспользовались твоим бесценным опытом, Тим, — сказал один из мужчин. — По образцу клеток твоего мозга создан гигантский искусственный мозг, в который перенесен твой опыт, а также опыт многих людей последних поколений, овладевших в той или иной степени управлением времени. Ты вскоре убедишься, что с помощью этого гигантского мозга можно уже достичь многого. И, конечно, ты поможешь нам, если захочешь... Идем же...

— Мне бы прикрыться чем-нибудь, — заметил Тим. — А то неудобно как-то...

— Мы думали, что ты предпочитаешь благородную наготу, — сказала одна из женщин, коснувшись пальцами его волосатой груди.

— Пожелай, чем бы ты хотел прикрыться, Тим, — сказала вторая женщина. — Придумай что-нибудь необыкновенное, ты, конечно, можешь.

Первое, о чем он вспомнил, был его старый пиджак, изъеденный молью прошлой зимой. То есть, конечно, не прошлой зимой, а...

Закончить мысль он не успел. На плечах у него вдруг

очутился его пиджак весь в пыли и в дырах от моли.

Тим с сомнением оглядел себя. Из-под рваного пиджака неприлично торчали голые волосатые ноги.

— Знаешь, Тим, — осторожно сказала женщина, которая просила его придумать что-нибудь необыкновенное. — Это, конечно, хорошо... Превосходная копия очень старинной вещи, которая могла бы стать украшением любого музея древностей. Но лучше придумай что-нибудь другое.

— Придумай ты, — попросил он.

И тотчас же рваный пиджак исчез; тело ощутило прикосновение легкой ткани, окутавшей его воздушными, колеблющимися голубовато-фиолетовыми волнами.

— Как красиво, — сказал он, восхищенно приглаживая свое одеяние; пальцы его вдруг нащупали под тонкой тканью рубцы на животе, о которых он позабыл.

— А что, разве мне сделали какую-нибудь операцию, когда я... спал? — спросил он у новых знакомых.

— Пустяковую, — улыбнулись женщины.

— Удалили кое-что ненужное, — кивнул один из мужчин, а другой добавил:

— Кишки, желудок и еще кое-какую мелочь.

— Как? — ахнул обомлевший Тим. — Что же теперь со мной будет?

Они удивились:

— Почему это тебя так взволновало?

— Это же рудименты.

— Мы все, и ты тоже, уже несколько столетий получаем жизненную энергию прямо от солнечных лучей.

У него отлегло от сердца:

— Так вы ничего не едите?

Они, улыбаясь, покачали головами.

Тим вдруг вспомнил колбасу твердого копчения, которую так любил. Он попытался представить себе ее вкус и не смог. Это было очень странно... И еще более странным показалось то, что он теперь совсем не хотел копченой колбасы. И вообще ничего не хотел...

— Ну а рот, губы, — сказал Тим. — Выходит, они тоже не нужны, если мы разговариваем мыслями?

Мужчины рассмеялись, а женщины переглянулись, и одна из них сказала:

— Он бесподобно наивен, этот мудрец с тысячелетним опытом.

— А мудрецы все были такие, — возразила вторая и, обняв Тима за шею, поцеловала в губы.

Насколько Тим мог припомнить, это был второй поцелуй женщины за весь его долгий жизненный путь.

«Но, надеюсь, не последний», — подумал он, и обе женщины вдруг смущенно потупились.

Тим обвел восхищенным взглядом просторный зал с рядами удивительных экспонатов и подумал, что обязательно вернется сюда, чтобы рассмотреть подробно.

— Конечно, как только захочешь, — кивнул мужчина, который стоял рядом.

— Любопытно, а сколько сейчас живут люди? — поинтересовался Тим.

Его собеседники переглянулись.

— Мы почти бессмертны, как и ты, — снова ответил мужчина, который стоял рядом. Тим вопросительно посмотрел на остальных. Они улыбались и утвердительно кивали головами.

— А вы это здорово придумали, — сказал Тим. — Просто удивительно. — И тоже улыбнулся.

Тогда они заговорили все сразу. То есть не заговорили, а... Но он все понимал.

— Люди нашей эпохи придумали и кое-что еще...

— Ты еще многому будешь удивляться, Тим.

— Идем же...

И, взяв его за руки, они побежали вперед — к зеленым холмам, над которыми сияло вечное солнце.

Он бежал с ними и думал:

— Проснулся ли я? Что, если сны еще продолжаютя?..

ОТ АВТОРА

Скоро минет полвека, как я обратился к фантастике. Первый рассказ был написан перед самой войной... Правда, опубликовать его удалось лишь в пятидесятых годах — спустя полтора десятилетия. По существу, тот рассказ даже и не совсем фантастический. Тему подсказали действительное происшествие в геологической партии на Памире и легенда, услышанная в одном из кишлаков восточного Каратегина. В опубликованном варианте рассказ был назван «Ночь у мазара».

Так случилось, что долитературная профессия — геология, а еще война, которая для меня закончилась не 9 мая 1945 года, а почти на три года позже, задали основные направления моей фантастике. Она преимущественно земная, а борьба за сохранение мира и биосферы планеты, иными словами, борьба за сохранение Человека разумного и земной цивилизации стали лейтмотивами всего, что написано. И еще — твердая убежденность, что научно-технический прогресс должен сопровождаться прогрессом нравственным и социальным. Иначе — катастрофа всеобщего уничтожения...

Повести этой книги написаны в разное время, но все они в той или иной степени отражают вышесказанное. В двух событиях разворачиваются на Земле, третья переносит читателей на Марс, однако проблемы, возникающие перед героями, остаются теми же.

И если слова этой книги заставят молодых читателей задуматься о своей нравственной позиции в нынешнем мире, чреватом нарастающими угрозами милитаризма, терроризма, неофашизма, о своем посильном участии во всеобщих усилиях сохранить цивилизацию, жизнь на Земле, защитить извечные идеалы разума и человечности от посягательств тоталитаризма, значит, автору удалось выполнить свою небольшую задачу...

А. ШАЛИМОВ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИБОЩЕНИЕ К БОЛЬШИНСТВУ	5
ЭСТАФЕТА РАЗУМА	106
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЗАМЕДЛЯЛ И УСКОРЯЛ ВРЕМЯ	207
ОТ АВТОРА	335

ИБ № 6079

Шалимов Александр Иванович

ЭСТАФЕТА РАЗУМА

Заведующий редакцией **В. Щербаков**
Редактор **Т. Журавлева**
Художник **Н. Маркова**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **В. Пилкова**
Корректоры **В. Назарова, И. Ларина**

Сдано в набор 08.08.88. Подписано в печать 01.03.89. А00836.
Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 14,7. Учетно-изд.
л. 15,5. Усл. кр.-отт. 15,05. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 50 к.
Заказ 1980.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-
полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

ISBN 5-235-00507-4

1 р. 50 к.

МОЛОДОЯ ГВАРДИЯ

